

Георгий Турьянский

MOSKVA – ФРАНКФУРТ – MOSKVA
Сборник рассказов 1996-2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Часть Первая. MOSKVA

Как мы жили

Максим Максимыч

Взаимобогащение

Три минуты быстрым шагом

Отъезд

Когда разгоралась заря новой жизни

Символ надежды

Часть Вторая. ФРАНКФУРТ

Немецкий экзамен

В гостях хорошо, а дома лучше

Одесский рассказ

Часики Буша

О.Н.

Советы молодым писателям

Ученый разговор

«Богемская рапсодия» маленькой ласточки

Часть Третья. SNOVA MOSKVA

Лето в деревне

НЛО

Миф

В стиле Лаймы Вайкуле

Часть Четвёртая. Ручная кладь

Тетрадь

Предисловие

Как таковую, эту книгу я не писал.

Вернее, на протяжении 10-ти лет с большими перерывами я записывал истории, которые мне самому казались интересными. Кое-что я, разумеется, выдумывал. Не без этого. Но про книжку не думал.

Теперь я сижу на куче рассказов и не знаю, что с этим делать. Надо кому-то показывать. Конечно, я и раньше показывал. Показывал семье, друзьям и издателю «Литературного Европейца» писателю Вл. Батшеву, который относится ко мне благосклонно.

И тогда я решил сделать книжку. В ней три части: одна часть посвящена 90-м годам того века, когда настроение было у большинства откровенно похоронным. Я уезжал в Германию один в феврале 1992-го года с рюкзаком и двумя сумками.

До Польши я ехал вместе с весёлой гурьбой челноков, продавцов барахла. После Варшавы я остался в вагоне один на один со своими мыслями...

Когда я заканчивал в Москве школу, всюду бушевала афганская война. Я страшно боялся быть на неё призванным. Когда уезжал, новый чеченский нарыв начал заливать страну кровью и гноем.

Мой дядя, кандидат экономических наук, работал по совместительству в торгово-промышленном предприятии «Кооператив Алиса». Я успел там поработать, поступил в технический ВУЗ, успел поучиться. Я работал в стройотряде на Дальнем Востоке и ездил по обмену студентами в Швейцарию. Всё, что было связано с СССР, закончилось грандиозным взрывом 1991-го года. Я уехал в феврале 1992-го. Новую Россию я почти не знаю.

Во Франкфурте проводник пожелал мне всяческих успехов и помахал на прощанье рукой. Я поставил себе целью продержаться дней семь – восемь. Я понятия не имел, дадут ли мне хоть копейку на новом месте. Поэтому решил: не пристроюсь за неделю, поверну оглобли. Мне как раз исполнилось 22 года...

Рассказы первой части уже частично устарели. С того момента, когда я начал что-то сочинять, а это был 1996 год, прошло пятнадцать лет..

Вторая часть – рассказы, в которых действие происходит в Германии после момента переезда, стало быть, после 1992-го года.

Третья часть – возвращение назад. Моя семья и я сам никогда не порывали с Москвой и Россией окончательно, а сейчас в силу специфики работы, в авиакомпании «Люфтганза», поездки для нас – дело привычное.

Там у меня родственники и друзья. Туда я возвращаюсь и в эти моменты живу меж двух стран: и в России, и в Германии одновременно.

Москва, мой родной город, за эти годы сильно изменилась, внутренне напряжена, внешне агрессивна, буквально выталкивает из себя приезжего. Остаётся вечное испробованное средство: побег. К друзьям, к родителям, на дачу.

Мой десятилетний побег по маршруту МОСКВА – ФРАНКФУРТ – СНОВА МОСКВА в этой книге.

I. MOSKVA

Как мы жили

Полина – моя дочка. Она любит сидеть у меня на коленях и слушать сказки. И не сказки, а самые настоящие правдивые истории она тоже обожает, ещё больше, чем сказки. Полина меня спрашивает про то, как люди жили раньше. Мы смотрим книжки с картинками и даже читаем рассказы из учебника истории для малышек. Я вдруг подумал, ведь я и сам помню разные истории, которые случались со мной и с моими друзьями. Однажды я сел за компьютер и стал писать подряд всё то, что приходило мне в голову из времени моего детства... И вот что из этого получилось.

Когда я был маленьким мальчиком, и мне было столько же лет, сколько сейчас Полине, я жил с моими родителями в городе Москве. Страна, в которой мы жили, называлась длинным словом из трёх букв «С» и ещё «Р» впридачу, «СССР». А сейчас такой страны нет, и люди разъехались жить по разным другим городам и странам. Но тогда мы жили в СССР, в городе Москве в двенадцатиэтажном панельном доме. Панельным дом называется потому, что строят его из отдельных стен-панелей, как из конструктора. Такой дом можно построить очень быстро.

Дом наш построили быстро, но получился он неказистый и внутри, и снаружи.

Особенно, конечно, снаружи, потому что изнутри жильцы свои дома сами переделывали. В те времена люди приезжали в новый дом и сразу делали ремонт, то есть они весь дом перестраивали, мусор со стройки вывозили, балконы застекляли. Стены, которые лишние, то есть. Если, например, стен много, а места мало, ломали. Называлось это расширять жилплощадь.

А как всё переломают и заново перестроят, очень радуются и отмечают новоселье.

Наша квартира так и осталась очень маленькой и неудобной. Потому что папа отказался перестраивать квартиру. Мама ему говорила: «Сломай самую толстую, самую лишнюю стену, как дядя Слава на десятом этаже. Что она такая толстая,

квартиру перегораживает? Не нужна стена». Но папа не захотел ни в какую. Он сказал: «Стена нужна. Мы живём внизу, на втором этаже, и если сломать толстую лишнюю стену, то весь наш панельный дом рухнет». Стена эта несущая, объяснял папа, на ней дом держится. Ещё папа сказал, что он не Стаханов и засмеялся, а я не понял, причём здесь какой-то Стаханов, но тоже стал смеяться.

Я не хотел, чтобы дом рухнул. Я лежал в кровати и представлял себе, как плохо, когда тебе на голову падают панели, и как к нам в гости летит дядя Слава. К тому же я и сам был маленький мальчик, и даже наоборот радовался, что у нас такая маленькая квартирка, прямо игрушечная.

У меня имелась целая собственная комната, с разными полезными вещами и игрушками, у мамы и папы – своя, больше комнат не было, зато мы могли ходить на кухню, в коридор и на балкон. В коридоре на стене висел папин велосипед и под ним стояли папины же старые лыжи. Деревянные, длинные и тяжёлые. У нас кругом громоздились шкафы с книгами, и каждый год книг и книжных шкафов становилось всё больше, а места всё меньше. Но папа и мама первое время после новоселья радовались. А если захотите, сами посмотрите на наш панельный дом. Адрес такой: Москва, бульвар Яна Райниса, дом 16 корпус 2, напротив детского садика.

Детский сад

Если выйти из моего дома и идти прямо примерно пятьдесят больших, взрослых шагов, то придёшь в детский сад. Вернее придёшь к забору, за которым начинается детский сад. Сворачивать не надо. Надо встать на четвереньки и пролезть в специальную дырку, которая сделана в заборе, для попадания в этот самый детский сад.

Мама меня всегда утром вела через главный вход, хотя до него идти гораздо дальше.

Мама всегда говорила: «Гоша, ты из приличной семьи, твой папа – кандидат наук. Я работаю в школе, на хорошем счету. Зачем же ты встаёшь на четвереньки?»

Мама моя работала в школе учительницей русского языка, и на хорошем счету она и вправду была, но это так говорили раньше, когда тебя другие взрослые уважают и любят, а не потому что ей там много платили, как некоторые дети сейчас думают.

– А ты можешь пролезть в дырку? – спрашивал я.

– Зачем мне это нужно? – отвечала мама.

Потом я понял, что взрослые часто так говорят, когда чего –нибудь не умеют или не хотят делать. Спрашивают, зачем это нужно.

Так в сто раз быстрее, мама, что же тут непонятного! Просто ты не можешь вот и всё. Ты застрянешь!

Маму я не хотел обижать, я её сильно любил и в детском саду без неё часто плакал. Мне там было скучно, я хотел домой. Дырка была совсем рядом, уйти не разрешали, и ключа от квартиры родители мне не давали. Я ненавидел обед, воспитательниц, тихий час, кисель, манную кашу, молочные пенки в какао, а особенно, когда за кем-нибудь приходили родители. Я ждал, когда же заберут меня, я не играл, уходил подальше и плакал. Воспитательницы говорили: «Рёва-корова. Что ты хнычешь? Какой из тебя солдат? Тебя и в армию не возьмут!»

Но я всё равно плакал. Один раз я решил убежать из садика. Когда все играли во дворе, я пролез через дырку в заборе и побежал в школу, к маме на работу. Школа находилась далеко от дома, но дорогу я знал хорошо. Только в одном месте надо было перейти улицу, а вот как раз улицу я переходить и не умел. То есть, я знал, что на красный свет дороги нет, но об этом как-то сразу не подумал и, тем более, не догадался остановиться, посмотреть сперва налево, потом направо и идти на зелёный свет. О том, как это важно, мне никто ещё толком не объяснял. Уметь правильно переходить дорогу – очень нужно в жизни. Поэтому теперь-то я своим детям объясняю, как пользоваться светофором. Вдруг и они надумают убежать куда-нибудь. Тогда же я просто перебежал проезжую часть, не глядя по сторонам. И чуть-чуть не попал под грузовик.

Когда я пришёл к маме на урок, она почему – то не обрадовалась, а наоборот. Она посадила меня в класс и пошла куда-то звонить. Ученики, как только мама вышла из класса, зашумели, они стали бегать и бросаться друг в друга портфелями, а некоторые подбежали к маминому столу и начали там что-то искать. В школе мне сразу очень понравилось. Здесь было очень весело, а строгих воспитательниц я там не встретил. Потом в школу пришёл милиционер. Я подумал, что меня арестуют, ведь я перебежал улицу на красный свет. Но милиционер поговорил с мамой и ушёл, а мама сказала, что она со мной побеседует после уроков. Целый день я просидел в школе на задней парте. Это было так здорово! Один весёлый ученик по фамилии Булочкин, который здорово рисовал про войну: ну разные там дымящиеся чёрным дымом танки, горящие падающие самолёты, тонущие корабли, подарил мне все свои рисунки. Мама сказала Булочкину тихим голосом «спасибо» и поставила ему четвёрку в дневник и добавила: «За работу на уроке». Я уже даже стал представлять себе, что когда подрасту, то, как и Булочкин, буду приходить на урок, рисовать про войну и хорошо учиться. Дома меня сильно ругали. Папа строго объяснял, что мне должно быть стыдно. Потому что воспитательницы полчаса меня искали, под кровати заглядывали, а когда не нашли, вызывали милицию. Воспитательниц мне не было жалко, я их не любил. Я, правда, боялся, что они меня накажут или в группе надо мной опять станут смеяться. Но в детском саду меня не наказали, я показал картинки про войну, и ни одна из воспитательниц не засмеялась.

Море

Однажды мы отправились всей семьёй на море. На море в старые времена ездили двумя способами: один назывался «по путёвке», а другой – «дикарём». Путёвку покупали заранее, кто знал, где её купить. По путёвке можно было поехать в дом отдыха или пансионат. В пансионате разрешалось жить, спать в отдельной комнате, кушать в столовой, а потом ходить гулять в лес, на речку или на море, если, конечно, море рядом имелось. Только купить путёвку мог не каждый. Это сейчас захотел ты, к примеру, поехать в другую страну или в соседнюю деревню, заплатил за билет и поехал. А раньше надо было ходить, спрашивать, нет ли у кого свободной путёвки, нет ли лишнего билетика на самолёт и ждать. И говорили даже про такие труднопокупаемые вещи не «купил», а «достал». Значит, ты постарался, не просто купил, а долго ждал в очереди, куда-то ходил, искал, просил и наконец, заполучил. А ещё раньше так мы жили: в деревню можно было поехать, а в другую страну почему-то нет. Почему нельзя, я объяснять не стану, я и сам толком не знал, пока не вырос. Но, в общем, купить билет и поехать жить в домике у моря могли не все. Поэтому многие ездили отдыхать «дикарём». «Дикари» приезжали на юг без путёвки, а приехав, просто ходили по вокзалу и спрашивали, не пустит ли их кто-нибудь к себе жить на лето.

Мама, папа и я поехали на Азовское море «дикарём». Города Бердянска, где мы отдыхали, я совсем не помню, не помню, где мы жили. Вернее помню, что какую-то бабушку мои родители называли «квартирной хозяйкой». Вот у неё мы и жили. Я помню море и лиман, особенно запах лимана. Плавать я тогда не умел, и боялся утонуть. В лимане вода плескалась пониже колен, ходить по тёплому мелкому лиману было приятно и безопасно. Очень плохо в Бердянске обстояло дело с обедами. «Квартирная хозяйка» к себе на кухню нас не пускала. Пообедать «дикари» ходили в два места: в ресторан «Волна» и в ресторан «Кристалл». Везде стояли длинные, шумные очереди. Мы всегда ели в «Волне», потому что так дешевле. А в «Кристалле» нам один раз не принесли еды. Мы ждали её полтора часа. Полтора часа – это целый час и ещё половинка. Потом папа сказал: «Что это за заведение? Я покажу им, кто мы такие». Потом папа пошёл на кухню показывать, кто мы такие: то есть стал громким голосом говорить обидные слова официанту, а официант, когда папа ему показал,

расстроился. Он очень расстроился, но не стал драться или плакать. За это официант принёс нам холодную и невкусную рыбу. Он специально принёс нам такую невкусную еду, которую невозможно взять в рот. Он хотел сделать что-нибудь злое маме, папе и мне. Почему мы ему не понравились, я не знаю. Только за папу было обидно. Получалось, что злой официант нас всё же перехитрил.

В Бердянске я понял, как это здорово ездить на море в отпуск. Море – это вот что: солёная вода, песок, и особенно здорово – тёплый, с сильным затхлым запахом лиман. Азовское море – маленькое море для маленьких людей, потому здесь и маленькому человеку можно хорошо отдохнуть. Через две недели после начала отпуска пляж в Бердянске закрыли из-за начавшейся эпидемии холеры, и мы уехали домой.

Рак

Вместе с нами в нашем доме, в квартире на третьем этаже жила моя бабушка. Бабушка у меня работала врачом, она лечила людей в больнице, и даже иногда брала меня к себе на работу. Больница была большая, больных и врачей там – видимо-невидимо, а бабушка – заведующая отделением.

Если бабушка – врач – это хорошо, тебе не надо стоять в длинных очередях, чтобы выписали таблетки от кашля. Их тебе приносит бабушка прямо домой с работы. Она знает докторов по именам, и тебя осматривает профессор в золотых очках, потому что бабушка его попросила, а бабушке он отказать не мог.

Бабушка садилась на зелёный диван, прижимала меня крепко-крепко к своему тёплому боку, гладила по голове и спрашивала:

– Кого ты больше всех любишь?

Я отвечал: «Маму»

– А на втором месте?

Бабушка любила быть на втором или на третьем месте. На четвёртое она не соглашалась и просила хорошенько ещё разок подумать. А на первом месте у меня всё равно всегда получалась мама.

Когда мне исполнилось семь лет, бабушка заболела. Она лежала на зелёном диване и не вставала, и не хотела, чтобы я её навещал. Зелёный диван я раньше любил, я на нем часто играл, когда приходил в гости к бабушке, такие интересные были там подушки. Их можно было снять с дивана и построить из них домик. Теперь бабушка лежала на диване спиной ко мне и даже не поворачивала головы, когда я её звал. Мама ходила с заплаканными глазами, и говорила, что вся надежда на профессора в золотых очках. Однажды профессор пришёл, а с ним другой. Профессора долго разговаривали с бабушкой и с мамой, потом они ушли, а мама всё плакала.

А на улице было лето, и папа сказал, что так дальше продолжаться не может, и стал собирать чемодан. Мама сказала мне: «Гоша, ты уже большой мальчик и всё понимаешь. У бабушки тяжёлая болезнь. Она называется рак. Папа и ты поедете в Архангельск, к твоей другой бабушке Анне». Я тогда ещё подумал, какое странное название у бабушкиной болезни, как будто бы болезнь живая.

Через несколько дней мы с папой сели на поезд и поехали. Папа иногда выходил из поезда, чтобы купить пирожные и газированную воду, а я ужасно боялся, что он не успеет вернуться в вагон до отхода поезда. В те времена такое часто случалось. А ведь если бы папа отстал от поезда, я бы ни за что не нашёл дом моей другой бабушки, я и адреса даже не знал. Но папа от поезда не отстал, и мы доехали. Адрес бабушки Анны оказался лёгким: улица Трамвайная, дом 1, квартира 1 на первом этаже. Дом старый деревянный из чёрных досок, а не из панелей, как в Москве.

Архангельск не похож на Москву. В Архангельске всё поменьше: дома, улицы, а метро и вовсе не было. Зато там были целые мостовые, сделанные из досок. А всё потому, что там кругом вечная мерзлота. Покроют дорогу асфальтом, а под асфальтом лёд, вечный лёд. Лёд летом растает, и улица начинает проваливаться прямо под ногами. Поэтому дорогу настилали досками. Ещё в Архангельске летом солнце не прячется за

горизонт. Там летом можно ночью гулять как днём, без фонарика, так там светло. А ещё там есть река Северная Двина. По этой реке мы с папой плавали на лодке, которую нам дал папин брат Лев. Только на самом деле все называют его Лёва. Папа грёб вёслами, а я был рулевой.

Один раз Лёва сказал:

– Так, мужики, есть предложение.

Мужики были, конечно, папа и я. Мне же уже к тому времени исполнилось семь лет, а папе и подавно. Значит, мы взрослые.

– Можем взять мой катер, – говорит Лёва, – и поехать раков наловить. Машина – зверь. Раки, они ж не дураки, чистую воду любят, здесь-то их нет, а я место одно знаю. Завтра рано утром я вас разбужу и поплывём.

Я представлял себе, как мы поедем ловить этих раков, и всё думал, кусаются они или нет. Ночью мне приснился рак, который полз на меня и хватал своими клешнями.

– Ты чего кричишь по ночам, – спросил папа меня утром, – сон плохой увидал?

Потом мы пошли спускать катер на воду, катер оказался большой и красивый. Только на его дне плескалась вода. Лёва объяснил, что катер имеет течь, дырявый значит, но это ничего. Папа с Лёвой долго ходили вокруг катера. А вода не уходила, наоборот её становилось всё больше. Я уже не хотел ловить раков. Я плавать умел только в море на лимане, а в Северной Двине я не умел. Она глубокая и холодная, эта река. А папа рассказывал, что течёт она прямо в Ледовитый океан. Лёва показывал папе, как надо вычёрпывать воду. Но папа тоже раздумал ловить раков и сказал:

В другой раз, Лёва. Пусть они ещё поплавают.

Когда мы вернулись в Москву, бабушка умерла, и её уже похоронили. Меня привели в пустую квартиру, чтобы я забрал домой свои игрушки, какие ещё здесь случайно оставались. Я залез на проклятый зелёный диван и стащил на пол все шесть больших подушек. Я бил их ногами и колотил по ним кулаками.

Потом я сел на голое диванное днище и заплакал. Фанерные листы в некоторых местах оказались неровными, в глубоких царапинах, будто какой-то зверь скрёб их своими когтями. Страшная болезнь рак затащила бабушку к себе. А что касается живых раков, то я их и до сих пор не люблю.

Военная тайна

На первом этаже в нашем доме жили два брата-близнеца. Их звали Гришка и Валерка. Они были очень похожи, но я быстро научился их различать. Гришка – чуть-чуть потолще и чуть-чуть повыше. А почему? А потому, что он старше Валерки. На целых двадцать минут. Хотя на вид братья были одинаковые, они никогда не могли договориться друг с другом, часто ссорились и дрались. Я сперва пытался их мирить, только ничего не выходило, они снова начинали драться или вдвоём набрасывались на меня. В один прекрасный день я понял, что с ними нужно дружить по очереди. Так мы и делали. И получалось очень хорошо. Для братьев я тоже был очень полезным. Если Гришка хотел спрятать чего-нибудь от Валерки, например какую-нибудь почтовую марку, он просто относил её ко мне. Так же поступал и Валерка: приносил свои ценности ко мне. Я складывал их вещи на двух разных полках в серванте, куда мои родители редко заглядывали.

К Гришке и Валерке я любил заходить в гости. У них были очень красивые игрушки, например, целая куча индейцев и два красных двухэтажных пластмассовых автобуса, я таких никогда и нигде не видел.

Однажды я пришёл к Гришке и Валерке и хотел позвать их на улицу, идти гулять. Братья были одеты в нарядные белые рубашки и чистые штаны. В их квартире вкусно пахло пирожками с капустой. Идти гулять они не захотели. Кругом стояли, сидели, ходили взрослые. Но это были странные взрослые. Такие взрослые, каких на улицах страны с названием из трёх «С» и одной «Р» ни за что нигде не найдёшь. Они разговаривали на непонятном языке, от них необычно пахло, но не пирожками, а

сладкими, чужими и далёкими запахами не нашей улицы, не бульваром Яна Райниса. И всё время они чего-нибудь фотографировали. Даже двухэтажные автобусы, и индейцев. Наверное, им автобусы тоже нравились. От ярких вспышек у меня заболели глаза.

– Это кто к вам приехал? – спросил я Гришку, с которым тогда больше дружил.

– А-а это, это..., – Гришка думал чего бы ему такое сказать. – Это иностранцы к нам приехали, из-за границы.

– Если хочешь, оставайся, Гоша, тебе тогда наверняка жвачку дадут, – вдруг добавил Гришка, а Валерка кивнул на меня:

– Я пойду родителям скажу, чтобы разрешили его оставить.

И Валерка вышел из комнаты. С Валеркой я хотя не сильно дружил, но мы не ссорились. Ведь я не мог дружить одновременно с обоими братьями. Валерка пошёл просить своих маму и папу, чтобы меня не выгоняли, а позволили чуть-чуть остаться. Жвачку я никогда не пробовал, в магазинах страны СССР её в то время не продавали. Мне стало интересно, и я остался. Иностранцы подходили ко мне, щёлкали фотоаппаратами. И точно, один большой бородатый дядька протянул мне белую бумажную полоску.

Это жвачка, её можно жевать, а глотать нельзя, – объяснял Гришка, – можно надувать пузыри. Гляди.

А если проглотишь, что будет? – спрашивал я.

Умрёшь, – засмеялся Валерка, – ты не бойся, наша мама врач, она тебя спасёт.

Пузыри у меня не получались, но я не расстраивался, а когда устал жевать, завернул жвачку в бумажку и положил в карман, чтобы дожевать после. Потом иностранцы ушли, и мы пошли гулять. Мы пролезли в дыру забора детского сада, сели там на разбитую скамейку под навесом от дождя, я снова достал жвачку и попробовал её дожевать. Гришка начал объяснять, что иностранцы к ним часто приезжают, ведь их папа хочет уехать в Америку жить, и мама хочет, и он, Гришка, хочет, а их отсюда не выпускают уехать.

– Почему не выпускают, кто не пускает? – спрашивал я.

Гришка объяснял, что его папа знает военную тайну, а тот, кто знает тайну, не может никуда уехать из СССР. Папу его могут и в тюрьму посадить, если окажется, что он военный секрет иностранцам разболтал.

– И ты тоже знаешь военную тайну? – удивился я.

– Нет. Тайну папа никому не говорит, с него специальную бумажку взяли, подписка называется. Но ничего, я всё равно узнаю.

– А Валерка тоже хочет уехать? – не унимался я.

– Да его никто и не спрашивает, старший брат-то я, родители только со мной советуются, – ответил Гришка и отвернулся, – только ты никому не говори, что я тебе рассказал про военную тайну. И моим маме с папой не говори. А то мне же ещё по башке дадут.

Я снова спрятал жвачку. И обещал, и даже дал клятву. Гришку я уважал ещё больше, а с Валеркой мы в тот день не сильно дружили.

С одной стороны, это даже хорошо, что их папу не выпускают, решил я. Если его выпустят, уедет Гришка, а, может, и Валерка. Вдруг и его решат взять? С кем мне тогда дружить?

Но я зря боялся. Гришка и Валерка, их папа и мама вместе с военной тайной уехали из страны СССР только через десять лет. Потому что любая тайна, даже военная, через много-много времени становится уже и не тайна, и не секрет, а всем известная в мире вещь. И тогда про неё можно говорить, с кем вздумается.

Сестра

Один раз ко мне подошла мама и сказала, что хочет со мной серьёзно поговорить. Скажи, Гоша, – начала мама, – вот ты живёшь без братика и сестрички, наверное, тебе

скучно. Хочется с кем-нибудь поиграть, а никого нет.

Нет, мне не скучно, – отвечал я, – я хожу к Гришке и Валерке в гости, мы на улице часто играем. И с другими ребятами тоже.

Всё-таки без братика тебе не очень хорошо, – не унималась мама, – ты бы мог о малыше заботиться.

Я ни о ком не хотел заботиться.

– Мама, я не хочу ни брата, ни, тем более, сестру. Что я буду с ней делать? С девчонками я не играю. А в какой комнате я должен жить? А игрушки куда я свои дену? Мама стала говорить, что я чёрствый, раз не хочу ни о ком заботиться. Они с папой хотели со мной посоветоваться, но, если их сын оказался таким злым, то и советоваться больше не о чем. Больше со мной не советовались, а мамин живот после этого разговора начал увеличиваться.

Дело было летом, я много бегал по двору с Гришкой и Валеркой, пока мы все трое не заразились свинкой. Это такая болезнь, от неё болит и распухает горло. Мамин живот стал совсем большой, и она уехала в роддом, а я остался дома с папой и свинкой, которая залезла мне в горло.

Папа сказал: «Свинка – очень опасная болезнь, особенно для малышей. Я прочитал об этом в популярной медицинской энциклопедии. Ты можешь заразить ребёнка. Тебя надо изолировать».

Я не понял, как меня надо изолировать, а папа быстро всё придумал. Он вызвал скорую помощь, и меня увезли в больницу, в инфекционное отделение.

Отделение, куда я попал, называлось «свинячьим». Потому что все здесь болеют свинкой. В инфекционной больнице стены покрашены жёлтой краской. На стенах отделения нарисованы гномики и лесные звери. Гномики и звери весело улыбаются и смеются. В палате нас – шесть человек. Целый день все лежат на кроватях, читают книги, кто читать умеет. Кто не умеет, рисует или глядит в потолок.

В первую ночь я долго не мог заснуть. Вдруг, посреди ночи, я услышал шорох. К моей кровати кто-то крался. Потом я увидел мальчика лет пяти. Он подошёл к тумбочке, стоявшей возле моей кровати. Но это была не моя тумбочка, а моего соседа Кольки. Колька же, как назло, храпел, и ничего не видел.

Я схватил вора за руку и резко дёрнул, мальчишка пытался вырваться, ни говоря ни слова, он меня испугался, всё таки я был больше него и сильнее. А я ногой стал бить Кольку, чтобы тот проснулся, тоже молча. Я знал: ночью не стоит громко драться. Если громко драться, можно всех больных и врачей разбудить. Они придут, начнут расспрашивать. Вы же и будете виноваты. Запомните это, дети. Через минуту мы скрутили воришку и рассматривали украденное колькино добро.

– Иди отсюда и больше к нам не лезь, – сказал я грозно, как только умел.

Наутро к Кольке пришла мама, и мы вдвоём, перебивая друг друга, рассказывали ей про ночное приключение. А маленький вор лежал на кровати, повернувшись на живот, и делал вид, что спит.

Колькина мама посмотрела на меня, потом на Кольку и сказала вдруг: «А вы сами ничего не хотите ему подарить?»

– Нет, – закричали мы удивлённо, – он же вор. Чего ему дарить?

Я решил, что мама моего соседа сошла, прямо здесь в больнице, с ума. Мне стало жалко Кольку, я сразу представил себе, как ему будет трудно с такой мамой. У меня родители нормальные, а и то тяжело! Но добрая колькина мама объяснила нам, и всё встало на свои места: «Этот мальчик из детского дома. У него никого нет и ничего нет из того, что вы имеете. Вот он и ворует».

Потом мама Кольки под села к мальчишке на кровать и стала с ним о чём-то тихо разговаривать. И даже погладила его по голове! На следующий день она принесла ему яблок. А когда Кольку выписывали, воришке достался целый пакет старой колькиной одежды. Я, честно говоря, к детдомовцу ни любви, ни ненависти не испытывал. Он тоже со мной не разговаривал и ни разу не пытался у меня чего-нибудь украсть. Я даже не помню, как его звали. Помню только, что из больницы медсестры звонили в детский дом, чтобы мальчика забрали, так как он практически здоров. Но из детдома

никто за ним не приезжал. Из детдома в больницу его увезли на скорой, а в обратную сторону ехать никто не хотел.

Потом меня выписали из больницы. И я узнал, что у меня родилась сестра. Дома, конечно, всё стало по-другому. Папа и мама суетились вокруг их дочери и моей сестры. Папа стирал и кипятил в большой кастрюле пелёнки, следил за стерильностью марлевых подгузников и пил какие-то лекарства. Лицо его постарело, шея опухла, а щёки наоборот впали. Оказалось, папа заразился свинкой от меня, но в больницу не стал ложиться, а перенес её на ногах.

Полумама

На шестом этаже нашего дома жил мальчик. Его звали Дима Морозов. Дима учился вместе со мной в одном классе. Но ни с кем в классе он не дружил. Гришка, Валерка и я с ним тоже не дружили, потому что Дима был страшно толстым, а девчонок и толстяков мы не любили и всегда над ними смеялись.

Дима, конечно, знал, почему с ним не хотят дружить. Но поделаться он ничего не мог. На завтрак в школе он ничего не ел и, однако, становился всё толще. Щёки занимали половину лица, глаза от этого казались маленькими щёлочками. Таким же круглым было лицо у его мамы, тёти Нины.

– Гоша, приходи к нам в гости, – звала меня тётя Нина, – тебе у нас понравится.

Однажды я взял и пришёл. Мне и в самом деле понравилось. Квартира у Морозовых была маленькая, как и наша, и в ней почти не имелось мебели. Зато была большая лоджия. Мы пили там чай с вареньем, а потом стали играть с Димой. Но он меня всё время стеснялся, мне казалось, он хотел, чтобы я поскорее ушёл.

После школы ребята часто дрались портфелями, толкались, играли в салочки, а зимой в снежки. Дима с нами не играл, он спешил домой. Стояла весна, Дима шёл быстрым шагом из школы, но тут один из нас подбежал и ударил сзади ногой по диминуму портфелю. Портфель упал на землю, его начали пихать ногами, как футбольный мяч. Я тоже с размаху ткнул портфель ботинком. Кто-то подставил ногу, Дима упал, он ползал по земле, собирая книжки, но поспеть за нами не мог, тетради разлетались быстрее. Потом он сел и заплакал, слёзы катились из узких щёлочек, он вытирал их руками, красными от гравия. Я вдруг вспомнил, как мы пили чай с тётей Ниной, её малиновое варенье, и мне сделалось стыдно. Я принялся поднимать тетради и книги с земли, а потом сказал Гришке и Валерке, чтобы они шли вперёд и меня не ждали.

Я пришёл домой вместе с Морозовым. Его мама махала нам с лоджии рукой. Она всегда махала сыну рукой, когда он шёл в школу или возвращался назад. На работу она редко ходила и лечилась от какой-то болезни дома. Дима был очень доволен, что мы идём вместе, я это чувствовал, но он краснел, молчал и страшно меня стеснялся. Во дворе Дима никогда не появлялся и в наших играх не участвовал. Я иногда просил маму позвонить Диме и пригласить его к нам в гости, или сам шёл к нему. Но я это делал только, если становилось совсем скучно. Вместе бегать по улицам или разговаривать с Димой у меня не получалось, он больше любил играть один. Зато когда я заболел, ко мне приходила тётя Нина. Она приносила варенье и ставила мне банки. Медицинские банки – это такие круглые стеклянные штуки, их разогревают на спиртовой горелке и прилепляют к спине. И простуда проходит. Моя мама ставить горящие банки на живых людей не умела.

– Какая костлявая спина, – говорила тётя Нина, – тут и банку поставить негде. Потом она быстрым и ловким движением ухитрялась прилепнуть мне банку. Банка втягивала кожу, но не больно.

– Вам надо научиться ставить банки, – говорила тётя Нина моей маме, – что же вы ребёнку банку поставить не можете?

Мама боялась мне сделать больно, и так и не научилась искусству постановки банок.

– Вы меня лечите лучше всех, – сказал я как-то раз тётя Нине, мне хотелось сказать ей приятное, – даже лучше мамы. Вы мне как полумама.

Тётя Нина засмеялась. С тех пор, всякий раз, когда она встречала меня, то говорила: «Ну, здравствуй, полусын» или «Ну, как дела, полусын?»

Однажды я зашёл к Диме за какой-то тетрадкой.

– Слушай, Дим, а где твой папа? – спросил я его ни с того ни с сего, – я его ни разу у вас не видел. Он уехал в командировку?

Дима часто заморгал глазами:

– У меня нет папы, его убили на войне.

Я удивился.

– Димин папа пал смертью храбрых на озере Хасан, когда на него напал целый полк фашистов, – строго объявила тётя Нина и показала пальцем на мутную фотографию на стене.

Я рассказал дома про героическую смерть нашего бывшего соседа. Тут мой папа оторвался от газеты и постучал себе пальцем по лбу:

– Тётя Нина Морозова не живёт вместе со своим мужем, диминим папой. Это называется развод. На фотографии висит его дедушка, а вовсе не отец. Ну а его дед, тот действительно погиб на войне. Теперь понял?

Я не понял, а, главное, не хотел верить в то, что меня нагло обманывают, и не кто-нибудь, а родная полумама, и потом, что же Димка? Он что, так ничего и не знает? Я начал было спорить, но папа даже слушать не стал.

– Сколько твоему другу лет?

– Ему..., ну-у, как и мне, девять, – не сразу сообразил я.

– Его отца на фронте убили? Значит, Дима должен быть такого же возраста, что и я, даже старше. Ты считать умеешь, математик?

Полумама ещё много лет махала мне с лоджии рукой и приходила ставить банки. С Димой про его отца мы никогда не разговаривали, даже когда выросли и сделались взрослыми.

Магазины

После того, как у меня появилась сестра, родители решили, что меня пора привлекать к труду. Основной моей работой по хозяйству стало хождение по магазинам и на молочную кухню. Супермаркетов в стране СССР не имелось, поэтому за хлебом приходилось идти в одну сторону, за овощами – в другую, за молоком – в третью, а за укропом – на рынок.

Белый хлеб продавался такой: за 13 копеек, за 16, за 18 и за 25 копеек. Самый хороший батон стоил 16 копеек, он был мягкий и долго не черствел. Самый невкусный стоил 13 копеек, ещё продавались булочки за 3 копейки, мы их называли «попками» за откровенно вызывающий вид, всегда чёрствые и невкусные. Чёрный хлеб резали в булочной на половинки и четвертинки. Я хорошо помню «Орловский» и «Бородинский» хлеб с тмином. Нечто среднее между белым и чёрным хлебом представлял собой батон «Рижский» за 23 копейки.

Купленный хлеб я складывал в целлофановый мешок и по дороге домой начинал потихоньку отщипывать куски и есть. Дорога от булочной до дома дальняя, иногда я съедал полбатона в пути, особенно, если Гришка или Валерка помогали мне нести сумку. Гораздо труднее было покупать овощи: капусту, картошку, лук, свёклу. Во-первых, тащить овощи домой из овощного магазина трудно, найти не гнилую и не мороженую капусту, морковку и картошку в магазине – ещё труднее. Если я покупал плохие овощи, то меня не ругали, а посылали в магазин снова. Так что я смотрел, чего брать, а чего – не стоит.

На молочную кухню всегда стояла длинная очередь, но давали всем одно и то же: творог, молочные смеси, детское питание, сырки. Надо только иметь специальные талоны. Туда я иногда бегал перед школой, рано утром за питанием для сестры. В одном магазине мне очень нравилось. Этот магазин назывался коротко и ясно «Рыба». Там в отделе живой рыбы имелся бассейн. В бассейн наливали грязную

жёлтую воду и пускали живую рыбу. Иногда там плавали огромные живые карпы или сомы. Не магазин, а зоопарк. Живую рыбу быстро раскупали, и делали из неё мёртвую, карпов вылавливали сачком, а толстые продавщицы заворачивали их, ещё живых, в мокрую газетную бумагу.

Покупку мяса, рыбы, колбасы и сыра мне не доверяли. Считалось, что меня обманут, обвесят, подсунут мясо с костями или тухлую рыбу. Думаю, так бы оно и было на самом деле.

Иногда у нас дома не хватало денег. Папа и мама работали много, даже слишком, но к концу месяца деньги кончались. Занимать у соседей родители не любили, ведь придётся отдавать.

Тогда мама просила меня открыть мою копилку. Копилка эта представляла собой бутылку «Советского шампанского». Бутылку я прятал от всех очень хорошо, туда, где никому и в голову не придёт искать: за шкаф с игрушками. В бутылку я складывал монетки по одной, две и десять копеек. Другие монеты в узкое горлышко не пролезали. Когда мама просила достать копилку, я брал с неё торжественную клятву, что она мне всё вернёт с получки. После чего просил всех выйти из комнаты. В копилке у меня всегда имелся примерно рубль.

Потом мы с мамой начинали сортировать бутылки и банки для похода в дурно пахнущее учреждение под названием «Приёмный пункт стеклопосуды». Когда и с посудой было покончено, оставалось только одно – искать по карманам мелочь. Дело в том, что в карманах папиных пиджаков и брюк, в карманах зимних пальто и в маминых плащах попадались мелкие деньги. Иногда нам везло, и мы набирали рубль, два или даже три. Если идёшь шарить по карманам, то сперва встряхни одежду и послушай, не зазвенит ли где. Но даже если монетки не зазвенят, нужно внимательно прощупать карманы, особенно внизу у подкладки. Никогда не забывайте о боковых и нагрудных карманах, это частая ошибка. Именно в нагрудных карманах можно отыскать настоящий клад. Люди и сами не представляют себе, сколько полезного они таскают в подкладках или хранят в своих боковых карманах...

Мастера

Иногда идёт тебе человек навстречу, невзрачный, неприметный. А в голове его самые невероятные идеи, что и представить себе невозможно. Вот, например, дядя Володя, механик. Он работает на заводе, где делают моторы для самолётов. Ну, моторы и моторы, думаете вы, что ж такого. Но это не совсем обычные моторы и самолёты необычные. Очень быстрые, стремительные. Они называются МиГ. Один миг, и след простыл.

Дядя Володя – мастер. У него имеется собственный гараж. В гараже этом, который расположен далеко от нашего дома, стоит чудо техники БМВ. БМВ – это машина такая немецкая, очень старая. За ней нужно ухаживать, как за маленьким ребёнком. Так говорит дядя Володя. Машина такая старая, что никаких деталей к ней нигде не достать, даже в Германии. Мы любим ходить к гаражу. Мы – то есть, Макс и я. С Максом мы друзья, он живёт в соседнем доме. По адресу Бульвар Яна Райниса, дом 16, корпус 1.

– Как же тычинишь её, Володя? – спрашиваю я.

Дядя Володя рассказывает нам, что БМВ не чинят, а восстанавливают, реставрируют. А как восстанавливают? – интересуемся мы.

Значит, по старинным чертежам, чтобы как в старину получилось, – объясняет терпеливый Володя.

А папа сказал, ты мотор от «Волги» туда засунул, – гордо заявляет Макс.

Ну, не твоего ума дело, – краснеет Володя, – где ж я БМВшный мотор-то найду? Идите, ребята, мне тут поковыряться маленько надо.

Макс умнее меня. Он много чего знает про машины, про моторы. Его папа тоже мастер и друг Володи. Папа у Макса тоже делает самолёты МиГ. Но на другом заводе. Он

конструирует самолётные пушки. Один миг – и нет тебя. Вы, наверное, слышали про пушки ГШ. Впрочем, нет, современные дети часто про них ничего не знают. У Макса дома куча интересных штук, которые сконструировал его папа. Например, суперстереосистема. Это такой магнитофон размером со шкаф весь в проводах. Играет суперсистема громко. Макс говорит, что система, если включить её на полную громкость, то есть поставить ручку в положение «Макс», то будет погромче моторов МиГа. Но папа не разрешает ставить ручку на полную громкость, чтобы не рухнули стены в их доме. Папа у Макса очень строгий. Об этом знают все ребята. Ещё у Макса имеется игрушечная железная дорога из Восточной Германии. А папа Макса ездит на машине »Жигули». Машина эта тоже не совсем обычная, хотя и не такая, как у Володи. Её сделали весной 1970 – го года. Ну и что тут такого, скажете вы, а хоть бы и зимой. Нет, машины весной 1970 – го года целиком собирали из итальянских деталей. Потому что весь завод построила итальянская фирма. Называется «ФИАТ». Макс показывал мне и Валерке в школе гайку от «Жигулей». На гайке имелась надпись на иностранном языке.

– Пойдём к моему папе и спросим, чего тут написано, – предложил Валерка. – Мой папа умеет говорить по-иностранному.

Так мы и сделали, пошли и спросили.

– Сделано в Италии, всё правильно, – объяснял грустный гришко-валеркин папа и, вздыхая, всё глядел вдаль, за забор детского сада, – всё правильно, Италия, не наша гайка.

Все мы гордились нашими папами, мастерами и не очень. Только один мальчик Илюшка своим папой не гордился. Илюшкина мама, сказала своему сыну, что папа его сумасшедший и развелась с ним. А Илюшка-балда, взял и поверил. А папа его вовсе не был сумасшедшим. Дело было вот какое. Купили его родители участок земли за городом, чтобы построить там, значит, домик и разбить сад. Мама Илюшки только про сад и дом и говорила, какие она будет там яблоки собирать и грибы солить. Они даже строить начали. Но тут папе Илюшки пришла в голову необычная мысль – построить на садовом участке не домик, а бомбоубежище. Ведь, если все вокруг в стране с названием из трёх букв «С» и одной «Р» делают самолёты, пушки и танки, то когда-нибудь точно начнётся война, решил он. И куда тогда идти? А семья? И вот, садовый домик после окончания нулевого цикла, так называется строительство фундамента, вместо того, чтобы расти вверх, стал вдруг расти снова вниз. Это было необычное строительство с использованием непонятно откуда пригнанных экскаваторов. Об этом мы узнали потом. Кроме того, велось оно быстро и с соблюдением мер секретности. Когда строительство подошло к концу, илюшкин папа решил устроить маленький праздник, он посвятил свой бункер жене, илюшкиной маме, и хотел подарить ей его ко дню рождения. Размеры садовый бункер имел примерно такие же, как и московская квартира, с одним отличием: трёхкомнатный бункер с туалетом способен был выдержать прямое попадание вражеской бомбы. Получилось здорово: бункер, а наверху яблоневого сад.

Илюшкиной маме бомбоубежище не понравилось, но спорить с архитектором бункера было тут бесполезно, и все это знали, и илюшкина мама знала. Потому она и развелась с папой Илюшки. Но сумасшедшим он не был! Вот вы, например, попробуйте поспорить с моим папой. И с моим папой спорить бесполезно, и с папой Макса. Такие уж у нас папы, настоящие мастера и изобретатели. Спорь с ними – не спорь, если они чего решили, так доведут дело до конца.

Субботник

Сейчас ни один мальчик или девочка не смогут мне объяснить, что такое субботник. А в старые времена это мог сделать каждый. Не только объяснить, но и поработать на субботнике. Субботник нельзя потрогать руками, нельзя купить в магазине. Субботник – это не болезнь, вроде «свинки», и не название песни. Субботник – это даже и не

праздник. Но это такой день, когда люди идут на работу в праздничный день, они работают просто так, не берут за работу денег и делают что-нибудь полезное для своего города или для своего дома.

Вот и в нашем доме люди в начале мая и в начале ноября ходили на субботник. Нет, не подумайте плохого, мы не сидели по уши в грязи по полгода. У нас имелся свой дворник, мусор тоже вывозили каждый день в чёрных железных вонючих баках, и даже подметально-поливальные гибриды марки ЗИЛ, хотя и редко, но появлялись на бульваре Яна Райниса. Просто хотелось жить ещё лучше. Нам было, где развернуться, территория вокруг дома номер 16 равняется приблизительно половине Красной площади. Жильцы брали лопаты, грабли, метёлки, одевались одежду попроще, такую, что не жалко испачкать, а выбросить жалко, и шли на бесплатную работу.

Я помню майские субботники. Снег уже растаял, новая трава ещё не вылезла, а грязь, старые листья и мусор никогда не исчезали вместе со снегом. Их надо убрать. А ещё лучше – посадить новые деревья. Повсюду пахнет влажной землёй и прелыми листьями. Когда по половине Красной площади ходят твои соседи с граблями и ошалело щурятся от солнца, хочется во двор.

Особенно старается на субботнике дяденька со странной фамилией Воробейчик. Сейчас я подумал, а была ли это его фамилия? Он приходит на субботник в сером берете и сером плаще. У Воробейчика имеются садовые ножницы, редкий инструмент. Ими он подстригает все кусты вокруг дома. Работает Воробейчик не торопясь, ни с кем не разговаривает и уходит домой только к вечеру. Кусты выглядят, как после парикмахерской. Мои папа и мама тоже работают. Я таскаю листья на носилках. Это тяжело, но бросить носилки нельзя, листья рассыплутся. Когда носилки совсем нет сил тащить, нужно остановиться, поставить их на землю, отдохнуть, надеть рукавицы, а потом взяться за них спереди. Сейчас вы поймёте, почему. Одну из рукоятей носилок нужно просунуть в рукавицу, тащить станет гораздо легче. Но никогда не просовывайте обе рукоятки в рукавицы, носилки упадут обязательно!

Гришка и Валерка на субботники не ходят, именно в эти дни им очень хочется куда-нибудь далеко уехать. Мне немного скучно с взрослыми. Мусор и листья сгребаются в огромные кучи, а ближе к сумеркам, кучи поджигают и получают костры. Костры горят в темноте долго, пламя поднимается высоко. Из дому можно притащить две или три картофелины и зажарить их на углях. Картошка, если её правильно изжарить, получается вкусная. А есть её лучше с солью.

Мы сидим у костра долго – долго. Люди молча смотрят на огонь, думают о чём-то своём, тихо разговаривают. Потом идут к своему дому. Я тоже медленно бреду к крыльцу, от меня пахнет дымом, лицо моё чёрное от сажи, но меня плохо видно в темноте...

Февраль 2004 Франкфурт на Майне

Максим Максимыч

*Поверьте мне: судьбою несть
Даны нам тяжкие вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этот вздор, все эти книги, —
И все зачем? — Чтоб вам сказать,
Что их не надобно читать!..*

М. Ю. Лермонтов

Максим Максимыч Печерский всегда был немного странным. Тихий и уравновешенный,

в припадках бешенства он преображался, мог кричать матом и бить посуду. Жена даже подозревала скрытую форму шизофрении. Всё это началось лет двадцать назад, когда он пришёл домой после какого-то собрания в университете, молчаливый больше обычного, не раздеваясь, прошёл в ванную и там заперся. Просидел в ванной три часа, на крики и стук жены не отзывался. А когда соседи дверь сломали, увидели, он в пальто прямо в ванной лежит, глаза пустые на потолок смотрят. На следующий день Максим Максимыч ничего не помнил из того, что с ним случилось, даже собрание напрочь забыл. И врач из скорой помощи сказал, что это, скорее всего, нервное переутомление. Максим Максимыч работал тогда над кандидатской диссертацией и действительно сильно уставал.

Печерский специализировался на Турции. В университете он вёл семинары, читать лекции желания у него не возникало. Лишняя трата времени и сил, считал Максим Максимыч, суета, да и только. Его и так уважали, зарплата шла, недостатка в деньгах ни он, ни жена не испытывали. Детей у них не было. У Печерского имелось несколько публикаций в журналах, брошюру Максима Максимыча «Турция – южный фланг НАТО» выпустил огромным тиражом «Политиздат», и её завезли во все книжные магазины громадной, соответственно тиражу, страны, в которой он тогда жил.

После публикации брошюры Максима Максимыча хотели выбрать в партком, но он отказался. Ответственности много и нервотрёпка, а потом вскоре и партию разогнали. На кафедре востоковедения чудаков много, Печерский там не сильно выделялся. Высокий и сухощавый, он старался одеваться со вкусом, ботинки всегда вычищены, брюки отглажены. К пятидесятилетию ему подарили трость с бронзовым набалдашником в виде головы тигра. Эту палку Печерский иногда носил с собой, хотя ноги его находились в полном порядке. «В транспорте место охотнее уступают», – шутил он. На самом деле трость ему просто нравилась.

Жена Максим Максимыча, Бэла Константиновна, работала в Институте Усовершенствования Учителей имени Крупской. Она тоже выглядела стройной и ухоженной. С медицинской точки зрения, если не брать в расчёт бесплодия, была она совершенно нормальной, без каких-либо отклонений.

Жили Печерские на улице Космонавта Волкова в чистой трёхкомнатной квартире. Одна из комнат считалась кабинетом Максим Максимыча, там над рабочим столом висели фотографии Бэлы Константиновны, сделанные в разное время, и фотопортрет основателя турецкого государства Мустафы Кемалья в военной форме.

Летом супруги Печерские ездили отдыхать на юг, на море: в Гурзуф, в Пицунду, в Ялту. – Может, поедем в этом году в Прибалтику, солнце моё? – спрашивала каждый год Бэла Константиновна с лёгкой тенью надежды в голосе.

– Мне хочется поближе к предмету изучения, – отвечал Максим Максимыч, – ты же знаешь, куда меня тянет по-настоящему.

Жена вздыхала, ей представлялся залитый солнцем какой-нибудь южный город, жара, потные, уставшие от духоты лица. От курортной жары у неё кружилась голова, аппетит пропадал, часто давал о себе знать и мучал желудок. Но мысленно она уже была согласна ехать. Отпускать мужа одного она не решалась, мало ли что может случиться. Максим Максимыч наоборот, любил солнце, свежие фрукты в больших количествах и пляж. Загар ровно и красиво ложился на его кожу.

– Куда скрылся, Оттоманский берег? Э-ге-ге! – весело кричал Печерский на пляже. И, чтобы повеселить жену, прикладывал ладонь козырьком ко лбу. Жена вяло улыбалась в ответ, она старалась не показывать мужу своих болячек.

После отпуска на юге Максим Максимыч выглядел отдохнувшим и помолодевшим. На кафедре он считался красавцем – мужчиной, на него с интересом поглядывали одинокие дамы средних лет. Одиноких женщин средних лет не так уж и мало. Можно предположить, что примерно каждая вторая ею является или таковой себя чувствует. Семейное положение роли здесь не играет.

Но Печерский оставался для женщин неприступен, его верность Бэле Константиновне не омрачилась ни единым проступком, ни одним сколько-нибудь стоящим увлечением. Жизнь текла, как равнинная река, тихо и без резких поворотов. Потом в стране

начались перемены. Вначале жить ещё как-то можно было, но постепенно становилось труднее и труднее. Зарплату повсеместно задерживали. Максим Максимыч и Бэла Константиновна и раньше не шиковали, теперь стало совсем уж не до роскоши. Печерский старался несмотря ни на что писать статьи о Турции. Брала их теперь плохо. У издательств не хватало денег на подобную писанину. Старые общественно-политические журналы закрылись, издательства разорились или печатали рекламную белиберду. А в стране вдруг повеяло Турцией, словно тёплым ветром с дальнего берега: на базарах продавали турецкие наряды, в Москву потянулись группы турецких строителей, они строили быстро и сравнительно недорого. Турецкая фирма «Энка» заключила договор на постройку комплекса Газпрома.

– Может, тебе в какую-нибудь строительную фирму переводчиком устроиться, – спрашивала Бэла Константиновна мужа, – у тебя университетское образование и опыт преподавания?

– Мне уже за пятьдесят, и я не строитель. Им любой азербайджанец переведёт лучше, – сухо отвечал Максим Максимыч. – В строительстве я не понимаю. Что я им буду преподавать?

По нервному подёргиванию лица Бэла Константиновна догадывалась, что муж злится. Чтобы не вызывать, не дай Бог, приступа шизофрении, жена умолкала. «Конечно, он весь в науке, ему надо о серьёзных вещах думать», – говорила себе Бэла Константиновна, но ей стало казаться, что, несмотря на упорную работу над статьями, интерес Максима Максимыча к Турции стал угасать. Работа над статьями не клеилась. Когда передавали по телевизору репортажи из Турции, Максим Максимыч уныло глядел в экран, делая вид, что его это не интересует или совсем отворачивался. Потом он произносил себе под нос что-то вроде:

– Если бы не наша революция, ещё не ясно, как бы дело ваше обернулось. Раздавила бы вас АНТАНТА.

Видя такой упадок духа у мужа, Бэла Константиновна решила обратиться за советом к врачам. В поликлинике знакомый психиатр ничего путного посоветовать не мог.

– Сейчас время такое, что тут сделаешь? Отвлекайтесь, работайте больше на свежем воздухе, на даче.

– У нас нету дачи, – тихо ответила Бэла Константиновна, словно в этом была её вина.

– Ну, можете дать прочесть мужу что-нибудь о позитивном мышлении, Карнеги, например.

Из поликлиники Печерская вернулась домой расстроенная.

– Может, купим дачу, – спросила она за ужином Максима Максимыча, – свежий воздух и всегда свои овощи, а?

– Я ж не крестьянин, никогда в колхозе не работал и не буду, чем, кстати, горжусь. Дача наша сгорит или рухнет, и ты себе здоровье надорвёшь.

Упрямство и железная логика Максима Максимыча вконец расстроили и обозлили его супругу.

– Ну, и сиди перед телевизором, жди прихода АНТАНТЫ! – закричала она.

– В таком тоне, дорогуша, ты со мной не разговаривай, – Печерский встал из-за стола.

От резкого толчка посуда зазвенела. Сумрачный, с отрешённым лицом демона, он прошёл в кабинет, заперся там и просидел в одиночестве на диване до утра. Под дверью тихо плакала Бэла Константиновна, извинялась и просила мужа открыть.

Примерно через месяц после этого случая, опять за ужином, Бэла Константиновна рассказывала про новые учебники литературы, про разную в учительских головах и отсутствие единой программы. Максим Максимыч кивал, а потом спросил ни к селу, ни к городу:

– Куда поедем отдыхать летом, как ты думаешь?

Бэла Константиновна оторвалась от тарелки жиденького супа, который ела по совету докторов. Посмотрела в лицо мужу, не шутит ли. Но лицо имело серьёзное выражение, без признаков помешательства.

– У нас же денег в обрез, куда теперь поедешь?

– Понимаешь, я чувствую, что не могу без юга, я тут зачахну от пыли, – произнёс

Максим Максимыч и скорчил такую болезненную гримасу, что стало очевидно: пыль уже начала свою разрушительную деятельность.

Оказывается, некоторое время назад Максим Максимыч приметил в одной газете объявление о дешёвом отпуске в Турции. С тех пор идея поехать в Турцию преследовала его днём и ночью.

Печерский взглянул в преданные глаза, согласные на любую жертву ради него, и убедился, что не прогадал, женившись раньше всех своих сокурсников на красивой, но слегка медлительной в движениях студентке педагогического факультета с редким именем.

Собранный заботливой Бэлой Константиновной Максим Максимыч прибыл в Измир первым, утренним рейсом. Одет он был в старый, парадный, тщательно отглаженный костюм. Из аэропорта следовало добираться до места, где находился отель, ещё три часа на автобусе.

Автобус, слава Богу, стоял и ждал, как положено. Загрузив чемодан, Максим Максимыч огляделся. Его попутчиками оказались двое немцев. Автобус с тремя пассажирами быстро летел по гладкому шоссе. Немцы обсуждали пейзаж за окном, тыкали пальцами в оливковые рощи. Играла музыка, водитель пел свои песни и нарушал правила движения, где мог. Не исключено, что с правилами он вообще не был ознакомлен – в Турции не редкое явление. Пренебрежение внешними условиями свойственно народам, незакрепощённым европейской культурой и свободным от предрассудков цивилизации.

В брошюре Печерского о Турции Измиру была посвящена целая глава. О том, что их страна есть форпост НАТО, местное население, видимо, не догадывается. Народ здесь обитает мирный, эдакие турецкие провинциалы. Западное побережье Турции ещё не освоено промышленностью и не загажено туристами. Города побережья обильно утыканы памятниками Мустафе Кемалю-Ататюрку, здесь цветут оливковые сады и растёт самый вкусный в Турции виноград.

Отпуск проходил незаметно. Неделя – слишком короткое время, не успеваешь привыкнуть к новой обстановке, а уже пора уезжать. Максим Максимыч много купался и загорал. Прогуливался после ужина с тростью по набережной. Он рассказывал персоналу гостиницы, скучавшему от отсутствия туристов, о реформах в России. Язык, выученный много лет назад и потихоньку угасавший в памяти, оживал и приходил в норму. Лекции о реформах в России заинтересовали персонал, турки высказывали свои мнения о Горбачёве и Ельцине.

Вечерами Печерский садился на скамейку и глядел на удивительные красные закаты турецкого солнца. Казалось, это не солнце, а какая-то неведомая, иная красная планета движется у горизонта. Ночью громко трещали сверчки. Максим Максимыч не забывал и об экономии, старался меньше есть в ресторане, а больше питаться консервами и полуфабрикатами. Купил Бэле Константиновне в подарок цепочку. Для себя решил набрать в последний день горсть песка на пляже.

Так бы и закончился этот короткий отпуск, если бы за день до отъезда Максим Максимыч не познакомился с одинокой полькой с русским именем Вера. Познакомился он с ней на пляже, приняв за русскую. Вере было за тридцать, она приехала сюда одна на три недели, срок, по финансовым соображениям, для Печерского немислимый. Найти кого-то для совместного проведения отпуска являлось для неё задачей номер один. Всё получилось неожиданно и само собой. Максим Максимыч много рассказывал, наверное, первый раз в жизни он говорил так много и долго. Вера слушала, она не всё понимала по-русски и мило переспрашивала: «Цо? Не разумем.» Ночь, проведённая с Верой в её комнате, запахи её тела, вкус её губ и аромат волос, стрёкот сверчков, тени оливковых деревьев, поскрипывание кровати – всё слилось в один, никогда раньше не виданный, небывалый сон. И растаяло без следа, в один миг. Эта ночь была оглушительной, как стакан виски для того, кто никогда не касался вина. Наутро совесть Максима Максимыча не мучила, а скорее приятно щекотала. Он был доволен собой, потому что и в молодости и позже тайно завидовал своим неженатым

приятелям, свободным от обязательств. Теперь неожиданный успех тешил его израненное самолюбие. Оценивая сейчас себя со стороны, Печерский считал, что упустил многие удовольствия и радости в жизни. Однако судьба нашла способ отдать наконец должок, взятый ею у него.

Вернувшийся домой Печерский поразил всех весёлостью и необычной бодростью. Бэла Константиновна обрадовалась возвращению так, будто уже не надеялась на встречу. Она смотрела на мужа такими любящими глазами, будто это не Максим Максимыч, а космонавт Волков, живой и весёлый, прилетел к ней с того света. В общем, как говорится, затраченные средства с лихвой окупили себя.

Максим Максимыч даже заговорил о том, что неплохо бы купить дачу. У него появился план, как достать недостающие деньги. Имеющиеся у Печерских скромные денежные запасы, согласно плану, следовало вложить в хорошие акции, акции вырастут в цене, вот деньги и появятся.

– Ценные бумаги Газпрома не горят, – утверждал он, перефразируя Булгакова.

Бедная Бэла Константиновна не верила, но заставляла себя поверить. Муж имел над ней почти неограниченную власть, а долгие его рассуждения о постоянстве роста индекса Доу Джонса немного успокаивали.

Максим Максимыч ошибся. Ценные бумаги Газпрома совсем скоро упали в цене, как и все остальные ценные и не очень бумаги.

Вместе с акциями упало и настроение.

Максим Максимыч выглядит ужасно, загар совсем сошёл. Бледный и неподвижный Максим Максимыч целыми днями лежит на диване и смотрит в потолок. Бэла Константиновна не знает, что и думать. Она снова собирается идти по врачам, оставлять мужа одного в квартире ей страшно: ещё повесится или газом отравится. На рабочем столе Печерского между фотографиям можно увидеть небольшую баночку с песком. В прихожей стоит покрытая пылью старая трость с ощерившейся тигриной пастью. Бэла Константиновна полагает, что если хулиганье или воры полезут, палкой вполне можно некоторое время защищаться. По крайней мере, пару минут.

Франкфурт 1999

Взаимообогащение

Александр Петрович Самоцветов возвращался домой после работы, не замечая, что наступает ногами прямо в лужи. Александр Петрович отличался высоким ростом, в нём было два метра с лишним, на орлином носу его помещались очки, вдоль тела болтались длинные руки с тонкими, музыкальными пальцами. Самоцветов глядел в голубое осеннее небо, на лице его светилась улыбка. В портфеле лежала аккуратно завёрнутая в газету книга с надписью на корешке S. Kot „Conversations with the Kremlin and Dispatches from Russia“ издания Оксфордского университета.

В последнее время историческая тема страшно притягивала Александра Петровича, он буквально проглатывал исторические книжки одну за другой и писал свою работу под предварительным названием «От Российской Империи к Советскому Союзу.

Естественные причины развала». Самоцветов являлся убеждённым сторонником географического детерминизма в истории. В будущей книге он пытался связать все исторические повороты в России с её неудачным географическим положением.

Кроме географического положения определённую роль играл согласно его теории климат. Суровый климат не способствовал развитию страны. Урожаи год от года скудны, рынок не развит. Крестьяне бедствуют. Отсюда слабое, а, главное, медленное развитие капитализма.

Александр Петрович шёл дальше. Он находил сходство исторического климата Земли с природным климатом. В историческом климате наблюдается эффект, сходный с парниковым в климате обычном. Войны и социальные потрясения, являющиеся историческими ураганами и бурями, в настоящее время участились и усилились.

Связано это с развитием капитализма и экономики. Однако произошло потепление. Удлинились временные промежутки между крупными катаклизмами. Следовательно, не за горами полный историко-географический коллапс, делал вывод Самоцветов. Словно барометр, сидел Александр Петрович за разного рода таблицами и атласами и старался уловить по едва заметным одному ему деталям быстро меняющейся жизни силу и направление глобального исторического ветра.

Занимался всем этим Самоцветов в качестве хобби. По образованию был он геолог. В молодости ходил в экспедиции и собрал большую коллекцию минералов, которая пылилась теперь дома в шкафах. Потом он защитил диссертацию и стал работать преподавателем в Московском Геологоразведочном Институте.

На семинарах Самоцветов возвышался над столом, он раскидывал большие руки в стороны, словно пытался обнять слушателей. А иногда во время разговора он поднимал руки и отбрасывал их резким движением в направлении собеседника. Александр Петрович любил дискуссии. Он подбадривал студентов, если они высказывали необычные, смелые мысли. Но такое случалось нечасто. В основном студенты говорили глупости, а говорили они то, что думали. Приходилось их отчитывать и объяснять элементарные вещи по десять раз. Дискуссий потом не получалось.

Самоцветов жил холостяком в Тёплом Стане, в квартире, набитой книгами.

Пару дней назад к Самоцветову приехал в гости его двадцатилетний племянник из Тбилиси. Звали племянника Георгий. Георгий был худой, невысокий, с длинными жидкими русыми волосами. А орлиный нос его по форме очень напоминал нос Самоцветова. Сам Георгий себя называл Гогой и просил дядю не церемониться. Александр Петрович и не церемонился, он много работал в библиотеке, приходил домой поздно, так что Гога проводил почти всё время один в городе и в московской квартире Самоцветова. Встречались они обычно за ужином.

– Ну как, осмотрел Москву, сходил в какие-нибудь музеи? – спрашивал Самоцветов.

– Я ходил на одну улицу, искал телефон. Там памятник видел, – Гога принимал позу, как у увиденного им памятника.

– А-а, Гоголь, – угадывал Самоцветов, глядя на сидящую сгорбленную, скорбную фигурку в исполнении Гоги, – ну а что ещё посмотрел?

– Видел ГУМ и под Красной площадью все магазины. Но там дорого. А знаете, почему лошадь Жукова хвост подняла? – ставил он в тупик своего учёного дядю, – а-а, не знаете.

Гога приехал в Москву искать покупателя свёклы. В Грузии имелся продавец, готовый завалить столицу дешёвой свёклой. Дело было за покупателем. Найти его оказалось вопросом сложным. По несколько часов в день Гога проводил за телефоном, обзванивая торговые точки.

Не могу, уеду ни с чем, долги будут, – жаловался он, – а деньги надо отдать. Я дал клятву.

В квартире Александра Петровича Гоге нравилось. Гость тыкал пальцем в очередную ветхую книжку и спрашивал:

Что это такое, дядя Александр?

– О, это непростая книга. Голландский морской справочник. При Петре такого добра много привозили в Россию.

Но это ценная букинистическая книга? – не унимался Гога.

Да, довольно-таки, – отвечал Самоцветов.

А эта книга?

Ницше в воспоминаниях современников.

Ценная вещь? – Гога любил конкретность.

Десять рублей в ценах 85 – го года.

Интерес Гоги к Ницше сразу пропал.

А это что такое за дерево с фамилиями? – спросил однажды племянник Александра Петровича и показал на небольшую картинку под стеклом, висящую над рабочим столом Самоцветова.

Генеалогическое древо рода Арсеньевых. Дерево я в «Букинисте» приобрёл, но большой ценности оно не имеет, – не дожидаясь следующего вопроса, пояснил Самоцветов.

Потом добавил:

Старинная штука, восемнадцатый век, посмотри, как красиво каждая буква выписана. Перед нами не одна семья, а целый род, связанный корнями с нашей великой страной. Вот так и мы с тобой, тоже ведь родственники.

Александр Петрович улыбнулся и заглянул сверху вниз прямо в гогины глаза. Гога оцепенел и кивнул.

«Великий человек мой дядя, хоть и странный», – подумал он в эту секунду.

Телевизора у Самоцветова не имелось, поэтому сразу после ужина Гога шёл спать.

Александр Петрович уступил племяннику свою комнату, сам на время переехал в кабинет. Самоцветов старался подобрать для своего гостя что-нибудь интересное почитать. В основном на полках его комнаты стояли книги по минералогии и геологии. Но Александр Петрович нашёл в заднем ряду пыльную книжку небольшого формата.

– Могу на сон грядущий порекомендовать преинтереснейшую книжку Тетишвили «Грузины в Москве». Надеюсь, тебе понравится, вежливо произнёс Александр Петрович, полуоткрыв дверь комнаты, в которой теперь обитал его гость. Он протянул лежащему на диване Гоге книгу в синем переплёте и тихо затворил за собой.

Гога взял её в руки, перевернул, увидел на обороте вдавленный в обложку знак: 7p. и без энтузиазма открыл. Книгу он открыл наугад, ближе к середине. Тетишвили писал: «Александр со свитой стоял в шатрах, спасаясь в лесной горной местности от наступавшей в Алазанской долине нестерпимой августовской жары».

Гога представил себе жару, вспомнил, что уже два дня не мылся, и ему захотелось пойти в ванную. Потом он передумал и поклялся себе помыться утром. Он стал читать дальше:

«Летний отдых царя проходил в охоте на оленей и туров, которая сочеталась с обсуждением важных государственных вопросов».

Бред сивой кобылы, – решил Гога, бросил книгу в угол, выключил свет и закрыл глаза. Но спать не хотелось. Он снова включил свет и открыл чемодан. На дне его, рядом с паспортом, лежал «Сборник анекдотов про новых русских», купленный Гогой в тбилисском аэропорту перед отлётом в Москву. Гога стал читать. Сборник оказался смешной, и через полчаса Гога уснул в хорошем настроении.

Самоцветов лёг поздно. До двух часов ночи он раздумывал, потом быстро в общих чертах набросал статью о керамике курганов Верхнего Поднепровья. Археология его тоже увлекала, к сожалению, на неё почти не оставалось времени. Самоцветов попытался классифицировать керамическую посуду славян первого тысячелетия не по трём классическим категориям, а по пяти.

За завтраком невыспавшийся, но довольный своей ночной работой Самоцветов показывал результаты.

Гляди, это кла

ссические типы древней посуды: Корчак, Пеньковка, Келочин-Тушемля. Вот ещё два типа сосудов, биконические. По теории, типа Пеньковка. Но, как бы не так. Смотри, какая разница. Длинная шейка и орнамент. Они и найдены совершенно в других курганах. И датировка другая. О чём это говорит?

Гогу не интересовали изыски дяди Александра.

Я ничего не понимаю в горшках, – голос племянника звучал раздражённо, – Вы не знаете, случайно, где можно свёклу продать, а?

Самоцветов не знал и не имел представления, как это можно сделать. Чтобы не сидеть молча, он стал расспрашивать Гогу про Тбилиси, про жизнь в Грузии. Гога рассказывал.

Да, всё плохо, дядя Александр. Бизнес делать не можем с ребятами.

А в чём причины такого положения? – спросил Самоцветов.

Законов нормальных нет, начальники все старые – дерьмо, новые – три раза дерьмо.

Сидят, что-то говорят, сами не знают, чего хотят. А вокруг полный бардак. Короче, как

езде.

Самоцветов слушал с интересом. Потом он оттопырил губу и расставил руки в стороны. Это означало, что он сделал для себя некое умозаключение.

Итак, сумма суммарум: первое – отсутствуют хозяйственные рамки, второе – отсутствуют программы действий, третье – игроки на рынке или, если хочешь, актёры рынка не в состоянии начать свою игру. Видишь, как важно уметь правильно формулировать свою мысль.

Ну, да, – немного подумав, произнёс Гога, – денег ещё тоже мало.

Самоцветов ушёл на работу. Гога остался снова один. На него напала тоска. Дела шли всё хуже, вернее, никак не шли. Гога злился, кричал на себя в пустой квартире и не знал, что делать. Он пошёл в ванную, посмотрел на себя в зеркало и чуть не разбил его. В конце концов, он решил, что надо уезжать. На следующий день Гога из Москвы исчез. Вместе с ним исчезли и несколько книг из домашней библиотеки Самоцветова. Пропал голландский морской справочник, довольно редкое издание. На столе, в кухне Александр Петрович обнаружил записку:

«Извините, дядя Александр. Срочно надо уезжать отдавать деньги. Всё, что у вас забрал, со временем верну. Все деньги верну! Клянусь. Гога»

Самоцветов сперва расстроился и разозлился на племянника, но несильно. Долго злиться он не умел. Пропали не самые ценные книги, утешал себя Самоцветов. Тем более, что Гога обещал вернуть за них деньги. С другой стороны, приезд Гоги и пребывание его в доме сочетались для Самоцветова с небывалым всплеском его творческой активности. Александр Петрович заключил, что визит племянника в общем и целом сыграл положительную роль в творческом плане. Самоцветов закончил статью о керамике курганов, начал новую и сильно продвинулся с книгой. В голову ему пришла свежая, интересная идея, которая выльется, как знать, когда-нибудь в статью.

Мысль заключалась в том, что развал СССР обуславливался структурными проблемами и ничем иным. Грандиозные проекты, осуществлявшиеся в СССР незадолго до распада: создание и полёт станции МИР, корабля «Буран» и разных других военных машин указывало на мощный научно – технический и промышленный потенциал страны. Такие проекты не под силу слабому, умирающему государству. Следовательно, никакого застоя и в помине не было! Структурные проблемы привели страну к кризису, к неэффективному хозяйству, а потом и к краху, убеждённо говорил себе Самоцветов. И решил поразмыслить над этой темой ещё.

Надо заметить, что статьи и книги Александра Петровича публиковали редко, с частыми опечатками и ещё хуже и реже за них платили. Но его это не разочаровывало. Он утешал себя тем, что общественное сознание косно, а новые идеи всегда пробивают себе дорогу с трудом.

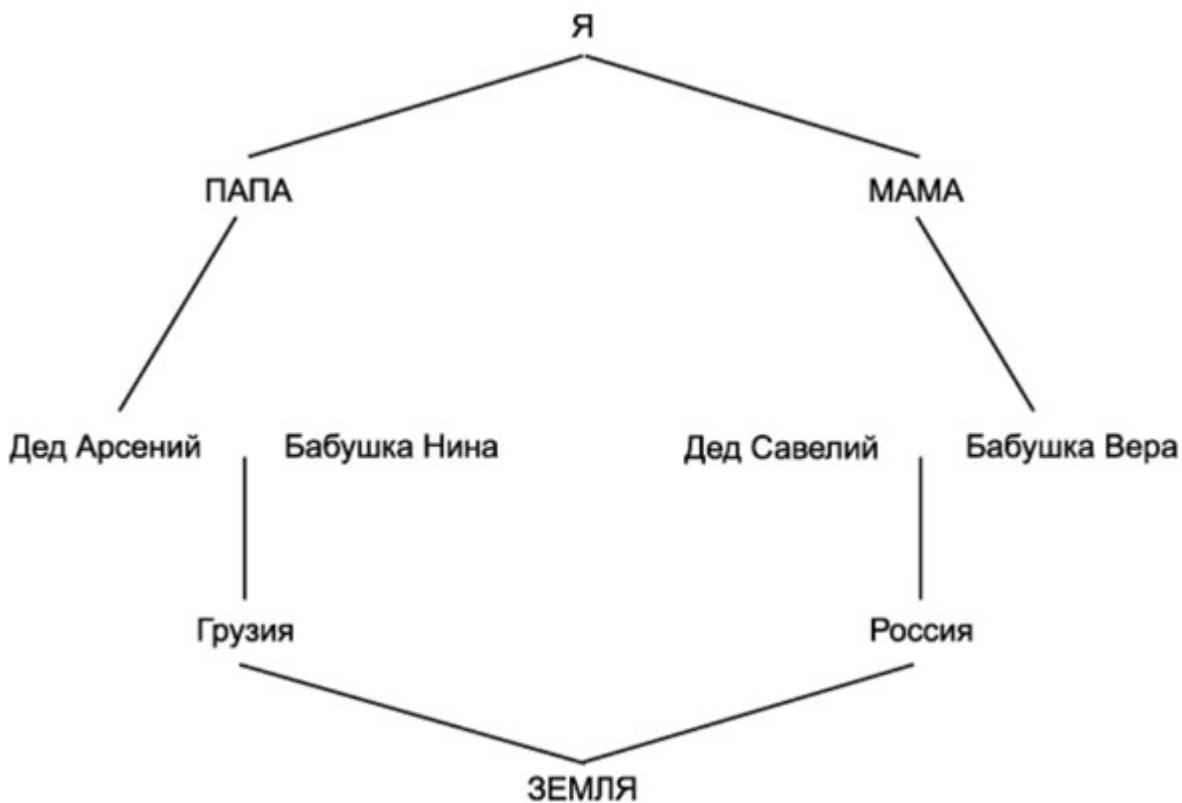
В самолёте племянник Самоцветова дочитал сборник анекдотов. Настроение испортилось, как жить дальше Гога не знал. Единственная надежда – продать книги дяди и выручить немного денег. От нечего делать Гога взял ручку и на салфетке стал подсчитывать убытки. Потом полез в дорожную сумку, достал лист бумаги и стал вспоминать, как называлось дерево на стене у дяди Александра. Название напрочь вылетело из головы. Но Гога придумал способ узнать его снова.

– Простите, – спросил Гога пассажирку на соседнем кресле, – мне очень важно. Вы не знаете, как называется врач по женским болезням?

– Гинеколог, что ли? – ответила пассажирка и удивилась нахальству соседа.

– Спасибо, большое, – Гога погрыз ручку и нарисовал следующую схему:

ГИНЕКОЛОГИЧЕСКОЕ ДЕРЕВО

Франкфурт, 1999

Три минуты быстрым шагом

Да и что иное может произойти от премудрости, как не добродетели?

У Андрея Петровича прямая спина и мускулистые плечи. Всё потому, что с молодого возраста занимался гантелями. В 60-е годы покупал специальную литературу. Одна брошюра осталась до сих пор, «Гантельная гимнастика». «Гантельная гимнастика» с улыбающимся, вечно молодым спортсменом на картонной обложке стоит теперь на задней полке в углу. Старая брошюра зажата теперь «Рентгеновской оптикой» с одной стороны и «Структурным анализом оптико-волоконных сред» с другого боку. Сверху над книгами помещается коробка из-под шоколада, забитая бумагами и документами. По дороге в институт следует чуточку заниматься собственной физической формой, для своих пятидесяти девяти Андрей Петрович выглядит неплохо. Несколько минут каждодневных упражнений, гантельная гимнастика, холодный душ, прогулки до метро – вот и весь секрет. Он идёт быстрым шагом к станции, редко пользуется автобусом или маршруткой. Энергичный шаг прекрасно согревает в холодную погоду. А времени от дома до метро тратишь почти столько же. Ну, подольше, если честно, зато укрепляются мышцы ног, вентилируются лёгкие. В руке старенький кистевой эспандер. Андрей Петрович спешит в институт. Там на кафедре полупроводников у него ставка. Андрей Петрович идёт ровным шагом, не забывает о спине. Осанка – стержень человека, походка – его лицо. Кисть в такт шагам сжимает – разжимает эспандер. Раз-два, раз-два, раз-два. Левой, потом правой рукой.

Когда Андрей Петрович был маленьким мальчиком, то жил в Кунцеве в небольшой, уютной комнатке, которую делил с тётёй Надей. Отца и мать Андрей Петрович не помнил. Они поссорились и разошлись спустя два года после окончания войны и незадолго до его рождения. И маленького Андрейку взяла из Калуги к себе на воспитание сердобольная московская тётя Надя.

Тётя Надя вложила, что могла, в племянника. Она тянулась изо всех сил. Только тот,

кто застал то время, поймёт, что значило в сталинские пятидесятые годы с одной зарплаты машинистки отдела кадров МГУ уметь скопить мальчишке на зимнее пальто или на велосипед. Вещи носились долго, шились и перешивались не на один сезон.

– Андрейка, обедать! – молодая женщина кричит в окно. На ней фартук, в руке столовый нож.

Сейчас, ещё пять минут, тётя Надь! – отвечает Андрейка на бегу.

Он несётся по полю молодой травы в белой майке, тяжёлый мяч трудно протолкнуть сквозь ноги защитников, Андрейка делает резкий финт влево, защитник не успевает. Надо рвануться вперёд. Но подставлена чья-то нога. Он бьёт и одновременно летит вниз на землю, ах, как могло красиво получиться!

Пять минут, не больше, – запоздало кричат из окна.

Хорошо. Хорошо.

Тётя Надя отрывается от бурной сцены за стеклом кухни, она расставляет тарелки, подходит с кастрюлей горячего супа к столу, бросает укроп в жирный бульон, дымящийся паром. В задумчивости уносит кастрюлю назад. Минуты текут. Она ждёт. После футбола от тела и одежды пахнет потом и травой. Андрейка стучит ложкой по тарелке, аппетит у него зверский. Тётя Надя разглядывает племянника словно чудо природы, в её глазах любовь и восторг одинокой женщины, не знавшей мужчин. Ей нравится, когда он ест и сгибает руку. Бицепс ходит по руке, как созревающая под солнцем груша.

У тёти Нади некрасивое лицо, тонкие ноги. Она высокого роста, но нескладная. Зато у Андрейки и у тёти Нади похожи профили. У Андрейки черты лица резче, ярче, крупнее.

– Тётя Надь, можно добавки?

– Кушай, мальчик мой.

Она берёт со стола тарелку, идёт за второй порцией. Проходя мимо племянника, одной рукой легонько касается его головы, жёстких волос. Андрейка кусает корку хлеба. Завтра предстоит тяжёлый день. Вставать ни свет, ни заря, ехать на работу. На работе все мысли лишь о нём одном, о племяннике. Потом спешить домой, готовить обед, а там уже и время ужина. Послушным растёт, не то, что окрестная шпана. Золотой мальчик.

Андрей Петрович делает широкие шаги своего утреннего пути. Раз – два, раз – два. Вдоль тротуара выстроились машины. До метро остаётся три минуты быстрым шагом, пятнадцать минут уже пройдены. В нос ударяет запах бензина, гари. Аромат травы остался навсегда на футбольном поле, в кунцевском детстве.

– Поел, Андрейка? Как дела в школе?

– Нормально.

– Если ты на Физфак собираешься, я поговорю с профессором Карагановым. Он такой вежливый, со мной в столовой всегда здоровается. Как там ваш Андрейка, спрашивает?

А вы, чего?

Я? Ну, отвечаю, он делает успехи по физике и по математике. Пятёрки у него.

Караганов вдруг мне и говорит, пускай приходит к нам. Нам нужна талантливая молодёжь. Так прямо и сказал.

Андрей Петрович входит в метро. Поток людей плывёт под землёю, начинается утренняя давка, обычная для Москвы последнего времени. Город растёт, как раковая опухоль. Расползается в ширину, лезет вверх. По улицам стало невозможно проехать. Нет, пешком, только пешком, пока есть силы и не застроены многоэтажками тротуары. Грохот вагона укачивает. Андрей Петрович едет на работу с двумя пересадками. В руке его толстый портфель с книгами. На самом дне портфеля хозяйственная сумка.

Знакомство тёти Нади с Карагановым действительно оказалось полезным. То ли

оценку на вступительном экзамене профессор подправил, то ли и в самом деле Андрейка сдал сам. Но сейчас трудно об этом судить. На устном вступительном экзамене, где отсеивали по-страшному, Караганов подсел рядом, спрашивал мягко, не так, как других.

Не волнуйтесь, молодой человек. Подготовились? Рассказывайте.

Андрейка рассказывает, заглядывает в лицо профессора. Профессор слушает спокойно, не перебивает, не задаёт обычных вопросов, которые способны кого угодно сбить с толку.

– Вас Андреем зовут? Твёрдая четвёрка. Поздравляю.

Караганов жмёт руку мягкой ладонью.

– Спасибо.

– Идите, привет Надежде Васильевне, и пусть тётушка ваша не волнуется.

Андрейка вбегает домой, кричит сходу в кухонную дверь.

– Привет Надежде Васильевне!

– Что? Как экзамен?

Племянник выжидает минуту. Наслаждается напряженной тишиной за закрытой дверью.

– Караганову сдал. Четвёрка. Пускай, говорит, тётушка ваша не волнуется.

– Так и сказал? Ну, слава Богу.

Дверь раскрывается, тётя шумно выдыхает, обнимает племянника, целует. Потом, когда никто не видит, отходит к своей кровати, достаёт, озираясь, почерневшую иконку из выдвижного ящика. Ящик забит чистым постельным бельём. Иконка спрятана в самом низу, у дальней стенки. Она подносит икону к губам, шепчет.

– Спасибо, тебе, Заступница.

Андрей Петрович в последнее время должен поднапрячься. Докторская диссертация, работа над которой так слабо двигается, это страшный, адов труд. Ноша гнетёт, но не ломает. Не на такого напали. Он работает по десять часов в день, пишет, перечитывает, пересчитывает. На рабочем месте, в институте, он набивает текст на компьютер и сразу распечатывает, листы складывает в портфель: с бумаги удобнее читать. Посмотреть написанное можно и дома. Привычка никогда не расслабляться. Жизнь бьёт жестоко, если расслабился, потерял над собой контроль. Вечером Андрей Петрович в забитом до отказа транспорте едет в другой конец города. По дороге надо не забыть купить сметану, яблок, хлеб, чай и макароны. Вагон трясёт. Рука привычно сжимает эспандер. Раз–два, раз–два. Левой, потом правой.

Он вспоминает свой короткий неудачный брак с Любой. Их последний семейный день.

– Я просил порядка. Это сложно? Порядок начинается с мелочей: с зубной щётки, с вымытой тарелки. Хочу сделать тебе замечание.

Я убираю.

Убираю, – передразнивает он. – Убирать нужно к месту и ко времени. А ведь я говорил, что...

Тебе всё не так. Хватит, – кричит Люба. – Я тебе не служанка какая-нибудь!

Она с грохотом швыряет грязную тарелку на стол. Но театрального эффекта не выходит. Тарелка не разбивается. Тарелка из голубого сервиза, подаренного на свадьбу тётей Надей, сделана из прочного материала, удар о стол ей нипочём. Тёти Надины вещи – добротные.

Я ухожу, – у Любы начинается истерика. Тарелка и та – против неё.

Уходишь. Куда же?

К маме.

Хорошо. Давай. Только уходи немедленно, пока не передумала.

Люба кидает в клетчатый чемодан вещи из шкафа. Андрей Петрович стоит, оперевшись о косяк рукой. Смотрит. Изгиб его руки красив, он это знает. Бицепс слегка перекачивается. Губы сжаты в ироничной ухмылке.

Но жена, не обращая внимания, кидает вещи. Её лицо, в тон чемодану, покрыто

красными пятнами. Фигура Андрея Петровича закрывает ей проход к двери. Чемодан захлопнут на один замок. Плохо закрыт, ненадёжно. Люба кричит:

– Отойди, дай дорогу.

Андрей Петрович ждёт несколько секунд, затем медленно отклеивается от дверного косяка.

– Люба, не дури!

Жена пытается проскользнуть в отданное ей для побега небольшое пространство.

Андрей Петрович пропускает её, а потом легко, мягким спортивным движением ноги, прижимает чемодан к косяку. Чемодан вываливается из рук Любы. Расчёт точен: ещё в падении клетчатая коробка раскрывается, вещи вываливаются на пол.

Жена с рёвом ползает по полу, собирает бельё обратно.

– Негодяй! Негодяй! – она в исступлении.

Андрей Петрович резко подходит, двумя пальцами берёт её за подбородок.

– Не называй меня так, я тебя очень прошу. Очень.

Люба бьёт кулачком по его руке, не больно. Он ухмыляется, но убирает руку. Лицо жены разбухло от слёз, оно красное, в нём больше нет ничего женского, оно теперь совсем детское. Нет, не детское. Оно Жалкое.

Андрей Петрович переступает через ползающую в коридоре Любу, его теперь уже бывшую супругу, и идёт на кухню. Стоит у окна, в кухне тихо стучат ходики: тик – так, тик-так.

Андрей Петрович поворачивает ключ старой кунцевской квартиры, входит в прихожую. В нос бьёт запах газа и давно не проветриваемого помещения.

Из глубины квартиры раздаётся скрип старой кровати. Слышен слабый, протяжный стон.

– Кто-о-о?

– Я.

– Андрейка, ты пришёл?

– Ну, а кто ж ещё?

Андрей Петрович проходит в спальню, достаёт из сумки продукты. Берёт со стола двумя пальцами грязное, с остатками творога, блюдце.

На кровати, в углу, лежит тётя Надя. Щёки её ввалились, седые волосы давно не мыты и не чёсаны. Взор её глаз мутный.

– Воды-ы-ы.

Андрей Петрович идёт в кухню, сначала ставит грязное блюдце в раковину, гасит газовую конфорку, потом набирает воду в стакан.

После перенесённого инсульта тётя Надя плохо передвигается, часто забывает выключить за собой газ, свет в туалете горит вообще постоянно. Всё это может плохо кончиться, поэтому важные документы: доверенности, пенсионная книжка и прочее давно оформлены на Андрея Петровича и хранятся в его отдельной квартире, в книжном шкафу, в старой, пятидесятих годов коробке из-под шоколада. Престарелая тётя совсем не в состоянии за собой ухаживать.

Она подносит стакан к губам, жадно пьёт воду, ночная рубашка её в некоторых местах протёрлась до дыр. Андрей Петрович видит под одеялом худые, в морщинах, похожие на две палки, ноги. Рядом под одеялом – чёрная иконка.

– Ела? – коротко спрашивает племянник.

Тётя Надя тянется слабой рукой к светлому пятну, к лицу Андрея Петровича. Глаза стали совсем никудышные.

– Ты сегодня ела? – ещё раз задаёт он свой вопрос.

– Ела, – тётя Надя кивает.

– Вот творог на завтрак, – он поднимает и подносит близко к глазам тёти свежую пачку, – остальное тут. Обед, ужин. – Не дури.

– Ты работал, Андрейка?

– Да.

– Как профессор Караганов? Работает?

- Хорошо работает, тебе привет.
- Сколько сейчас времени? – шепчет тётя Надя.
- Девять вечера. Пятница.
- Тяжело тебе, Андрейка?
- Тяжело.
- Посиди. Мне недолго осталось.
- Мне пора.

Тетя держится на прощанье холодной рукой за сильную ладонь племянника.

– Мальчик мой. Золотой. Иди.

Перед невидящими глазами тёти Нади светлое пятно, пятно не удаляется, ей спокойно.

Андрей Петрович идёт по пустынному тротуару. У него ровная спина, широкие плечи. Раз-два, Раз-два.

На небе вспыхнула и покатилась звезда.

Метеорит. Андрей Петрович успеваешь заметить только краешком глаза небесную вспышку. В городе яркие огни, звёздного неба стало почти не видно.

После душевной квартиры холодный воздух бодрит.

Был бы сейчас жив Караганов, не стали бы эти старые олухи с кафедры упрямыться и тянуть с учёным советом. Он набирает грудью воздух. Раз-два, раз-два.

Франкфурт 2007

Отъезд

Город пышный, город бедный...

А.С. Пушкин

Германн Соломонович Цепкин представлял себе счастье примерно так: он сидит на лавочке возле деревянного дома, огород и сад наполнены зреющими овощами и фруктами. Дует приятный летний ветерок, а в доме, в кладовке имеется лопата и прочий инструмент. Огород оборудован для полива. И заходит он в кладовку, берёт в руки лопату, поковыряет землю без особенных усилий, потому что земля хорошо унавожена. Поковыряет до приятной усталости в руках и опять сядет на лавочку. Сядет и сидит: греется на солнце. Закрывал глаза и представлял себе счастливую жизнь. Потом открывал, и ему делалось страшно.

Всю войну Германн Соломонович прослужил на Кавказе в строительных войсках. Занимался постройкой дорог и получил странный подарок судьбы или, говорят ещё, вытащил счастливый билет – в нехорошее время не был посажен, расстрелян, послан на передовую, на верную смерть. Германну Соломоновичу исполнилось к концу войны двадцать пять лет, роста он был не великого и лицом не красавец. Продолговатое лицо, семитские глаза и семитский же нос. К тому же от сводок СовИнформБюро и частых мыслей про возможную отправку на передовую стали у него ближе к Курской битве выпадать волосы на голове, и болел желудок.

В графе «семейное положение» напротив его фамилии значилось «холост». Да и откуда в военное время могла у военного строителя появиться жена?

После войны сапёрный батальон, в котором служил Цепкин, не расформировали, а направили восстанавливать Сталинград.

На восстановление Сталинграда партия и правительство решились не сразу. Ходят слухи, что сперва хотели оставить всё, как есть, чтобы потомки могли гулять по разбомбленному, разбитому вдребезги городу и любоваться развалинами, как античным Римом. В отличие от древнего Рима развалины Сталинграда должны были, конечно, нести воспитательную функцию. Но якобы сам Сталин решил вопрос иначе – город восстанавливать. Может, оно так и было. Только заново отстраивать Сталинград

должны были не простые строители, а военные. Потому что каждая улица, каждый дом, подлежащие сносу, напичканы были таким количеством мин и снарядов, что по сравнению с этим, любое минное поле покажется детской площадкой. На восстановление Сталинграда перебрасывали свежие части из тыла. И эти части несли небоевые потери, сопоставимые с боевыми в сорок первом. Жить приходилось в землянках, как на фронте. Здесь Германна Соломоновича продолжали мучить боли в желудке. Здесь он расстался с остатками своей шевелюры, и так изрядно пострадавшей в ходе битвы на Курской дуге, когда возможная передовая приблизилась совсем близко, и постарел лицом на двадцать лет.

Кое-как восстановив Сталинград, Цепкин перевёлся на строительство Волжской ГЭС в Жигулёвских горах. В горах неразорвавшихся фугасов находили поменьше, чем в городе, а главное – опытным строителям давали комнаты в бараках.

К концу пятидесятых ГЭС построили. Торжественно открыли станцию. Название у станции получилось витиеватое, но для тех времён вполне благозвучное и длинное, как сама плотина, «Волжская ГЭС имени XXII съезда КПСС».

Жизнь потихоньку приходила в норму. Следовало поразмыслить и о семейной жизни и в первую голову увольняться из армии. Цепкин уволился на гражданку и устроился на тракторный завод – технологом. В новой своей гражданской жизни стал он отвечать за качество производимых на заводе тракторных деталей. Брак – дело на производстве ответственное.

И не только на производстве. В ту пору женщин, ищущих свою вторую половину, имелось кругом предостаточно. Наверное, и Цепкин смог бы найти для себя прекрасный вариант. Но он встретился с ткачихой вязальных машин Бабарихиной Марьей Гавриловной.

Бабарихина подметила его издали, на улице, спешащим семенящей походкой по своим тогдашним делам. Дела эти стёрлись из памяти Цепкина в тот же день по причине незначительности. Ткачихе он издали понравился, она не раздумывала долго и сама к нему подошла. Способ заговорить с незнакомым человеком она знала от своей матери.

Вы оборонили? – спросила она, – я вот, иду, подняла, а вокруг никого нет.

Бабарихина поглядела в круглые от неожиданного вопроса глаза Цепкина. В руке она держала рублёвую бумажку.

Так это не вы оборонили?

Цепкин похлопал себя по карманам, и согласился, что бумажка наверняка его. Так и познакомились.

Цепкину Марья Гавриловна понравилась. Была она полногрудая и широкобёдрая. Очень стабильная во всех отношениях. Марье Гавриловне бывший сапёр тоже нравился застенчивым характером. Для себя она особо отметила после двух месяцев знакомства, что сапёр-технолог не напивается с полочки, как все мужики вокруг. Смотрелся маленький Цепкин на фоне Бабарихиной немного странно, но известно: в супружестве не это главное.

В первую ночь, однако, проклятая застенчивость сильно подвела Цепкина. Марья Гавриловна вздыхала, гладила бритую голову своего избранника и под утро заплакала. Ошибку Цепкин вскоре исправил. В 1960-му году родилась у него с Марьей Гавриловной дочка. Назвать её Цепкин хотел Кларой и настоял на своём. Имя Клара Цепкина выходило похоже на Клару Цеткин. А про Клару Цеткин он читал книгу и слушал один раз передачу по радио.

Жили они теперь хорошо, в центре, на площади Павших Борцов, в однокомнатной квартире.

Горячая и жадная до ласк Марья Гавриловна в кровати больше не плакала, к бывшему сапёру относилась с уважением, но без должного трепета. А Германн Соломонович, не имевший достаточного опыта отношений с женским полом, быстро привык к семейной рутине. И относился к супружеским обязанностям как к своего рода работе.

Работал Германн Соломонович на заводе всегда допоздна. Придя домой и наскоро перекусив, ложился в кровать. Обязанности, несмотря на усталость и недосыпание,

исполнял, не уклонялся. После исполнения коих сразу засыпал. Жена ещё долго ворочалась и вздыхала. Не придав этим вздохам должного значения, Цепкин, а это выяснилось совсем скоро, совершил ошибку, или, говоря языком военным, стратегический просчёт.

Однажды в гости к Цепкиным пришли старые знакомые и боевые друзья – специалисты по разминированию города Сталина. Среди них был и полковник Швабрин Матвей Борисович, человек значительного роста и обладатель громкого командного голоса. Сидели, выпивали. Весело кричали гости, радуясь застолию и ещё больше обильной выпивке. Стол, умело накрытый Марьей Гавриловной, ломился от закусок. Клара играла с тряпичной куклой в углу комнаты.

– Повезло тебе, Германн, с женой, – и хозяйка хоть куда, и красавица! – Швабрин говорил, наклоняясь к Цепкину, но так, что слышно было в дальнем конце стола.

– Ну, да, и дочка вот растёт, – Цепкин показал рукой в угол. – Чего ещё человеку надо? А у Марьи Гавриловны от комплимента, сделанного обаятельным полковником, покраснели щёки.

– Хотите ещё водочки, Матвей Борисович, с огурчиком? – спросила она.

– Наливайте всем, – закричал Швабрин. – За хозяйку этого дома! За её тёплые руки! Когда гости уходили, Марья Гавриловна вышла проводить гостей. И на улице окликнула Швабрина.

– Это не вы оборонили? – Бабарихина показала пальцем мятый портретик Ленина на асигнации.

Полковник обернулся. Губы его разъехались в улыбке.

– А то я иду, смотрю бумажка лежит, а никого уже нет.

Швабрин взял протянутые ему десять рублей, положил в карман. На секунду Марья Гавриловна задержала руки в ладонях Швабрина.

Я про тост ваш вспоминаю. А у вас руки тоже тёплые, – сказала Марья Гавриловна. Ох, хитра, Марья.

Я в пять заканчиваю. После смены. Вы фабрику нашу знаете?

После описанного в квартире Цепкиных вечера прошло не так уж и много дней, когда Германн Соломонович и его супруга расстались навсегда. «Не сошлись характерами, – отвечали они, заранее сговорившись, на вопросы о причине разлада в их семье. – Обычная история».

Марья Гавриловна забрала Клару к Швабрину. С Германном Соломоновичем бывшая жена и полковник отношения решили сохранить. В конце концов, за что обижать хорошего человека? Вины его в том, что произошло, не было. И ему разрешили навещать дочь, когда захочет.

Цепкин старался проводить с Klarой побольше времени. Водил её в цирк, а летом отец и дочь вдвоём уезжали купаться на Ахтубу. Вот только объяснить Klаре, почему она теперь живёт не вместе с папой, а вместе с дядей Матвеем, не умел.

Постепенно Клара выросла, становилась год от года всё более весёлой и полногрудой, как мать, а вот лицом походила стала на Германна Соломоновича. И характером, задумчивым и отзывчивым, тоже.

Цепкин жену давно простил и даже был ей и полковнику благодарен, что не лишили его радости общения с дочерью.

Имелось, правда, одно обстоятельство, которое печалило технолога тракторного завода: неустроенная личная жизнь Klары. Цепкин начал уже считать, что злой рок висит над теми, кто носит его фамилию. Семейная жизнь его дочери складывалась ещё хуже, чем у самого Цепкина, в каком-то обратном нормальном порядке: сперва появилась беременность, потом дочь, которую она назвала Женькой, а ни семьи, ни мужа как не было, так и нет.

У дочери имелась квартирka, выбитая не без помощи старых связей полковника Швабрина. На окраине города.

Так прошло почти тридцать лет, а с момента окончания строительства ГЭС, и того больше. Цепкин постарел, начал сильно сутулиться, хотя лицо его и выражение глаз

почти не изменились. Клара с Женькой любили приезжать в гости к деду. Клара убирали в квартире отца, готовила ему обеды. Цепкин не мог оторваться от внучки, всю свою нерастратенную любовь обратив на неё. Можно так сказать, что жили они теперь втроём, хоть и в разных концах города – Клара с Женькой и Германн Соломонович.

С бывшей женой связывала пенсионера Цепкина тоненькая ниточка. Связующей нитью являлся полковник Швабрин – председатель клуба ветеранов войны, сокращённо клуб ветеранов ВОВ.

Каждый вторник и четверг в подвальном помещении Дома Союзов собирался клуб. Членом клуба являлся и Германн Соломонович, он регулярно приходил на заседания. В пожилом возрасте общение с себе подобными – важная составная часть жизни для человека, вокруг которого теперь молодые и незнакомые лица.

Ветераны обсуждали план мероприятий: в какую школу на встречу с учащейся молодёжью пойти, делились военными воспоминаниями. Но большая часть их разговоров сводилась к двум темам. Первая – где какие продукты достать, сколько они, продукты то есть, стоят, и сколько их дают в одни руки. Вторая – старческие болезни.

Цепкин на встречи со школьниками ходить не любил и всячески от данной обязанности уклонялся. Предлог он найти умел: нездоровье или семейные дела. Под семейными делами подразумевался совместный обед с Кларой и Женькой, а под нездоровьем – поход в поликлинику. Германн Соломонович любил ходить в поликлинику. Там он лечился от остеохондроза и повышенного кровяного давления, настаивая на частом медицинском контроле для выявления скрытых до поры, до времени болезней.

На встречи же со школьниками он не спешил, потому что рассказывать про войну ему не нравилось. Службу в сапёрном батальоне он считал большим счастьем на фоне всеобщего несчастья, хотя кормили в части из рук вон плохо. Строительство дорог красиво описать он не умел. Зато гордился тем, что ни разу не попадал под обстрел и бомбёжку, не был ни ранен, ни контужен. За пять военных лет он периодически оказывался в военном госпитале с расстройством желудка. Рассказывать в школе про это было неловко. Поэтому, когда Германна Соломоновича один раз уговорили пойти на встречу со школьниками, он за всю встречу не проронил ни слова. Выступали другие члены клуба, участники Сталинградской битвы:

– Наш взвод получил задачу прорваться к дому Павлова с правой и с левой стороны, – дрожащим голосом, заикаясь, рассказывал ветеран в десантном берете с красивой фамилией Ланской. – Противник открыл ураганный огонь. В общем, с потерями пришлось отползти назад. Мы попросили подкреплений. Но тут... тут....

Ланской смахивал рукавом слезу и зло смотрел на Цепкина. – В общем, ребята, скажу коротко, не имелось у Главного Командования на нашем участке подкреплений.

Резерва не имелось, зато имелись в наших рядах предатели, уходившие с позиций. Их отлавливали и по суду военного времени...

«Почему у них никогда не имелось резервов, когда их просили?» – думал Цепкин. Эту историю он слышал от Ланского не раз. Ланской любил её рассказывать, хотя ничего необычного там не произошло. Германн Соломонович приготовился слушать про бессонные ночи, которые провёл старый десантник на позициях.

Семь бессонных дней и ночей прорывались мы к дому, – продолжал грустную повесть десантник. – Но так и не смогли прорваться. В то время, как я уже не раз отметил, у командования не нашлось резервов. Потому что, собрав все резервы в кулак, ставка бросила их на другое направление.

Есть у вас вопросы? – спросила учительница строгим голосом молчаливых, напуганных рассказом школьников.

Но и вопросов тоже не нашлось. После окончания встречи учительница громко скомандовала по-военному:

– Встать! Вечная память героям!

И класс послушно замер возле парт.

На доске объявлений клуба ветеранов висела стенгазета, название которой придумал Цепкин. Называлась газета «Непобедимая и легендарная» в честь советской армии. Германн Соломонович отвечал за литературное оформление стенгазеты, писал в «Непобедимую и легендарную» фельетоны и стихи. Стихи читали и в основном одобряли, над фельетонами смеялись. Цепкин считался клубным поэтом, а его поэтические произведения носили военно-патриотический характер. Лирика не интересовала бывшего сапёра. Круглыми буквами выводил Цепкин строчки стихов для газеты:

Отгремели канонады,
И салют потух.
Раздала страна награды.
Но крепок ещё дух.

Воины, как снег, седые
Шеренгами стоят.
И медали золотые
На груди горят.

– Что там за крепкий дух у тебя в стихах? – спрашивал ироничный председатель клуба Матвей Борисович. – Что имеется в виду, а?

– Вначале я написал «И салют потух./ Раздала страна награды,/ Гимн в строю поют», но потом подумал, в строю надо петь строевые песни, а не гимн, – Германн Соломонович охотно делился секретами поэтического творчества.

– А-а.

– Как там Маша? – спрашивал Германн Соломонович полковника о своей бывшей жене.

– Болееет, возраст, – отвечал Швабрин. – Тебе привет.

Так продолжалось до начала девяностых годов. Потом тихо, от непонятной болезни скончалась Марья Гавриловна.

Кроме дочери и внучки у Цепкина теперь не осталось никого. А из мест, куда он мог пойти развлечься, в Волгограде был только клуб ветеранов.

Но имелся в клубе у Цепкина недруг. Завсегдатай клуба капитан Ланской, участник обороны тракторного завода, возненавидел Цепкина с момента их знакомства.

Ненависть его носила животный, иррациональный характер. Это был небольшого роста сухощавый старик, ходивший в любую погоду в десантном берете. Ланской называл Цепкина Мандельштабом и придерживался антисемитских взглядов. Он полагал, что во время войны евреи в тылу отсиживались, в то время как русский народ проливал кровь. Возмущало Ланского и то обстоятельство, что на завод, который он защищал с таким упорством от немцев, после окончания войны преспокойно устроился еврей Цепкин. Мало того, он проработал там вплоть до пенсии.

– Вот ведь народец, – говорил Ланской, когда Цепкин отсутствовал. – Где только люди не появляются: в Африке, в Антарктике, так там же сразу и евреи. Вот примерно, как саранча. Где есть, что поесть, там уже и они.

Ветераны согласно кивали головами.

– Или взять, к примеру, его стишки. Ну, напишет Цепкин ещё пару, а подымет ли он тем русское искусство?

Только Матвей Борисович, связанный с Цепкиным посредством жены, пытался защищать евреев.

– Однако нельзя забывать, во время войны евреи проявляли пролетарский интернационализм, – замечал он.

В квартире Германна Соломоновича полно было бумажек и газет, которые он запрещал трогать. Его квартира на площади Павших Борцов имела неряшливый, довольно запущенный вид. Кроме бывшего сапёра-технолога в ней среди стопок газет

и небруанных остатков пици проживало одно живое существо – дымчатая кошка Цепкина Психея. Обилие газет кошке было по нраву, она чувствовала себя уютно. Германн Соломонович назвал свою кошку так потому, что слово звучало музыкально, по-древнему и красиво. Что означает «Психея», он не знал, но предполагал, что это медицинский термин. Он даже спросил про Психею невропатолога на приёме в поликлинике. Невропатолог полистал справочник болезней, но такого термина в книге не нашлось. Психея отличалась неуравновешенным характером: иногда она ни с того, ни с сего начинала метаться по квартире, а иногда сидела тихо и целый день не хотела ничего есть.

Раз в неделю Клара делала в квартире отца генеральную уборку. У неё имелись собственные ключи от квартиры. Приносила продукты, рыбу и молока кошке. Незаметно от отца и Психеи Клара выбрасывала газеты, иначе квартира превратилась бы в склад макулатуры. Случалось, Цепкин замечал пропажу и кричал на дочь. Здесь лежала бумага с телефоном врача-физиотерапевта. Где она? Где, тебя я спрашиваю? Как я теперь найду врача?

Пойдёшь в поликлинику и найдёшь, – отвечала Клара, ухмылялась и отворачивала лицо в сторону.

Я не пойду! Я не пойду, а ты пойдёшь и принесёшь телефон! Жена мне была не жена, и дочь вся в неё – не дочь, а чёрт знает, что такое.

Хорошо, папа, хорошо, – Клара на крики и ругательства отца не обижалась.

Она знала, что через пятнадцать минут он забудет о пропаже и никогда больше не вспомнит:

Давай лучше садиться кушать суп, а то еда стынет.

Цепкин оттаивал и деловито стучал ложкой по тарелке. По мере опустошения тарелки гнев его улетучивался.

– Тебе надо денег, Клаша?

– У нас хватает.

– А я сказал надо. Тебе не надо, ребенку надо. Возьмёшь у меня на столе.

Германн Соломонович жил, надо честно признать, неряшливо и не любил домашней работы. Клара пыталась навести подобие порядка и нередко ругалась с Германном Соломоновичем. Но однажды Цепкину удалось совершить большое хозяйственное дело, чем он позднее гордился.

– Папа, у тебя в квартире бельё не на что повесить, как ты так можешь? – воздействовала на отца Клара.

– Бельё и на спинке стула хорошо сохнет, – объяснял ветеран. – Мы, старое поколение, не такие, как вы, молодёжь.

– Ты технолог, строитель, хоть и бывший. А гвоздя сам в стенку вбить не можешь, – не унималась дочка. – Мне приходится самой всё делать.

Вначале Германн Соломонович обиделся на такие слова и решил с дочерью не разговаривать. Но потом поразмыслил и решился на нововведение.

Он подошёл к делу как профессионал, хотя и бывший. Цепкин измерил рулеткой одну стену комнаты, потом другую. По теореме Пифагора вычислил гипотенузу. Поперёк кухни, по диагонали, он повесил верёвку. Длина её была вычислена математически. Оба конца верёвки крепились к огромным гвоздям. Гвозди нашлись на близлежащей стройке, и их пришлось специально вбивать в стенку молотком.

Дочь с её неверием в инженерные способности отца была посрамлена.

Как-то раз Клара, Женька и Германн Соломонович сидели на кухне и ели суп, приготовленный Klarой отцу. По кухне бродила Психея. Она принюхивалась, потом залезла на колени к Женьке.

Папа, может, уедем в Израиль, сколько можно вот так сидеть? – Клара уже не в первый раз заговаривала на эту тему. Но Германн Соломонович и ухом не вёл.

Зачем я поеду в Израиль, когда умереть можно и здесь?

Тебе смешно думать о смерти, папа. У тебя даже инфаркта ни одного не было, – сказала Клара наставительно и посмотрела отцу в глаза.

Цепкин продолжал стучать ложкой. Разговор, вернее, тон разговора ему не нравился.

Кошка огляделась, прыгнула с Женькиных колен и ушла по своим делам. Со мной, я думаю, вскоре должен случиться инсульт. Поскольку я имею повышенное кровяное давление, а собственная дочь гонит меня в могилу. Я умру, и душа моя превратится в точку.

Ты умрёшь, превратишься в точку. А мы с Женей останемся. Подумай о нас, или внучку тебе не жалко? – у Клары имелись веские доводы.

А Психею куда я дену, Клаша? На помойку выброшу? – не сдавался Цепкин.

Причём здесь твоя Психея? – крикнула Клара. – Ты не понимаешь, где живешь и ради кого?

Я понимаю, – защищался он, и полушёпотом сознался в своей политической неблагонадёжности, – у нас многие говорят, если б Гитлер не напал, Сталин бы евреев вывел. Хорошо ещё, так отделались.

О, Господи, – только и смогла сказать дочь, – послал же ты мне папашу.

Потом замолчала, но не успокоилась. Наоборот, через неделю она пошла на отца в решительное наступление.

– Папа, чего ты дожидаешься? Пока в Сибирь тебя вышлют? – заявила она.

Я верю в добрый характер русского народа, – защищался Германн Соломонович, – народ выселения евреев не допустит.

Клара встала, залезла в сумку и выложила на стол свежий номер газеты «Колокол», органа особенно патриотически-настроенной части русского народа. Передовая статья газеты требовала немедленного выселения, причём именно евреев.

– Мне надоело, если не поедешь с нами, заберу ребёнка и уеду отсюда одна. Твоё сопротивление бесполезно.

Конфликт с дочерью мог вот-вот разразиться. Цепкин чувствовал себя защитником Сталинграда, оставленным в городе без патронов. На него, словно тяжёлый немецкий «Тигр», надвигалась Клара.

Цепкин не выдержал. Он пообещал подумать. Из «Тигра» ответили, что времени на раздумья даётся немного – два дня. Это был ультиматум.

По истечении срока ультиматума собрались вчетвером на кухне у Германна Соломоновича: дочь, внучка, кошка и сам Германн Соломонович.

– Я, в принципе, согласен, – выдавил он из себя, – делай, как знаешь, Клаша.

Цепкин тешил себя мыслью, что его решение согласиться на отъезд принято ради детей. Его жизнь прожита, говорил он сам себе, надо дать дорогу молодым, им не мешать, а помогать.

Надо отдать ему должное: на подобный шаг способен не каждый, а только любящий своих детей родитель.

Тяжёлый «Тигр» разогнался и устремился вперёд. Казавшиеся неприступными бюрократические запоры разлетались в стороны под его мощной бронёй. Клара унаследовала от матери умение принимать решения и доводить их до конца. Поездки в посольство, сбор документов и справок проходили в форсированном темпе.

Посольство довольно быстро дало зелёный свет.

В один прекрасный вечер капитан Ланской принёс на собрание газету «Колокол». Появление такой газеты в Волгограде не могло остаться вне его поля зрения. Капитан прикрепил её на стене рядом с «Непобедимой и легендарной». Цепкин «Колокол» сорвал и выбросил в унитаз. Но Ланской прицепил запасной экземпляр снова на прежнее место. Настроение у Германна Соломоновича окончательно упало. И тогда на собрании ветеранов, честно глядя Ланскому в глаза, он объявил о своём решении.

– Не я этого хотел. Вы сами меня вынуждаете.

Решение Цепкина об эмиграции было воспринято всеми без эмоций и скандала. Личное дело каждого, где и как жить. Но, сходяв на собрания ещё несколько раз, Германн Соломонович почувствовал, как изменилось к нему отношение. Ланской и другие читатели «Колокола» давно ожидали от Цепкина подобной выходки. Остальные внешне никак не реагировали. Но никто не спрашивал теперь про остеохондроз, не кричал, хлопая по плечу: «Ну, как живёшь?». Ему не протягивали руки, а протянутую им

руку с неохотой в ответ пожимали. Его избегали. Цепкин понял, что ветеранский клуб для него отныне и навсегда закрыт. Здесь его считают предателем.

Самое тяжёлое для отъезжающего – видеть, как пустеет квартира, как выносят мебель. Ощущение такое, словно бы умер близкий человек. Ужас состоит в том, и это знает каждый переселенец, что умерший – ты сам. Внучка Женька в смешном платице играла на полу с кошкой. В последний раз. Психею решили отдать соседке и большую часть мебели тоже: в качестве компенсации за кошку.

Непонятные люди таскали из квартиры шкафы. Один из них ловко, одним движением, сорвал бельевую верёвку, плод инженерной мысли Германна Соломоновича.

Цепкин сидел на последнем оставшемся стуле с потерянным видом. От лица клуба ветеранов пришёл проводить его один только Матвей Борисович. Матвей Борисович принёс с собой бутылку самогона в подарок. Оказывается, самогон гнал на своём аппарате Ланской лично. Германн Соломонович расчувствовался, он простил Ланскому и остальным холодность последних дней. Алкоголь Цепкин не употреблял. Но было приятно. Он решил подарить бутылку грузчикам.

– Держи высоко знамя сталинградцев, – сказал Швабрин и протянул бутылку.

Он коротко обнял Цепкина, поцеловал в щёку и ушёл, чтобы не задерживать проводы. Цепкин не знал, куда притулиться. Последний стул тоже вынесли. Вдруг он подбежал к кошке и схватил её на руки.

– Психеюшка, доченька моя. Никому тебя не отдам. Уйдите все вон из моего дома! – крикнул он тонким голосом, потом затрясся и стал целовать Психею в морду.

Животное вяло отбивалось и мяукало. На секунду в квартире повисла тишина.

– Папа, ну что ж это такое? – закричала в ответ Клара, лицо её подёргивалось.

Нервотрёпка, оформление документов и сборы доконали и её. Ей тоже уже не хотелось никуда ехать. Но обратной дороги не было. Клара первая взяла себя в руки.

– Мы тебе там новую кошку купим.

Не хочу я новую, – Германн Соломонович заплакал, как маленький, и с кошкой на руках сполз вдоль стены на пол.

Ему принесли стакан воды, Женька гладила по очереди кошку и дедушку по голове и просила успокоиться.

Резкие слова грузчиков вернули его к действительности.

– Хозяин. Дело сделано.

Клара с Женькой стояли на улице, разговаривали с соседями. Цепкин выдал грузчикам денег и заготовленную бутылку – знамя сталинградцев, потом сел на газетный лист, прямо на пол. Закрыв глаза и представил себе маленький домик с садом, огород. Будто бы он сидит на лавочке, а рядом воткнута в землю лопата. Успокоился.

За день до отъезда решил Цепкин сходить в последний раз на Мамаев курган и проститься таким образом с городом.

Те, кто думают, что «Родина – мать» возвышается над Волгоградом и служит неким ориентиром, ошибаются. Памятник из города не виден. Высокий, но пологий Мамаев курган скрывает от наблюдателя огромную статую с поднятым кверху мечом. Лишь постепенно приближаясь к «Родине – матери», можно понять, насколько она огромна. На самом кончике меча статуи, словно капелька крови, и днём и ночью светит красная лампочка. Она прикреплена для того, чтобы заблудившиеся самолёты не вспороли себе ненароком брюхо, наткнувшись на бетонный меч каменной великанши. Такие же капельки есть на голове и на левой руке статуи.

В тот последний день стояла страшная жара.

«Наверное, так же будет и в Израиле», – догадывался Германн Соломонович. В трамвае, по дороге на курган, он стал сочинять стихи. В кармане нашёл обрывок «Литературной газеты». Цепкин поглядел на профиль Пушкина и начал записывать карандашом на обрывке. Получилось неожиданно лирично:

Люблю тебя, мой Сталинград.
Прощай, пльиви своей стихией.
Отъезд уж близок. Я не рад.
И всё пишу свои стихи я.

Здесь шли упорные бои...

Следующая строчка никак не придумывалась.

Поднимаясь на гору, бывший инженер остановился перед торчащим из скалы голым Геркулесом, символом гранитного упорства защитников Сталинграда. В одной руке Геркулес зажал автомат ППШ, из другой торчала граната, размером с хорошее колесо трактора. Такие колёса проверял некогда на качество технолог Цепкин. Жители города и туристы в жару на курган не ходят. Можно оказаться в больнице с тепловым ударом. Германн Соломонович посмотрел вверх, он стоял один перед колоссальной женщиной работы скульптора Вучетича. Цепкин остановился передохнуть, стоял, обмахиваясь газетой. Дышать становилось нечем. «Как бы insult не случился», – подумал он. Жара и солнцепёк «Родине-матери» были безразличны. Дикий взгляд свой Родина направила назад и в сторону. Толстые, бесстыдно оголённые ноги из серого бетона уходили в высокое пепельное небо. Ветер, гулявший над головой статуи, разбивался о меч и издавал звук, похожий на гудение проводов высокого напряжения. На память Цепкину пришли пушкинские строчки из тех немногих, которые он знал наизусть:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа.
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрийского столпа...

Цепкин дошёл до зала Воинской Славы, постоял у вечного огня и поплёлся назад. В груди защемило, во рту появился нехороший привкус. Позади возвышалась растрёпанная, подавленная телом вперёд и застывшая в немом крике «Родина-мать». Цепкин обернулся, чтобы получше запомнить страшный облик статуи. От жары и волнения Германну Соломоновичу стало нехорошо. Сердце колотилось, в ушах его гудело. Он вдруг почувствовал страх. Он представил себе, как великанша двинулась со своего постамента и начала размахивать бетонным мечом. Если стоять так близко, она может легко снести неосторожную голову предателя Родины. «Не надо было слишком подходить к ней», – мелькнуло в голове Цепкина. Он набрал в лёгкие горячего воздуха и бросился вниз по лестнице быстро, как только позволяли его стариковские ноги.

Франкфурт 1999

Когда разгоралась заря новой жизни

На вопросы о ранени Игорь Соломатин отвечал, что был ранен в Чеченскую войну. Левая половина тела плохо слушалась. Поэтому Соломатин передвигался с костылём. На груди он повесил медаль «За Отвагу», которую купил на толкучке в Лужниках. Он собирал милостыню, переходя из одного вагона метро в другой. Медаль вызывала уважение. Особенно хорошо подавали женщины среднего возраста, срабатывали материнские инстинкты. После двенадцати сдавал выручку старшему. Было одиннадцать часов. На «Войковской» Соломатин решил купить сигарет и отдохнуть. Рядом с метро располагается железнодорожная платформа. Там, прямо у выхода со станции, стояли рядами бедно одетые старухи, торговали укропом, морковкой, водкой, шоколадом, сигаретами.

Редкие покупатели, тоже в основном старухи, бродили в поисках пропитания. Мужик в кепке держал у груди газету «Чёрная сотня». Приехавший в Москву рабочий люд бежал, не останавливаясь, вниз к метро. На ряды пенсионеров с товаром не обращали внимания. Игорь присел на груды пустых ящиков. Его не гнали: пару раз спросили, за что медаль. Он ответил: «За взятие Грозного». Больше вопросов не задавали, знали, что парень иногда приходит на станцию, сидит и в сторонке курит. Старухи между собой переговаривались: «Не мешай. Видишь, про войну думает».

Позади Соломатина был бетонный забор. Рядом с ящиками бетон почернел, здесь хорошо горело когда-то. По очертаниям угадывалось, сгорел киоск, не редкость на рынке. Это пятно пожара появилось несколько лет назад, в 1988 году, когда над Советской Страной разгоралась заря новой кооперативной жизни.

Летом восьмиклассник Соломатин решил подработать на каникулах. Так делали ребята в их классе. Он позвонил по телефону своему дяде Володе, кооператору с годовым стажем. По тем временам год в кооперации был приличным сроком. Горбачёвские нововведения набирали обороты, и самые отважные бросили перчатку могущественному государству.

Дядя, услышав, что его молодой племянник горит желанием встать на скользкий путь, которым он идёт сам, подумал немного и согласился. Он верил в способности племянника.

– Только сразу говорю, работа нелёгкая. Потом не жалуйся. Зато начислю тебе без обмана, – пообещал дядя. – Приходи прямо к девяти завтра, Игорек. У ларька я тебя встречу.

Так Игорь попал в кооператив «Парус». Дядя Володя работал в «Парусе» бухгалтером: писал отчёты, высчитывал налоги, собирал счета, выдавал зарплаты и пристраивал знакомых хороших людей на альтернативную работу.

«Парус» не отличался броской красотой. Рядом с железнодорожной платформой «Ленинградская» притаился покосившийся киоск из сварных железных листов.

Единственное окно украшали резные ставни с наличниками под русскую старину. Так нужно было, узнал впоследствии Игорь. Кооператоры зарабатывали приличные деньги, народ их не жаловал. А деревянные наличники под русскую старину как бы сообщали гражданам: «Глядите, мы, кооператоры, плоть от плоти – свои, русский народ». Над окошком размашисто рукой владельца было выведено масляной краской «Парус».

Сверху над крышей киоска торчала обугленная металлическая труба, рядом с трубой из киоска криво выпирал гнутый лист жести, почерневший от дыма. Лист по мысли создателей символизировал парус быстроходного корабля. Из трубы шёл ароматный густой пар, голодные прохожие принюхивались, поглядывали на часы и становились в небольшую очередь. Хотелось поесть и свою электричку не пропустить.

В окне мелькала тельняшка. Лодочка «Паруса» вышла в океан кооперации и плыла по жаркой Москве, дымя трубой. Её матрос только успевал менять масло:

– Следующий.

– Почему у вас пончик на три копейки дороже государственного? Пончик семь копеек стоит, а у вас десять, – кричали из очереди в окошко далёкие от кооперации граждане.

– На рынок иди и торгуйся, – отвечала тельняшка. – Купил, иди лопай!

Несколько раз в день цвет из трубы менялся на голубой, а иногда, и на чёрный. Тогда из-под резных наличников избушки несло гарью, человек в тельняшке открывал двери и окно настежь. Сам выбегал наружу, чтобы набрать в лёгкие свежего воздуха.

Очередь переговаривалась, иногда пытались вызвать пожарных.

– Причём здесь пожарные? Нечего тут стоять, перекур, – кричала тельняшка.

Тогда на окне появлялась табличка с надписью «Санитарный час».

Санитарный час сопровождался ударами железа о железо, звоном посуды и отборным матом. Через некоторое время из распахнутой задней двери на землю летели остатки сгоревшей продукции.

Дым улетучивался, очередь успокаивалась, табличка исчезала, мат стихал. В эти минуты обладатель тельняшки по имени Федя молил об одном, чтобы в неурочный час не занесло в избушку шефа.

Шефом «Паруса» являлся бывший инженер Электралампного завода Зиновий Яковлевич Позерман. Позерман с нахальным видом носил дорогую джинсовую куртку и пользовался автомобилем «Жигули» второй модели, в народе «двойка».

На этой самой «двойке» Позерман нередко подкатывал к избушке и смотрел, не вылезая из машины, на своё детище. Позерман исповедовал следующие жизненные принципы: «Только в движении жизнь, в остановке – смерть!» и ещё: «В каждом деле необходим контроль!» Постояв минутку у киоска, он подбегал к «Парусу», стучал условным стуком, заходил. Начинал проверять расход муки, яиц, маргарина. Нередко отчитывал потного человека в тельняшке за разгильдяйство.

– Федька, бери, сколько захочешь домой яиц. Только не воруй! У меня контроль, вот сюда запиши: «Федя». Я буду знать.

Федька не понимал, зачем нужно писать своё имя, когда яйца им расходуются без счёта. Жал плечами:

– Так я ж десяток...

Позерман, узнав от бухгалтера, что племянник его просится на работу, подумал полчаса и придумал новый интересный способ расширить свои владения. Следовало установить подвижную торговую точку недалеко от станции метро. Киоск там установить сложно: нужны разрешения горисполкома, санэпидемстанции, пожарников и, главное, взятки. Мобильная же точка сворачивается и разворачивается за пять минут. Вот в эту мобильную точку и должен был превратиться восьмиклассник Соломатин. Единственное препятствие на пути – милиция. Разрешения на торговлю у метро Позерман не имел. Но, с другой стороны, что сделает милиция школьнику? В отделение потащит? Вариант был не проигрышный. Стоило рискнуть.

– Привет, меня Зина зовут. Можно дядя Зина, – протянул Позерман Игорю руку, – мне Володька про тебя говорил.

– Здравствуйте, – протянул в ответ Соломатин свою ладонь.

Ему страшно интересно было узнать, кто они такие, эти лихие люди кооператоры. Сразу было видно, что кооператив состоит не из простых людей, если сам кандидат экономических наук дядя Володя здесь зовётся Володькой. Позерман выдал Игорю белый халат и велел в него переодеться.

– Значит, так. Федька сегодня пробную партию пирожков испёк. Берём сейчас в «Парусе» ящик из пробной партии и столик. Потом подъезжаем к метро. Я тебя со столом выбрасываю. Начинаешь торговать. Торговать – то умеешь?

– Конечно, – ответил Игорь, не задумываясь.

– Вижу, что врёшь. А? – подмигнул дядя Зина. – Пирожки руками не брать, только бумажкой. Культурно чтобы. Улыбаться. Потом говоришь: «Спасибо». Мелочь в один карман, крупняк – в другой. Всё, науку освоил. Рванули.

В салоне «Жигулей» играла музыка, и хриплый голос пел: «...чуть помедленнее кони, чуть помедленнее...». Подъехали к «Парусу», в окошке никого нет, постучались условным стуком, три коротких, пауза. Ещё три коротких. Из-за двери голос:

– Кто?

– КГБ.

– Заходи.

Федька открыл и удивлённо уставился на Игоря.

– Свои, свои, – втолкнул Позерман подростка внутрь, – знакомься, Федька. Володькин племянш Игорёк. Будет твои пирожки сейчас продавать.

Федька осклабился.

– А-а. Проходи. Пирожки так себе, перегрелись малость. Сейчас как раз их и забацал. Хотите попробовать?

Позерман и Игорь взяли по пирожку. Федя объяснял, пользуясь специальной терминологией:

– Первая партия всегда помойная. Так пробуешь их, и так. Короче, кинул всё тесто в замес. У-у-у-у. Твердык. В печь покпал. Перегрел я их, что ли? Или соли киданул слишком.

– В общем, говно, – подытожил Позерман.

Федя смущённо разминал пальцы, как боксёр перед боем.

– Говно, не говно... Зина, я ж говорю, тесто рукой берёшь – твердык, а должно мягко так отваливаться от руки и малость на руке оставаться.

– Понятно.

– У меня сейчас идёт замес, некогда. Сегодня ночью лучше заделаю, – и он повернулся к машине по производству пончиков.

Позерман подхватил ящик свежей выпечки и направился бегом к машине. Игорь едва поспевал за дядей Зиной.

– Кондитер он классный, не смотри, что резиновые пироги печёт. Тренируется, – объяснял инженер–кооператор школьнику. – Одна у него беда, называется «запой». Запой в нашей стране вроде забастовки на западе.

– А кто тогда работает, если запой?

– Вот я же и говорю, беда. Эта самая беда – его сменщик. Да, ладно. Знаешь, откуда я Федьку вытащил? Из Бутырок.

– Что, прямо там сидел? – удивился Игорь.

– Не-е, – засмеялся Позерман, – работал там поваром. Большой спец. Знаешь, как его в тюрьме любили? Отпускать не хотели. Теперь к нам перешёл. Зарплата у меня повыше будет. А, вот мы и приехали.

Вылезли из машины. Солнце разбежалось по Ленинградке и поднялось. Благо, улица широкая. Есть, где разогнаться.

– Вот эту дрянь предстоит тебе продать, – сказал Позерман, устанавливая ящик на стол. – Пройдёшь проверку. Ну, я рванул.

– А цена-то какая, дядя Зина? – крикнул вслед «двойке» Соломатин.

Позерман сдал назад, приоткрыл дверцу машины и задумался, потом вышел и тихо сказал:

– Милиция полезет, вопросы станут задавать, молчи, как партизан. Хотя нет, – он почесал лоб, – скажи так. Документы у Зины. Где Зина – не знаю. Звучит гораздо лучше.

– А станут допытываться?

– Станут допытываться, вали всё на Позермана. Позерман с ними разберётся.

Дядя Зина снова уселся в «двойку». Игорь подбежал к машине:

– А цена-то какая?

Инженер улыбнулся и подмигнул:

– Пятнадцать копеек.

У «Войковской» было многолюдно. Рабочий день заканчивался, народ спешил. Обычная суета большого города. Солнце коснулось жести крыш и покатило по ним. Брели пирожки плохо. Игорь старался, как мог. Вспоминая краткую лекцию, он улыбался широкой улыбкой. Но лишь редкие прохожие подходили, спрашивали:

– Это что, кооператив? Название какое? Не отравленные?

Милиция не показывалась. Мимо медленно, не останавливаясь, прокатил «двойка» Зины, «...чуть помедленнее кони, чуть помедленнее...». Он дал новое указание, проорав его в приспущенное окно:

– Не будут брать, снижай до десяти!

Соломатину казалось, он один стоит на этой улице под июльским солнцем, а Москва смотрит на него. И ничего хорошего Москва о нём не думает. К концу дня произошёл неприятный эпизод. Пожилая пара пожелала взять на пробу пирожки.

– Мы сперва попробуем, что у них тут, – заметила дама, – может, в рот взять нельзя. Супруги купили на шестьдесят копеек пирожков и отошли в сторонку, жуя Федины произведения с каменными лицами.

– Так и есть, гадость! Посмотрите, что продают эти негодяи! – прокричала женщина.

Муж тихо стоял в сторонке, поглядывая сморщенным от жевания лицом то на жену, то на Игоря. Так часто бывает, на вас нападает один из супругов, другой же стоит подавленно рядом. Нападает один, но от лица обоих, второй молчит. Пойди догадайся, какого он мнения о вас, а какого о своей половине.

– Это не я их пёк, это из бутырской тюрьмы человек, – пытался оправдаться Игорь.

– Пойдём. Паренёк ни при чём, видишь, его уголовники втравили, – просил успокоиться мужчина.

– Нет, – распялялась нервная покупательница ещё больше. – Я здесь стоять буду и собой народ пугать. Чтоб не подходили. Хамьё! Кооперативщики!

На дворе стояли времена Перестройки с большой буквы. Незамутнённое рекламой и массовым торговым обманом сознание москвичей тогда болезненно реагировало даже на копеечные колебания цен.

Наконец рассерженная дама ушла в сопровождении супруга. Приехал Позерман, Игорь доложил о происшедшем. Шеф сочувственно вздыхал.

– Вот же народ. Ладно, давай по семь копеек. Что не продашь, отнесём в восемь вечера в избушку. Пускай Федька их там спалит.

Вечером этого дня Соломатин познакомился по-настоящему с Федей. Мастер по выпечке спалил несъедобные пирожки, убрал рабочее место, подмёл и закрыл «Парус» на огромный амбарный замок. Потом он постелил на газон рядом с кооперативом газету, вынул из одного кармана куль пончиков, из другого – початую бутылку. Пригласил Игоря присаживаться:

– Значит, ты бухгалтера нашего племяш. Налить тебе?

Игорь отказался.

– Ладно. Ну, рассказывай.

– Чего? – удивился Игорь.

– Как торговля?

Игорь рассказал про инцидент с крикливой дамой.

– Ты запоминай. Когда народ орёт, то пар выпускает. Как из котла. Если вправду бить начнут, так втихую. Ну, а как у тебя в школе с женским вопросом?

– В смысле? – опять не понял Игорь.

– Девочка у тебя есть?

– Пока нету. Страшные у нас в классе все.

– А ты в соседний класс прогуляйся, там погляди. Оно так: чем дальше, тем интереснее, – учил Федя.

Рано утром Игорь бежал на свою первую в жизни настоящую работу. Пока одноклассники проводили лето на пляже у моря, он спешил заработать большие по тем временам деньги. Заработок решил истратить на двухкассетник. «Шарп» или «Панасоник» из комиссионки. Родители согласились добавить недостающее.

Пирожки, изготовленные бутырским поваром Федей на следующее утро, оказались и впрямь много лучше вчерашних. Новая партия состояла из двух разновидностей пирожков: с мясом и с капустой.

– Ну, что я сказал? Не повар – золото! – кричал дядя Зина и размахивал руками. – Теперь пойдёт дело. Каждый можно по тридцать копеек толкнуть!

Действительно, пирожки расходились хорошо. Иногда брали десяток. Но и стычки с непонятливыми гражданами не прекратились.

– Почему тридцать копеек, а не десять? Государственный пирожок стоит десять.

– Мы не государственное предприятие, – гордо отвечал продавец Соломатин.

Приходилось постоянно следить за лотком. Готовую продукцию повар Федя складывал в подвале рядом стоящего дома. Ключи от подвала Позерман выменял у слесарей на бутылку водки. Но вот беда. Со всего дома к лоткам стали приходиться оголодавшие тараканы. Несмотря на все усилия и рассыпанные по подвалу порошки, рыжие усы утром торчали из-под каждого ящика фирмы «Парус». Лотки перед продажей перебирали. И, тем не менее, тараканы появлялись вновь, ползали прямо по столику. Игорь держал на подхвате пирожок потвёрже, чтобы можно было в случае необходимости ударить.

На время обеда приезжал Зина и сменял Игоря у лотков. Тогда Игорёк шёл в избушку, набирал у Феде пончиков и наедался ими на газоне до отвалу.

Мастер выпечки обучал школьника кулинарному искусству, не останавливая производственный процесс.

– Вот, гляди – так надо тесто месить. Самое первое в пончиках – замес. Замесил и по-

ошёл.

Соломатин жевал пончик и глядел на потное лицо, на большие крепкие пальцы, одним движением вскрывавшими очередную коробку с маргарином. С такими пальцами нигде не пропадёшь, а хоть бы и в Бутырках.

– Захочешь, я тебя учить стану. После школы будешь приходить или в выходные. Поработаешь, моё дело к тебе перейдёт, – мечтательно говорил мастер, глядя на жующего пончики восьмиклассника.

Однажды вечером после работы Федя подошёл к Игорю и попросил:

– Слушай, братик, время есть?

– Есть, а что?

– Пойдём, поможешь мне дело одно делать.

– Какое?

– Мебель надо тащить, – пояснил повар.

Он путано объяснял про какую-то вешалку. Оказалось, недалеко отсюда, в кафе Федя присмотрел напольную вешалку. Вешалка была тяжёлая и стояла при входе. На неё и положил глаз бывший тюремный повар.

– Кафешка закрыта, ясное дело. Но там одно окошко приоткрыто. Я то окошко сам вчера и приоткрыл. Залезем и по-быстрому её, того. Ты поменьше меня будешь, тебе по окнам лазить. А один я не утащу. Вдвоём быстро – концы в воду.

– Зачем тебе вешалка? – удивился Игорь.

– Не мне, а для «Паруса». Думаешь, зимой сменную одежду приятно на пол кидать? Зину ж это не волнует.

– Ну, если для «Паруса», тогда ладно, – согласился Игорь.

Ради общего дела и вешалку стащить не стыдно. Операция прошла хорошо. Теперь в «Парусе» появилась и своя мачта. Федя, придя на рабочее место, теперь аккуратно устраивался, вешал всё, что мог пристроить, на вешалку.

Прошла неделя, началась другая. Вечерами к «Парусу» приходил провести племянника бухгалтер дядя Володя. Он приносил с собой толстый портфель, набитый бумагами, впихивал туда новые бумажки, сверху прижимал мешочком пончиков. Потом шёл домой ужинать и разбираться. Днём дядя Володя работал старшим экономистом в одном из советских институтов, вечерами он преображался. Из скромного экономиста становился отчаянным кооператором.

– Как дела, Игорёк? Тараканы побеждают или ты?

– Пока тараканы, дядя Володя, – смеялся в ответ Игорь, – Их больше.

– Ничего, ещё немного осталось, заработаешь своё. Трудовую книжку я уже на тебя оформил. Пусть стаж идёт.

Восьмиклассник отработал в кооперативе две недели. Его любили, Игорю тоже нравилось. Позерман показал Соломатину свою гордость: восстановленную им собственноручно из руин японскую машину «Рионис». Глава «Паруса» перекупил её обломки за бесценок в столовой своего родного электролампового завода, где когда-то трудился. Вечерами бывший инженер сидел с паяльником над чудо-машиной, способной выпекать пирожки, печенье и, даже, согласно схеме, мороженое. «Рионис» был почти готов к пуску, Позерман со дня на день хотел приступить к наладке.

– Мороженого пока не будет. Только печенье. Сладкая жизнь у нас тогда пойдёт, – расписывал он перспективы.

– Зина, а кто работать на ней будет? – спросил как-то раз Федя.

– Ты. Кто ж ещё, Федька?

– И пирожки тебе Федька, и пончики, Федька. Мне, может, вообще домой не ходить?

– Федька, я тебе хорошо заплачу. Придумаем чего-нибудь.

– Зина, я запью.

– Вот если б ты не пил., – начал Позерман.

– Ага. Не пил, не ел... Только с тараканами дружил.

Следующие три дня Федя на работе не появлялся. По слухам, у него начался запой. Приходил сменщик, усатый боцман с какой-то подводной лодки. Но работа у боцмана

не ладилась. Видимо, и субмарина его давно отправилась ко дну. Дядя Зина нервничал, звонил повару Бутырки домой. На четвёртый день Федя объявился. Лицо было опухшее и злое. Пончики получались кривые и невкусные. Бутырский повар заявил, что он не в форме, но утром всё будет в порядке.

Когда утром следующего дня Игорь приехал к «Парусу», его глазам предстало страшное зрелище. На месте кооператива он увидел почерневшие от пожара остатки того, что называлось «Парусом». От избушки остался один обугленный скелет. «Парус» сгорел до основания. Задняя дверь оказалась открытой, замок сбит. Чёрный лист жести над крышей напоминал кладбищенский крест. Оборудование для выпечки пончиков и японский «Рионис» пришли в полную негодность. Остаток двери поскрипывал от ветра.

– Это, я, значит, прихожу утром проспавшись, глядь, а она сгорела, – разводил руки в стороны Федя.

– Ты вчера питание выключил, масло слил? – допрашивал повара дядя Зина.

– А то! Порядок знаем.

– Подождли нас, в милицию звонить надо, вон и канистра валяется, – ткнул в сторону пальцем Позерман. – Ты, Игорёк, иди, сегодня у нас выходной.

Игорь посмотрел на печальное лицо дяди Зины, на растерянного Федю и ему захотелось плакать. Стали собираться зеваки и принялись делать предположения, кто мог поджечь кооператив. Врагов кооперации в те годы имелось уже предостаточно: от самых мелких, вроде тараканов, до крупных хищников в лице исполкомов.

– А где твоя вешалка? – спросил Игорь Федю.

Повар только пожал плечами, взгляд его был непроницаем.

Вначале думали на недоброжелателей, вспомнили одного подозрительного типа в кепке. Как-то странно он глядел, покупал каждый день пончики, потом отходил к платформе и прежде, чем начать есть, крестил кулёк украдкой. Когда стали дознаваться, нашлись улики против Феди. Отпечатки пальцев на канистре были его. Вешалка тоже таинственным образом оказалась у Феди дома.

Дядя Володя потом рассказывал родителям Игоря, что улики особых против него не имелось, но бутырского повара вдруг словно прорвало:

– Что, ломовой я, что ли? Зина всё ходит вокруг: «Федя, давай, Федя жми». «Рионис» свой собирает. А кто на «Рионисе» работать будет? Федя? Федя не каторжной, я мужик вольной. Не мог больше. Вот и запалил её к едрёной фене.

Так в перестроечной Москве проявило себя всеми забытое явление, известное из истории под названием «луддизм» или движение разрушителей машин. Позерман только руки в стороны развёл:

– Что ж ты мне раньше ничего не говорил, Федька? Жечь было обязательно?

– А-а, – махнул Федя рукой на шефа. – Что тебе говорить, Зина? Ты же только деньги считаешь...

– Так ведь дело загубил, Федька. Общее дело...

– А-а, и хрен с ним.

Игоря через год после окончания школы забрали в армию, он попал в стройбат, там его искалечили урки. Хорошо ещё, живым вернулся. Потом дурная компания, наркотики... Слабый характер, наверное. Родители Игоря теперь часто болеют, отец не встаёт. Дядя Володя уехал в 1995-м в Америку и живёт там с семьёй.

Зина Позерман отстроил через три года после пожара новый кооператив, лучше прежнего, дела закрутились, но дядя Зина умер скоропостижно в результате внезапной остановки сердца. В пятьдесят с небольшим лет прямо за рулём машины прихватило.

Федя после суда получил ерунду, штраф и условный срок, без работы не ходил, устроился поваром в один небольшой ресторан. Владелец – бывший зэка из Бутырок, взял по старой памяти. Говорят, недавно Федя приобрёл «Жигули» второй модели.

Подержанные, конечно.

Франкфурт 1998

Символ надежды*

*Но всё же, философию ценя,
Я часто говорю себе: увы,
Мы – существа единственного дня...*

Джордж Гордон Байрон «Дон Жуан»

– 1 –

Когда-то я был студентом третьего курса одного престижного московского института. В институт я поступил, говоря откровенно, не по любви, а чтобы в армию не ходить. Институт имел бронь, а несколько моих знакомых по школе учеников старших классов, оказавшиеся в армии, вернулись оттуда постаревшими лет на десять, с потухшими глазами и надломленными как внешне, так и внутренне, словно отсидели два года на зоне. Я решил для себя любым способом армии избежать.

В институте я промучился три года с половиной, после чего уехал навсегда жить в Германию. Мой отъезд мне и по сию пору не могут простить родители. Их можно понять: я угробил, даже не начиная, свою научную карьеру и так и не приступил к расчёту траектории одного космического аппарата, название и функцию которого я тоже так и не узнал. Мой научный руководитель, носивший загадочную фамилию Курикша, не успел со мной обсудить эти важные вещи.

Я не захотел и не сумел идти прямой дорогой, как все мои друзья и товарищи, а свернул на кривую дорожку, которая ведет, сами знаете куда.

Началось всё с моего знакомства со студентом шестого курса Андреем Ивашкиным. Таких людей отмечает судьба, у них всегда всё получается, в голове их царит порядок, но, самое главное, они оказывают магнетическое влияние на людей. С ними хочется быть рядом, от них исходит спокойствие и уверенность в том, что всё будет так, как надо. И действительно, так и происходит. Обаяние моего друга подкреплялось следующим: Андрей разговаривал тихо, ровным голосом, глядя в глаза собеседнику, ценил остроумие, любил в свободное время играть на гитаре и смотреть фильмы Тарковского. Он и сам был героем кино. Интеллигентный и ненавязчивый Дин Рид. Противоположный пол на него буквально «западал». Но и это ещё не всё. Ивашкин был, (хотя почему, собственно, был, он таким и остался) великим комбинатором, генератором гениальных экономических идей.

Познакомились мы в стройотряде, в 1989-м году. Ивашкин вначале ехать с нами не планировал, хотя имел богатый опыт командирства.

Дело в том, что Андрея отстранили от должности за год до моего появления в отряде в связи с несчастным случаем, гибелью на стройке человека. За Ивашкиным вины не числилось, виноват был сам погибший, получивший по неосторожности страшную травму лица бензопилой. Пила на полных оборотах вырвалась у стройотрядовца из рук и въехала ему в нижнюю половину лица. От этой травмы несчастный потом скончался. На следующий, 1989 год набрали новых людей, я был среди новобранцев, и мы уехали с другим командиром во Владивосток. Про несчастный случай никто не говорил. Это была уже совсем другая команда.

С работой у нас ничего не клеилось. И вот пришла телеграмма, едет Ивашкин. Он прилетел к нам на выручку из Москвы, и когда показался на горизонте, наша бригада находилась в критическом положении: деньги закончились. Нечего было есть. С приездом нового супербойца народ в отряде воспрял духом.

Правда, я ни разу не видел, чтобы Андрей держал в руках какой-либо инструмент, тяжелее карандаша. Он постоянно где-то пропадал: ходил в правление колхоза, на железнодорожную станцию, и просто по домам местных жителей, пытаюсь «вырвать» подряды. Дела закрутились. Называли в отряде Ивашкина по старой памяти

«командиром». Наш номинальный начальник сперва ревновал, тоже быстро забежал с бумажками, но скоро понял, что ему не угнаться, успокоился, привык и потихоньку сдал полномочия.

Ко Дню Строителя, 12 августа, мы не просто вышли из пике, а заработали больше, чем кто-либо ждал. Есть такая традиция в стройотрядах – отмечать этот день.

В разгар праздника, когда все «молодые» отучаствовали в весёлых строительных конкурсах, когда шутки и водка лились рекой, Ивашкин, сидевший во главе стола, встал и попросил тишины. На нём в тот день была выгоревшая на солнце, песочного цвета парадная куртка, вся сплошь утыканная значками. Сам Ивашкин шутливо звал курточку «новогодней ёлкой». Он напомнил о том, что случилось год назад, о том, как погиб наш товарищ. Праздник ненадолго вдруг стал поминками. Через пару минут все опять развеселились, но горький осадок остался.

К тому времени полным ходом шли работы по возведению трёхэтажного здания колхозного клуба. Командир легко читал строительную документацию, расставляя людей по местам: опытные вставали рядом с новичками.

Работа в стройотряде и в самом деле сопряжена была тогда с определённым риском для жизни. У нас не имелось никаких страховок и познаний в области охраны труда. Соблюдались три правила: не садиться отдыхать, когда другие работают, не стоять под стрелой крана, когда там висит груз и не пить алкоголь до и во время работы. Вот и всё.

Одного из нас в то лето чуть не убило огромным бревном-подпоркой. Бревно просвистело в каких-нибудь десяти сантиметрах от его головы. В другой раз в глубокий котлован упал грузовик с песком. В кабине машины находился водитель. К счастью, живого шофёра и автомобиль вытащили...

Скажу только, что в то лето наш отряд заработал больше всех в институте. Сколько именно, никто не знал. Деньги в конце сезона выдавал Ивашкин. Себя он тоже не обидел. Во Владивостоке (мы звали этот город Владиком) Андрей, сделал себе ценное приобретение: японский мотоцикл «Ямаха». Ящик под ценный груз сколотили стройотрядовцы, и ценный груз с «Ямахой» отправился в Москву по железной дороге. На обратную дорогу колхоз выделил нам в качестве подарка два сорокакилограммовых мешка кедровых орехов.

Отряд проходил регистрацию в аэропорту Владика. Командир дал отмашку – кедровый орех брать только в ручную кладь. Андрей справедливо полагал, что иначе мешки порежут грузчики, а содержимое растащат. «Аэрофлот» упёрся, упёрся и Ивашкин. Все стояли, указание было такое – встать стеной, не пропускать к стойкам никого.

Я лично, давно бы уже плюнул на эти орехи. Но не таков был наш командир.

«А орешки не простые, всё скорлупки золотые, ядра – чистый изумруд, – подмигивали друг другу бойцы, – видишь, еду на зиму нам запасают...»

И впрямь, как было понять мне, сытому москвичу, живущему с родителями, вечно голодных иногородних студентов?

Наконец регистрация продолжилась. Четверо самых крепких ребят, по двое на мешок, прошли в салон первыми, неся на спинах зимние припасы.

Самолёт гудел моторами, мы спали. Возле туалетов, верхом на мешках клевали носами стюардессы. Сквозь пелену сна я видел Ивашкина. Командир шёл по салону своей кошачьей походкой в «новогодней ёлке». Он вглядывался в лица, как отец смотрит на спящих неразумных детей. Всё обошлось на сей раз и для него и для нас, все остались живы...

Прошло полтора года. Стоял март месяц. На улице было градусов пятнадцать, снег таял, лужи затопили улицу «Первомайскую». Прыгая по тротуару, я шёл к своему командиру в гости, в общежитие.

Я знаю точно день и час, когда это было: 17 марта 1991 года, примерно в три часа дня. В руках я нёс кулёк кооперативных пирожных, покрытых глазурью. Такие пирожные продавались в киоске напротив институтской столовой, назывались они «Рион» и стоили к тому времени, кажется, 15 или 20 копеек. А 17 марта в связи с праздником они появились и в самой студенческой столовой тоже.

Наконец я попал в зелёный коридор семейного общежития. Дальше я стал двигаться на запах супа. Запах из угловой комнаты на третьем этаже уже успел распространиться по всему этажу, потому что и в советском общежитии любили вкусные супы. Я постучался в дверь, и мне сразу открыли. В комнате, куда я направлялся, гостей всегда ждали и потому не держали их подолгу в коридоре.

– Заходи, – крикнул Андрей.

Прошу обратить внимание: не «Кто там?» а сразу «Заходи». И я зашёл. Посередине семейной комнаты стоял эмалированный горшок, на котором с задумчивым видом сидел мальчик и смотрел телевизор. Мальчика звали Серёжей. Это был сын моего приятеля, Сергей Андреевич Ивашкин. Возле электроплитки стояла мама Серёжи, Галя, на ней был фартук в цветочек, большим половником она помешивала в кастрюле. На кровати сидел хозяин комнаты, он же глава семьи. Если бы я был художником, то непременно нарисовал бы картину «Семейное общежитие». Столько во всём было простоты, незатейливости, уюта на фоне полного материального убожества. В этом доме, без всяких оговорок, царили благодать и семейное счастье. Подобное смешение жилой комнаты, кухни и туалета являлось абсолютно нормальным в те, описываемые мной, давние уже времена. Оно, смешение, то есть, не считалось чем-то некультурным, вульгарным, и вовсе не указывало на бедность. Наоборот, считалось, что студенты, имевшие «семейную» комнату, жили хорошо. Ведь у них имелось отдельное жизненное пространство. Им не надо было зависеть в плане жилья от родителей, отчитываться перед ними, кто, куда и зачем ушёл. Им не приходилось делить утром умывальник с тещей или место у плиты со свекровью днём.

– Привет, иди сюда, – поманила меня половником Галя. – Суп как раз готов. Борщ.

– Привет, – сказал я, – а вы уже сходили?

Жена Андрея, красавица и умница Галя, посмотрела весело, а потом повернулась к сыну.

– Ты ходил, Серёжа? – спросила она задумчивого мальчика на горшке.

Я понял, что ляпнул сходу не то. Со мной такое вообще бывает.

– Нет, я имел в виду голосовать, – поспешил поправиться я. – Ходили вы голосовать? То есть, я хотел сказать, на референдум.

Но Андрей и Галя уже смеялись на весь зелёный коридор. А мальчик посмотрел на меня снизу вверх и спросил: «Папа, кто этот дядя?» От этого вопроса его родители заулыбались ещё больше. Меня усадили на почётное место за столом и налили полную тарелку борща.

17 марта 1991 года в стране с названием СССР проходил референдум. Столь незаурядное происшествие могло произойти лишь в том роковом году. Тогда я этого не понимал. Потому что жил своей жизнью, ходил по пахнущим аптекой институтским коридорам на скучные лекции и отсиживал положенные часы на семинарах, испытывал примерно в одно и то же время, ближе к середине дня, голод. Тогда я шёл на запах еды туда, где имелась возможность голод утолить.

Но сегодня день был совсем уж необычный. Сегодня шёл референдум о судьбе будущего союзного государства. Быть ему или не быть. На заданный на референдуме вопрос я ответил утвердительно, теперь мне хотелось знать, что написали в бумажках другие. Вопрос звучал коряво и длинно, я несколько раз перечитал в кабинке с чистенькими, аккуратно задёрнутыми шторками небольшой белый бланк. Я читал медленно, в голове отдавалось каждое слово, словно бы старый полусгнивший корабль скрипел у причала своими досками: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в котором в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?»

– Я ходил, – ответил Андрей. – С Серёгой пошли гулять и зашли. Серёга «ЗА», а я, как Серёга, скажет.

А ты, Галя? – я посмотрел на красавицу у плиты.

И я была.

Ну, и?

Вместо ответа Галя вдруг сказала:

Как суп?

Я бы и вторую тарелку съел.

Вот и ешь. Когда я ем, я глухонемой, сам знаешь.

Это не ответ.

А ты знаешь о том, что существует тайна волеизъявления? Ты не имеешь права спрашивать меня об этом.

Ты против, значит. Понял. Против нашей страны. Плохой у тебя суп сегодня, Галя. Я лучше пойду себе.

Она засмеялась опять так весело, что я забыл обижаться, и вдруг заговорила стихами: Жил на свете рыцарь бедный, молчаливый и простой, ликом сумрачный и бледный, духом честный и прямой... Это про тебя. Нет, я не против нашей страны. Я просто взяла бланк и принесла его домой.

Почему? – удивился я. – Если испортил бюллетень, дадут другой.

Я не испортила, я его просто не заполнила. Потому что такого дня не будет больше никогда. Ты сам подумай, когда и в какие времена задут тебе ещё такой вопрос? Я взяла бумажку на память, она у меня во-о-н там, на дальней полке, заложена в «Теорию вероятности», на сотой странице. Открою книжку через десять лет. Интересно будет, правда? Что с нами будет?

Я выронил ложку из руки. Мне подобное участие в референдуме не приходило в голову, но я сразу внутренне согласился с Галей. Пусть лучше наш спор разрешит «Теория вероятности». Кто его знает, что с нами будет через десять лет? Жили мы, как на пороховой бочке...

13 января 1991 года танки штурмовали и заняли вильнюсский телецентр, но не пошли на штурм окруженного жителями литовского парламента. Этот парламент провозгласил 11 марта 1990 года выход Литвы из СССР. А за два года до штурма, в апреле 1989 в Тбилиси дивизия Дзержинского вместе с полком ВДВ саперными лопатками и газом «Черёмуха» разгоняли многотысячный митинг. Были убитые и раненые. Дело шло к войне. Шевчук пел в знаменитом хите «Предчувствие гражданской войны», что «лопнет природа, и кипящая дрянь зажжет небеса, летящие вниз», Горбачёв окончательно растерялся, и растерянность главы государства стала слишком заметна... Осталось подавлять в себе нехорошие мысли и ждать.

Галя всегда была в моём понимании несколько экстравагантной девочкой. Она и не могла быть другой, ведь ей надо было соответствовать командиру. Его она всегда звала нежным именем «Андрейка». Боевая Андрейкина подруга не интересовалась политикой, зато она умела сдавать теоретическую механику, болтать о Тарковском и не только о Тарковском, она могла вкусно готовить и держать себя, будто ей известно то, что неизвестно никому. В самом деле, она была одной из немногих красавиц, близко знакомых с уравнением Шредингера... Вообще, в ней было что-то королевское, несоветское. И вот, эта аполитичная несоветская красавица произнесла открытым текстом роковые слова. «Кто его знает, что с нами будет через десять лет?»

Когда мы поели, Ивашкин старший взял с подоконника освежитель воздуха «Лесной» и обильно побрызгал углы комнаты, которая одновременно играла роль столовой, спальни, детской и кабинета. Комната сразу наполнилась хвойным запахом.

– Хорошая штука, особенно при гостях, – пояснил мой приятель, усаживаясь. – Убивает микробов и превращает жизнь в мечту. Запах, как под ёлкой пообедал.

Я закрыл глаза и представил себе, что мы в лесу. Итак, мы просидели на нашем виртуальном пикнике ещё минут двадцать, а потом перешли к текущим делам.

Текущими делами являлись детали предстоящего обмена студентами между нашим институтом и Базельским университетом. Не знаю, когда Ивашкину пришла в голову неожиданная и гениальная мысль организовывать обмены студентами. Андрей назначил меня организовывать один такой обмен, договорился с деканатом и, что гораздо труднее, он договорился с первым отделом. Первым отделом в мало-мальски серьёзных конторах в советские времена назывался отдел, ведавший секретностью. Потом Ивашкин начал проворачивать свою комбинацию.

Швейцарские студенты приглашались в Москву посмотреть на страну победившего социализма, где полным ходом шла перестройка. Проживание иностранцам предлагалось в семьях, культурная программа в Москве – за счёт принимающей стороны, за наш счёт. На самом деле, культурная программа не стоила нам ни копейки, деньги давал Андрей. Взамен швейцарская сторона обязывалась предоставить те же условия для нас в Базеле. Организацией всего этого и занимался я. Но идейным вдохновителем и руководителем обмена на самом деле являлся Ивашкин. Через него же шли финансы. Он провернул уже не один «обмен», и каждый раз неплохо зарабатывал.

В группу советских студентов включались так называемые «спонсоры». Эти люди студентами являлись лишь на бумаге, они уже давно закончили учёбу. Некоторые из них закончили её десятилетия назад. Вот такие «студенты» под видом аспирантов и преподавателей должны были поехать с нами, заплатив за участие несколько сотен (а, может, и больше) долларов. Всё равно, «обмен» обходился им дешевле любой сегодняшней турпоездки, проживание и питание в семьях не стоило ничего.

Происходило дело в 1991 году, когда турагенств в СССР, действительно занимающихся туризмом, не существовало.

Я обо всех деталях тогда ничего не знал. Деньги под «обмен» Ивашкин обеспечивал, а откуда он их брал, мне знать не полагалось. Мне дали контактные телефоны, от меня требовалась чётко и ясно обговаривать со швейцарцами детали, распределять людей по семьям, решать визовые проблемы, организовывать культурную программу.

Правда, кое – что я знал. Когда я спросил моего старшего и мудрого друга про первый отдел и про то, не зарубят ли все наши планы «отцы деканы», Ивашкин, помолчав, ответил, что человек из первого отдела поедет с нами. Никуда от этого не деться. Тоже и с деканатом.

Я успокоился и занялся переговорами. Об этих переговорах мы и разговаривали в тот знаменательный день. Уходя, я отдал Андрею пачку неоплаченных счетов за телефонные разговоры с Базелем и попрощался.

Когда я вышел от Ивашкина, у меня разболелась голова. У меня часто болит голова. Особенно, если я долго нахожусь без свежего воздуха или на меня действуют раздражители, вроде яркого света, у меня начинается мигрень.

То ли на меня подействовал дезодорант «Лесной», то ли глазированные пирожные «Рион», или я просто устал от суматошного дня, не знаю. Меня мутило, мне уже начало казаться, что Галя, сама того не ведая, меня отравила супом. В голове стучали её слова про «Теорию вероятности». Я успокаивал себя, что Галя, хоть и красавица, но существо женского пола, а подобным созданиям всегда всякое мерещится. Однако в животе у меня всё съезжилось от нехороших предчувствий.

– 2 –

Гермес

*И ты, и я, мы можем избежать
Ненужных мук: скажи мне лишь одно, –
Ты знаешь срок владычества Зевеса?*

Прометей

Я знаю только то, что он наступит.

П.Б.Шелли Из поэмы «Прометей освобождённый»

Следующий эпизод произошёл 28 марта 1991 года. Я решил прогулять лекции и направился вместо остановки автобуса, идущего в надоевший мне институт, совсем в другую сторону, к метро. Я решился на прогул ещё и потому, что мои знакомые объявили мне, что намереваются поступить также. Короче говоря, я вознамерился

проехать до «Баррикадной» к «Дому Книги» на Новом Арбате.

«Дом Книги» я любил и всегда так ездил: до «Баррикадной», а потом пешком по Новинскому бульвару, переименованному за чем-то в улицу Чайковского, мимо домика Шаляпина, через толпу у посольства США. Домик Шаляпина заслуживает пары слов. Шаляпин, как известно, в 1922-ом году из России уехал, бросил здесь и домик, и всё остальное. В его апартаменты въехали другие жильцы. А потом правительство вдруг вспомнило про Шаляпина и про его домик, прониклось к певцу любовью, и устроило там музей.

Официально гражданам объявили, что великий певец мечтал во Франции вернуться в СССР, но не вернулся, так как в 1938-м году умер. Звучало на советском языке это примерно так: «мечтам певца о возвращении на Родине не суждено было сбыться, помешала ранняя смерть». Логика была старая и всем знакомая.

Куда исчезли в один прекрасный день жильцы из домика, не известно. В музей, понятное дело, никто не заходил. На стене музея появился бюстик певца-эмигранта. А возле домика одно время собирались некие личности в кожаных куртках, которые много чего знали про правила въезда в Америку.

Посольская очередь Шаляпина раскусила, уважала и держала Фёдора Ивановича за своего парня. Новичков с глупыми вопросами очередь сразу направляла во двор «к Фёдору Ивановичу».

В ожидании клиентов, личности в куртках из кожи ходили, сжимая в пальцах заветные папки. Просто так идти в посольство народ боялся, на этом и зиждился бизнес людей в куртках. К «кожаным» подходили искушаемые, готовые за скромное вознаграждение испить из чаши греха и из чаши познания. Чашу греха, наполненную ядом измены Родине, страждущий выпивал, задавая свои вопросы про отъезд из СССР. В первый момент многие чувствовали, что проваливаются куда-то в преисподнюю. Измена Родине начиналась с того, что человек сознавался в преступных мыслях покинуть СССР. Когда об этом говорят открыто, вдобавок чужому человеку, такого можно сразу тащить на допрос в КГБ. Вот примерный диалог на улице.

Вопрос: Чего спрашивают-то американцы?

Ответ: Всех спрашивают, почему вы обратились за визой?

Вопрос: Они чего, дураки? В Америку хочу уехать.

Ответ: Они не дураки. Потому наболтайте им, дескать, еду по приглашению друзей и знакомых.

Вопрос: Кого? Меня? Кто меня туда пригласит?

Ответ: Вы, что, еврей?

Вопрос: А вам, какое дело?

Ответ: Прямое, евреям легче выехать, собрать нужные документы надо.

Вопрос: Ну, так бы сразу и сказали. Собрать справки, что я еврей? Так я соберу. Диктуйте, какие!

В момент искушения бывает страшно, а вдруг посадят сразу у посольства? Потом, когда разговор переходит в практическую плоскость, становится не очень страшно. Из чаши познания на искушаемого шли скупые сведения про разного рода очереди и бланки. Непонятные слова и сокращения американской бюрократии, неведомые правила, всё было диковинным.

Страждущие глядели жадно на папки, потому что знали точно: в папках находились анкеты для заполнения на выезд в США. Ещё «кожаным» задавались вопросы про собеседование, про то, сколько следует ждать ответа и ещё про разные типы виз: деловые, туристические, на учёбу. Собеседования все очень боялись, особенно боялись, что с ними станут говорить по-английски и тайно надеялись, вдруг пронесёт, и сменят империалисты гнев на милость, и заговорят по-русски.

Личности в куртках отвечали на вопросы уклончиво, профессиональных секретов собеседования не выдавали. Короче говоря, Новинский бульвар эпохи Горбачёва с посольством в сталинском стиле, огромным звездно-полосатым голливудским флагом

на нём, Шаляпиным с его домиком, с тихими личностями в куртках представлял собой сцену театра абсурда. Я любил Новинский бульвар.

Мог ли я в тот день пойти в другую сторону? Конечно. Мог вообще никуда не пойти. А мог собрать всю волю в кулак и отправиться сдавать электротехнику, по которой имел задолженность. Но электротехнику принимал доцент, фамилии которого я сейчас, к сожалению, не помню, с таким мрачным и усталым лицом, что я не мог перебороть себя. Я знал, что рано или поздно ему сдам и получу свой трояк. И никому от этого легче не станет. И сам буду страдать, и доцента я своими знаниями не развеселю. Потому что доцент требовал знаний сугубо специфических, которыми не может обладать тот, кто не занимается электротехническими приборами денно и нощно. В душе мне было жаль доцента за его такую жизнь среди схем, сложных математических расчётов, брошюр, написанных им самим и отпечатанных на ротапинтере для глупых студентов вроде меня. Но себя мне было жаль ещё больше. Что-то в моей жизни пошло наперекосяк. Я занимался тем, что мне начинало явно надоедать, а со временем становится отвратительным.

Следовало сделать резкий рывок и уйти в сторону. А это не просто, не наломав дров, не разругавшись с родителями, не загремев «под фанфары», то есть, не попав в армию.

Мне хотелось вырваться, уехать куда –нибудь, например, в Канаду и начать там жизнь «с начала». Может, я рассуждал наивно, только никто со мной об этом не разговаривал. И слишком безумными казались мне самому в тот момент мои желания. То, что меня угнетало больше всего, что я сам постепенно начинал отдавать себе отчёт в одной неприятной вещи: я вряд ли был к чему-либо расположен. Пустые метания, отсутствие ясной цели впереди плюс безденежье грозили катастрофой впереди. Каждое утро я просыпался с тоской в груди. Я катился к пропасти, и, наверное, поэтому меня так притягивал спокойный и уверенный Ивашкин с сыном, женой, комнатой в общежитии и кучей идей в голове.

Итак, я вышел из метро Баррикадная, пересёк площадь Восстания и шёл по Новинскому, всегда забитому транспортом участку Садового кольца. Сегодня кольцо пустовало.

Утро стояло солнечное, на небе не было ни одного облачка. Поэтому краски того дня запечатлелись у меня в памяти яркими пятнами, как будто день тот сошёл с картины импрессиониста. Я догадался, что попал на пожар.

Ярко-голубое, без признаков белого, небо, на его фоне чёрные клубы дыма. Золотое, сияющее солнце над грязно – жёлтым, пастельных тонов фасадом здания посольства США. В клубах серого пара вперемешку с дымом, тревожный ярко-красный цвет пожарных «ЗИЛов». Картину дополняли одинокие, едва заметные фигурки отчаянных пожарных на коротких лестницах.

В тот день на Новинском, в здании американского посольства случилось возгорание. Ну, пожар и пожар, скажут мне. Подумаешь.

Отвечаю: просто так, каждый день пожары в посольствах не случаются. И ещё, в городе именно в тот день было полно спецтехники особого рода. В арбатских переулках прятались необычные для Москвы машины: зелёные немецкие автомобили-водомёты. Водомёт на шасси «Мерседеса» для разгона демонстрантов я увидел своими глазами в тот день впервые. Демонстрантов, правда, нигде не было. Зато был пожар, а вокруг горящего здания – толпы зевак. В пожаре немецкий водомёт не принимал никакого участия. К зевакам он тоже остался равнодушен.

Тротуар перед входом в посольство всегда был забит народом, желающим унести ноги из СССР, пока крышка не захлопнулась. Теперь посольство стояло в оцеплении, верхняя часть его была в огне.

От этой картины становилось жутковато. На самом вершине государства, так сказать, на верхних властных этажах, тоже происходили какие-то зловещие телодвижения, (иначе, откуда и зачем водомёт?) масштабов которых простой обыватель не мог уразуметь. Запах гари висел в воздухе в прямом и переносном смысле. Недаром, когда грядут перемены, говорят «запахло жареным».

Она показала ему цветы – и покраснелась. «Ты продаёшь их, девушка?» – спросил он с улыбкою. «Продаю», – отвечала она. «А что тебе нужно?» – «Пять копеек». – «Это слишком дешево. Вот тебе рубль».

Карамзин «Бедная Лиза»

Я не выбросил из головы мысли об отъезде в Канаду или куда-либо ещё. Просто сейчас мои фантазии уступили место более реалистичной идее и каждодневным делам организации поездки в Швейцарию. Не могу сказать, что меня обуяла жажда странствий и приключений. По натуре я скорее склонен к осторожности, нежели к авантюрам. Но хотелось во что бы то ни стало обрести свободу, причём всю целиком, разом: знать, что впереди тебя ждёт долгая дорога, нескончаемые месяцы странствий. «Чемоданное» настроение тех лет выразил небезызвестный певец и поэт Виктор Цой четырьмя строчками своей «Невесёлой песни»

Глядя в жидкое зеркало луж,
На часы что полвека стоят,
На до дыр зацелованный флаг,
Я полцарства отдам за коня.

Уехать жить в другую страну мечтало если не целое поколение, то значительная его часть. Может, скажут мне, не получалось у вас ничего, а вам хотелось всё свалить на обстоятельства? Не думаю. И хочу заметить, что не я один такой был несчастный. На любого молодого человека после окончания школы обрушиваются водопадом тысячи проблем.

Как связать мечты о будущем с обязанностями студента, отсутствием денег и жилья? А что делать с необходимостью служить в советской армии? Как несправедлива и даже жестока оказывается жизнь к неопытным вчерашним школьникам! А ведь надо делать единственный в своём роде выбор: выбор жизненного пути! Я хочу дать некий совет молодым родителям, чтобы они помнили об этом и жалели своих детей даже после того, как те окончат школу, получат паспорт и право голоса на разных выборах и референдумах. И ещё, выбор жизненного пути вовсе не заканчивается в девятом или десятом классе. Не надо этим сделанным однажды выбором приговаривать к пожизненному заключению неразумных школьников. Пускай помечтают о самом несбыточном.

Короче говоря, похоже было, что с выбором жизненного пути я зашёл в тупик. Вместо решения основной своей проблемы, я занялся организацией «обмена» студентами, осуществляемого на деньги Андрея и под присмотром первого отдела. Иначе говоря, спрятал голову в песок. Проблем своих я тем самым не решил. Тем более не решил, что в самом деле, не люблю я в глубине души поездки организованными группами. Это какая-то урезанная свобода, эрзац, туризм для северных корейцев. К нам, кстати, тоже сразу приставили надсмотрщика из первого отдела, про которого мой командир обмолвился в разговоре.

Я даже не задумывался, что прежде чем получить визу, следует получить заграничный паспорт. А кто вам его просто так даст? Есть два пути получить паспорт: через ОВИР и через МИД. Нам сделали паспорта через МИД. А всё потому, что в нашей группе находилась одна тётка, которой надлежало следить, насколько идеологически правильно проходит обмен. Тётка, конечно, не была лишена корысти. Ей хотелось прокатиться задаром в Швейцарию. Была тётка высокая и даже привлекательная, если бы не одно обстоятельство: её кожу покрывали пятна экземы. В Москве тётка экзему лечила какой-то мазью красного цвета, и вид имела для наших условий экзотический.

Группа делилась на две почти равные части: на людей полезных Ивашкину и людей, Ивашкину бесполезных, но без которых никак нельзя.

К людям нужным относились несколько активных ребят. Они и тащили всю работу. Выделялись там одна шумная парочка, два армянина, Левончик и Каренчик. Левончик был уже женат, имел сына, поэтому помимо работы над дипломом зарабатывал трудовую копейку, будучи «валютчиком», то есть держал у себя в комнате семейного общежития пункт обмена валюты.

Каренчик во всём помогал Левончику, ростом он был чуть поменьше, разговаривал чуть тише, размах его деятельности тоже был поскромнее. Армяне имели веселый характер, любили хорошо кушать и много шутить. Всё время они куда-то бежали, рассказывая на ходу анекдоты, в том числе с национальным колоритом, то есть, про армянское радио.

К людям второй категории, к людям бесполезным, но без которых никак нельзя, относились все без исключения «спонсоры». Свою лепту они уже внесли, с них никто ничего и не требовал.

Был у нас один человек с тёмным, демоническим лицом. Звали его Кардашин. Я Кардашина помнил. Он окончил со мной одну школу, только на несколько лет раньше меня. В школе он отличался большими математическими способностями и странностями характера. Звали его тогда в школе «Кардашкой». Я удивился, когда узнал, что и в институте кличка за ним осталась. Скажем, Соловьёва дразнят «Соловьём», Емельянова «Емелей», но далеко не каждому придёт в голову звать Кардашина «Кардашкой», Значит, кличка перекочевала за ним следом из школы. Отсюда сделаем вывод: и на всю жизнь можно остаться со своим детским прозвищем. Но не в том суть.

Внешне он был полной противоположностью Ивашкина. Я уже рассказывал, что мой светловолосый стройотрядовский командир охотно шёл на контакт, любил петь песни у костра и принимать гостей. Он, если начать у него выпрашивать, до определённого предела раскрывал карты, глядел голубыми глазами всегда прямо в лицо, очаровывал противоположный пол и быстро становился всеобщим любимцем. Гайдаровский Тимур.

Кардашка, напротив, был чёрен, с карими глазами, неконтактен, говорил густым басом, смотрел сверху вниз и всегда мимо собеседника. Казалось, окружающие ему неинтересны вовсе. Его слова, сказанные о других людях, окрашены были насмешкой или злобой. Сейчас, умудрённый жизненным опытом, я бы, наверное, ничего необычного в его характере не усмотрел. Единственный ребёнок из интеллигентной семьи, где мама, папа и бабушка с любимого чада пылинки сдувают. Социализация у таких людей происходит крайне поздно, в семейной жизни они несчастливы. Тогда же Кардашку окружал ореол некоей тайны. О себе он никогда ничего не рассказывал. Зато этот мизантроп всегда ходил при деньгах. Где он их добывал и чем занимался, никто не знал. Хотя, может, Андрея он и посвящал в свои дела.

Швейцарцы приехали, как мы и намечали, в середине июля. Мы разместили их по семьям. Каждый день у нас был распланирован. Иностранцев водили не только по Кремлю и окрестностям, у нас были организованы автобусные экскурсии по Золотому Кольцу, забронирована гостиница в Ленинграде. Я тоже ездил туда с группой на три дня. Всё шло гладко.

Единственный неприятный инцидент, произошёл в Москве, незадолго до отъезда группы. Командир пару раз говорил нам, что неплохо бы устроить «пикничок», сводить иностранцев куда-нибудь в лес, на природу.

Мы не возражали и решили устроить прощальный пикник в Серебряном Бору с купанием и едой на природе. На этот пикник зачем – то явился Кардашка. До этого момента я и не подозревал, что он вообще в нашей группе. Когда мы приехали в Серебряный Бор и выбрали место, светило солнце, погода звала освежиться. Искупаться иностранцам сразу захотелось. Многие полезли в тёплую воду. Надо, наверное, отметить, что Серебряный Бор – известное место отдыха москвичей. Мы разложили покрывала на траве, Левончик и Каренчик стали готовить шашлыки, кто-то

доставал выпивку.

Тут оказалось, что к спиртному Кардашка был не равнодушен. Он, не дожидаясь приглашения, смешал армянский коньяк с водкой, выпил стакан или два и мгновенно потерял над собой контроль. Он не орал песни и не дрался. Он вёл себя внешне прилично, тихим голосом Кардашка стал предупреждать швейцарцев, что купание в Москве реке опасно для жизни, что река отравлена химикатами, а организация пикников в неустановленном месте карается крупным штрафом. Когда до швейцарцев дошло, что Кардашка пьян, было поздно: купаться они больше не желали из страха оказаться отравленными. Мы пытались убедить наших гостей в обратном, нас не слушали, наш заключительный аккорд прощания с отдыхом на природе и купанием оказался холостым выстрелом. Окрылённый первым успехом, Кардашка выпил ещё и приступил теперь уже к крушению посуды. Он встал на нетвёрдые ноги и закричал что-то вроде:

– Да здравствует Сталин и Красная Армия! Зачем ты вступил на путь войны, американский империализм?!

С этими словами он пошёл по любовно накрытым армянами покрывалам, наступая в еду. Я понял, что сейчас случится катастрофа...

– Держи его! – крикнул я Каренчику и вскочил, пытаюсь задержать пьяного.

Каренчик уже летел наперерез.

– Стой! погоди, я что-то важное тебе сейчас скажу! – заорал он Кардашину.

Вдвоём, держа Кардашку за обе руки, нам удалось вытолкать его с покрывала и довести до ближайших кустов. Наш соперник был хоть и нетрезв, но выше нас на две головы.

– Что тебе надо? Я отдыхаю, ты не въехал? – пробасил Кардашка, не понимая, что уже вынес себе смертный приговор.

– Держи его крепче, – скомандовал Каренчик, и мы потащили врага дальше. Когда наш импровизированный стол, уставленный едой, скрылся из глаз, Каренчик крикнул: «Лови!»

Он вытянул указательный палец вверх, Кардашка уставился на него и в ту же секунду вскрикнул от удара ногой.

Через минуту или две дело было закончено. Мы отволокли нашу жертву в кусты и положили отлежаться. А сами вернулись назад. За нашим импровизированным столом мы переглядывались, но, кажется, никто ничего не понял. Тут я предвижу вопросы щепетильных читателей, как мы вообще могли докатиться до такого?

Отвечу сразу по существу. Угрызений совести я не испытывал. (Думаю, Каренчик тоже.) Действовали мы в согласии со складывающейся обстановкой, защищали своё достоинство доступным способом.

К концу пикника молчаливый и испуганный Кардашка с фонарями под глазами вышел из леска на поляну у реки, молча забрал свои купальные вещи и отправился домой.

Так завершилась московская часть обмена. Наши гости уехали довольными, а мы стали собираться в дальнюю дорогу.

– Приглядите за Кардашкой, – напутствовал нас командир в своей семейной комнатухе. – И чтоб без мордобоя там.

– Пусть только ещё выползет, – отвечивал Каренчик и делал угрожающие движения руками.

Потом командир по очереди обнял нас, и выпроводил к двери. Когда я подошёл попрощаться, Ивашкин подвёл меня к своему письменному столу, вытащил из ящика тёмно-коричневый флакон из-под какого-то лекарства и вручил мне. К флакону прикручен был резинкой листок бумажки. На бумажке стояло латинскими буквами длинное название, потом ниже имя, телефон и адрес получателя флакона в Швейцарии

– Смотри, не потеряй эту штуку. Головой отвечаешь. Позвонишь вот по этому номеру, по-английски ты лучше всех в группе говоришь. Договоришься, встретишься, отдашь человеку точно в руки. Спросишь, что ещё от Ивашкина надо. Понял?

– Это что, запрещённая контрабанда? – спросил я. – А пограничники? А таможня?

– Не контрабанда, а новое вещество, только что синтезированное в СССР, на анализ его надо отдать. Если пограничники спросят, придумай, что-нибудь.

– Что ж я придумаю?

– Не знаю. Скажи, мазь от насморка, привет пограничникам передавай от Ивашкина... Наш поезд доехал без приключений до Берлина. Там нас ждала пересадка на другой поезд. В нашем распоряжении имелось целых восемь часов! Берлин образца 91-го года носил на себе явные следы разделения на Западный и Восточный. Заброшенная Стена стояла местами почти нетронутая, вокруг неё повсеместно лежал мусор.

– Грязь начала переползать с востока на запад, – философски изрёк Левончик.

Наша тётка из первого отдела покраснела, но смолчала. Заграницей она решила обходиться без мази, чтобы не пугать иностранный народ. Прогулка по восточной части города закончилась знакомством с автомобилем «Трабант».

– Знаете, чего это такое? – крикнул кто-то из нас, показывая на «Траби» пальцем. – Это пластмассовая машинка!

– Наверное, не целиком. Так уж и пластмассовая, – затаили недоверчиво остальные. Кому-то пришло в голову постучать кулаком по крыше. Вскоре десятки кулаков барабанили по чуду гдээрловской автопромышленности.

– Прекратить! Немедленно! Как вы ведёте себя в капиталистической стране!? – надсмотрщица кричала и топала ногой, лицо её пылало...

В Берлине мне довелось отведать кебаб, я купил его на вокзале «Цоо» за две марки. Помню, как у меня потом жгло в желудке. Вот мы и добрались до первопричины моего гастрита. Несчастный кебаб, хотя бы так, но я пригвоздил тебя к позорному столбу! Вечером поезд отправился дальше. Ночью я проснулся от того, что Левончик теревил меня за плечо.

– Смотри, смотри!

Я ехал на верхней полке. Взглянул в окно и не поверил глазам. В чёрном небе висела светящаяся пирамида.

– НЛО? – я тёр глаза. Пирамида была огромной, потом исчезла.

Левончик и Каренчик смеялись:

– Испугался?

– Что это летело там? Вы тоже видели?

– Небоскрёб это был, крыша у него такая, – просветили меня армяне.

Поезд вдруг встал, я выглянул в окошко, на платформе имелась надпись «Франкфурт-на-Майне». Мне захотелось ещё раз увидеть светящуюся пирамиду, но во Франкфурте поезд стоял так долго, что, не дождавшись отправления, я уснул... Мне не дано было знать своего будущего, но есть такие отрезки времени, когда предчувствие заменяет знание и становится знанием... Этот НЛО появился в моём окне с явной, определённой целью. Впоследствии у меня возникла мысль, что тогда я получил с небес тайный знак судьбы...

Я приехал в Швейцарию и довёз заветную баночку, меня не досматривали на границе. Поэтому и приветов таможене от имени командира я не передавал. Задание, порученное мне Андреем, выполнил. Время в Базеле летело незаметно, наши хозяева старались, как могли. А мы отдыхали, как умели. В просторном доме вместе со мной поселили декана одного из факультетов института. Поначалу наши хозяева относились к Фёдору Фёдоровичу Каменецкому, так звали декана, с большим пиететом. Они думали, что это засекреченный русский профессор или что-то в этом духе. Сей учёный муж держал себя с достоинством, военных секретов не выдавал. Со мной разговаривал дружески и часто пользовался моими знаниями английского языка, коими сам не обладал. К сожалению, я стал свидетелем падения авторитета советской науки в глазах гостеприимных швейцарцев. Фёдор Фёдорович в первые же дни совершил в Базеле два открытия: он, во-первых, нашёл в своей комнате видеоманитофон, во-вторых, купил где-то кассету с порнофильмом. Объединив чудо техники с продукцией киноиндустрии, Каменецкий устроил в своей комнате просмотр и получил, очевидно, огромное эстетическое удовольствие.

На покупке кассеты скудные денежные запасы Каменецкого исчерпались. Теперь

Фёдор Фёдорович обращался через переводчика в моём лице к швейцарской стороне с просьбой найти где-нибудь новые видеоленты для художественного ознакомления. Не умея отказать коллеге в такой необычной просьбе, базельский университет изыскивал всё новые фильмы, которые Каменецкий просматривал ночами. Говоря языком физики, Каменецкий в Базеле оказался в исчезающем на бесконечности силовом поле. Ничто его больше не держало, поэтому значения его функции энергии ушли в отрицательную область.

Кардашка вёл себя тихо и обходил нас с Кареном по большой дуге. С собой в Швейцарию Кардашка привёз целый мешок юбилейных советских рублей с изображением головы Ленина. Если кто – то не помнит, выпущен был рубль к столетию Ильича, под его головой стояли даты 1870 – 1970. Эти рубли забрасывались Кардашкой в обменный автомат на вокзале города Базеля. Автомат предназначался для размена крупных монет на монеты мелкого достоинства. По размеру и весу был ленинский рубль полностью эквивалентен совсем другой монетке, пятифранковой швейцарской. Рубли с Лениным автомат глотал, обогащая Кардашку за счёт швейцарских налогоплательщиков.

– Это ж рубль он конвертировал! Конвертируемый рубль! Ура, сбылась моя мечта! – кричал Левончик. – Вот молодец! И курс какой хороший. За один деревянный дают пять франков! Я в следующий раз вагон советских рублей сюда привезу!

А вот другого раза у Левончика вполне могло и не быть, потому что назад в СССР мы вернулись 16 августа 1991 года.

На обратном пути, как только поезд пересёк советскую границу, в купе зашла тётка из первого отдела.

– Мальчики, сдаём паспорта, – произнесла она сладко, как только умела.

Никто ничего сдавать не собирался, и мы стали с ней спорить.

– Что ж вы меня подводите, – обиделась она. – У меня будут крупные неприятности. Я должна отчитаться. Паспорта МИДовские, храниться они должны у нас, в первом отделе.

Потом она подсластила пилюлю:

– По первому вашему требованию я паспорта вам отдам.

Мы подчинились.

17-го армяне и я докладывали командиру о проведённом в Базеле обмене. Наши глаза светились удовлетворением, радостью и благодарностью Ивашкину за поездку.

– Вы привезли новые адреса? – спросил нас командир, выслушав доклад.

Мы стали переглядываться.

– Какие адреса?

– Адреса студентов для нового обмена!

– Нет, не привезли...

– Вы, значит, хотите кататься, а я должен вам саночки возить?

– Какие саночки? – я искренне не понимал, чего он так взъелся.

– Такие! – голос командира стал пронзительным и неприятным. – Новый обмен Ивашкин будет искать? Надо было по Базелю бегать, рогом землю рыть, искать швейцарцев других, которые в Москву на будущий год поедут. И зачем я вас туда только послал? Бараны! Идите отсюда.

– Командир, ты ж ничего нам не говорил про новые обмены! – стали возражать мы. – А головой думать я за вас буду? Вам всё на блюдечке поднесли, готовые адреса и телефоны дали. Что ж, ваш обмен с Базелем был не первый, стал теперь последний! Спасибо!

Дверь захлопнулась. Мы уходили побитые.

– Какая муха ЦЕЦЕ его укусила? – сказал Левончик, ни к кому не обращаясь.

Мы угрюмо пожали друг другу руки и расстались. Так, на грустной ноте закончилась история нашей поездки по обмену.

Во время нашей стоянки в бухте Голода огнеземельцы дважды появлялись и досаждали нам... В первый раз были даны выстрелы из нескольких пушек, пока туземцы были ещё далеко. Чрезвычайно смешно было наблюдать в подзорную трубу, как индейцы каждый раз, когда ядро ударяло по воде, хватали камни и, как бы отважно принимая вызов, кидали их в направлении корабля, хотя до него было мили полторы!

Чарльз Дарвин «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль»

19 августа

О девятнадцатом августа 1991 года написаны уже горы книг. Их будет ещё больше, в этом у меня нет сомнений. Поэтому историкам понадобятся новые источники и новые свидетели эпохи, ранее не упомянутые. А где их, спрашивается, брать?

Облегчим задачу историкам и предоставим им возможность прочесть хронологию того дня, записанную мной, живым очевидцем событий.

Итак, я вернулся из поездки по Швейцарии 16 августа с кучей подарков и в хорошем настроении. Вскоре начинался учебный год, и настроение стало потихоньку падать. Вопросы моей дальнейшей жизни так и остались без ответов. Я не собирался оставаться в институте, а в перспективе работать в закрытом учреждении на оборону страны. Куда идти, я не знал. Жить так больше не хотел, но и денег на самостоятельную жизнь не имелось. Я уже побывал в двух или трёх институтах, зондируя почву, возьмут меня там или нет? Брать никто меня не хотел. Отчисление из института означало попадание в первый же призыв на два года в Вооружённые Силы. Я уже давно не видел дороги впереди, а продвигался по жизни по инерции и всё больше ощущаю.

Когда радио сообщило о том, что Горбачёв болен, а всю полноту власти забирает себе некий «Комитет по Чрезвычайному Положению», никаких иллюзий или недопониманий ни у меня, ни у родителей не было. Это был конец неумелым горбачёвским попыткам спасти наше неспасаемое государство. Помню, что мама прибежала из кухни, где у нас стоял радиоприёмник, с испуганным лицом. Помню её крик: »Переворот! Горбачёва сняли!» Так начиналось 19 августа.

Стало известно, что Горбачев, отстраненный в ночь на 19 августа от власти ГКЧП «в связи с неспособностью управлять государством из-за состояния здоровья», находится под домашним арестом. Потом оказалось, что под домашним арестом он находится на даче в Крыму. Потому что в СССР после смерти Сталина существовала традиция избавляться от надоевших руководителей – реформаторов, вроде Хрущёва, изолируя их на даче, подальше от Москвы. Так всем стало понятно, что в стране произошёл путч.

9:30 в Москве началось передвижение отдельных военных колонн — армейских грузовиков, БТР, танков. В пресс-службе президента СССР Михаила Горбачева сообщили, что они работают по обычному графику. Никакой военной активности в Кремле и вокруг него не наблюдается. Лишь на отдельных магистралях стоят военные регулировщики. Стало известно, что Российское телевидение блокировано, его передачи в эфир не выйдут. (Из сообщений СМИ)

Помню, что родители куда-то ушли. Скорее всего, на работу. Куда ещё они могли пойти в столь знаменательный день?

Я лежал на диване и не мог пошевелиться. Диван был покрыт уютным зелёным пледом. На таком пледе приятно лежать, им приятно укрываться. Я лежал и смотрел в потолок. Телевизор я не смотрел, радио не слушал. Вернее, слушал и смотрел. Но по радио бормотал какую-то чепуху «Маяк», а по каналам телевидения передавали

«Лебединое озеро». Я выключил приёмник и впал в состояние апатии.

Я думал о том, что всему хорошему приходит конец, что я всё-таки успел съездить за границу. Горбачёва было жалко, но не очень. Почему – то я верил, что его не убьют и не посадят. Я рассуждал примерно так: Горбачёв сделал свою карьеру политика во времена брежневские, следовательно, умел «прогибаться», врать в глаза и ловчить. Значит, наверное, выкрутится и на сей раз, подпишет, что ему прикажут. Зачем его тогда убивать? Страшнее было за резкого и грубоватого Ельцина, за больного шепелявого старика Сахарова с его наивными идеями конвергенции капитализма и социализма, за Собчака, за Старовойтову. Вот как раз людей умных, прямых и честных, наивных романтиков новая жёсткая власть пощадить не должна была. Когда я отлежался, то решил поехать в общежитие института, чтобы с кем –нибудь поговорить и посоветоваться, как быть дальше. Сев на автобус, я уставился в окно и приготовился к наблюдению пейзажа, который за пару лет хорошо уже успел изучить. Обстановка в автобусе была нервная. Ещё больше нервозности прибавилось, когда автобус стал пересекать кольцевую автодорогу. Дело в том, что кольцевой автобан вокруг города был перекрыт для движения. А на проезжей части стояли танки. «Танки, танки», – слышались отовсюду приглушенные голоса пассажиров.

Приехав в общежитие, я не пошёл к Ивашкину. Кто знает, злился он на нас ещё или нет, и какие у него на сегодня планы. Общежитие стояло полупустое, студенты приезжали позже: к началу сентября. Я с трудом отыскал в одной из комнат две живые души: Лёшу и Сашу. Поглядев на их усталые лица, я понял, что разговор у нас будет долгий: судя по всему, легли они спать пару часов назад или вообще не ложились. Обычно такими я их видел перед экзаменами, когда инстинкт самосохранения побеждал остальные инстинкты, и за одну ночь они впервые знакомились с материалом семестра.

– Вы не спали, что ли? – спросил я.

– Тут уснёшь! – глядя злыми глазами на соседа, ответил Саша и сел на кровать.

– И что вы думаете обо всём случившемся? В город надо ехать, – продолжал я.

– В пивняк? Я ж не железный Феликс, я поспать сперва хочу, – бормотал Саша с кровати.

– Ты, это, скажи, стряслось чего? – Лёша выглядел и разговаривал более связно, чем его сосед.

– Вы что, не знаете ничего?

До меня дошло, что Саша с Лешей не в курсе последних новостей. Услышав от меня, что в стране, якобы случился переворот, а сам я вернулся на днях из Швейцарии, оба мне не поверили, стали устало смеяться, думая, что им подбрасывают шутку, которую они раскусили.

– Может налить тебе? У нас ещё есть, – пригласил Лёша за стол. – Жажда замучила. В доказательство своих слов Лёша расстегнул рубашку на третью пуговицу сверху. Я отказался. Вместо того, чтобы сесть за стол, я достал кожаную папку с буквами UBS, которую получил в подарок в Базеле.

– Подарю тому, кто мне поверит, – сказал я.

Саша остался к папке равнодушен, зато Лёша буквально вцепился в неё глазами.

Жажда знаний сочеталась в нём с жаждой вообще.

– Это сколько же стоит? Ёлки, это же кожа! – он посмотрел на меня с удивлением и фальшиво запел. – Я, тебе, конечно, верю. Я и сам трендить умею... Я и сам всё это видел... Это наш с тобой секрет.

– Тогда включите телевизор и послушайте новости, – ответил я, надеясь, что уж теперь они разом протрезвеют и начнут шевелить мозгами.

Сколько мы не щёлкали ручкой, кругом шёл балет «Лебединое озеро», и Саша, покачивая головой, снова полез в кровать. Он отвернулся к стенке и накрылся одеялом с головой.

– Это. Надо ящик выключить. Человеку, это, плохо, – сказал понимающе Лёша и кивнул на батарею пустых бутылок у окна, а потом на соседа. – Давай выйдем в коридор.

Мы вышли.

– Ну, как там? Где ты был то, говоришь? – продолжал Лёша, не сводя глаз с папки.

- В Швейцарии.
- Всегда путаю.
- Там кто живёт, шведы или эти, швейцары?
- Швейцарцы.
- Швейцарцы-то чистоплюи, наверное? Чистят там дорожки, метут, это, с утра до вечера, да?
- Конечно.

Мы помолчали, Лёша оторвал взгляд от папки и воздел его к небу.

– А я только из дому, из деревни, на Савёловский вокзал вчера пошёл закупиться, мужик у ларька весь в блевотине лежит. И ничего, спит. Довольный такой, это, улыбается себе в углу, такой, это, сопит. У буржуёв такого нету, да?

Я подтвердил, что такого там не видел. А даже наоборот, видел, как платформы на вокзале не только метут, но и моют специальным шампунем. Потом я протянул папку.

– Это тебе на память. Спасибо, что поверил.

Он взял папку в руки с благоговением, словно икону, подул на обложку, медленно открыл.

– Тут и ручка! И бумага! Ого. Ты мне теперь брат! Ну, к нам зайдёшь? Чайку долбанём? Или пора тебе?

– Пойду, и без того разбудил всё общежитие, – ответил я.

– Да, ничего, – Лёша приоткрыл дверь, собираясь за ней скрыться, – сейчас тоже хочу пойти прилечь. Голова болит, как будто всю ночь сапогами били.

Он сильно, несколько раз ударил себя кулаком по макушке и по лбу, словно наказывал голову за вчерашнее. Потом стал рвать вихры и оторвал целый клочок. Вдруг какая – то мысль осветила его лицо, он снова вышел в коридор:

– А шампунём – это буржуи зря, – Лёша говорил, смешно выговаривая некоторые слова, и делал ударение в слове «буржуи» на букве «и», а в слове «шампунь» на «ё».

– Шампунём надо, знаешь, это, волосы мыть, а не вокзал.

С этими словами он окончательно исчез, а я поехал домой.

Около 22:35 к Дому Советов РСФСР подошла танковая рота Таманской гвардейской дивизии. Прибытие 10-ти танков под командованием майора С. Евдокимова было встречено ликованием многих тысяч москвичей, скопившихся у резиденции российского руководства для его защиты от возможного штурма. (Из сообщений СМИ)

– 5 -

– *Так и у нас будет, мама:*

Трактором будем пахать,

А кулаков проклятых

Вытурим за порог.-

Мать грустным ответила взглядом:

– Не лезь на рожон, сынок.

С. Щипачёв Из поэмы «Павлик Морозов»

20 августа

Следующий день я провёл гораздо более осмысленно. Учтя ошибки 19-го августа, я решил в общагу не ходить, а с утра пораньше поехать в город. Никто меня об организованном сопротивлении не информировал и не звал на баррикады. Получилось как-то само собой. Как бы то ни было, я и по сей день думаю, что совершил тогда осознанно единственный в своей жизни гражданский поступок.

Я поехал по известному уже маршруту до станции метро «Баррикадная», вышел на площади Восстания и направился в город.

Шёл я вовсе не к Верховному Совету РСФСР, а куда-то наобум, в противоположную сторону от этого примечательного дома. Российский Верховный Совет располагался в высоком, белого цвета здании с закруглёнными углами. На самом верху, на крыше помещается башенка в форме куба, а на кубе – часы. Башенка выглядит несуразно маленькой, словно бы архитектор был не в ладах с понятиями о пропорциональности. Москва вообще-то сплошь уставлена такими архитектурными произведениями с несочетающимися деталями и несоразмерными элементами. Это и есть пресловутый московский архитектурный стиль. Так что Верховный Совет или Белый дом – строение вполне московское.

На одной из улиц я с удивлением обнаружил танки. Танки ревели моторами и не двигались с места. На броне сидели и стояли москвичи и разговаривали с солдатами. То, что происходило в городе, стало мне приблизительно понятно.

Танкисты получили приказ войти в город, но дальнейших приказов начальства не имелось. Командир танковой колонны, стоял возле головной машины и пытался успокоить публику вокруг. На нём была необычная для моего глаза полевая форма, знаки различия едва проступали. Казалось, колонна только что вышла из глубокого леса. Когда начальник колонны куда – то собрался идти, я решил открыть рот.

– Вы же понимаете, что вам дали указание воевать со своим народом, – не очень умно обратился я к нему.

– Приказа воевать с народом нам не давали, – парировал военный.

– А какой приказ? Убивать? Фашисты! – закричал один пожилой, истеричный гражданин в очках.

– Мы ждём дальнейших приказов. Но приказа стрелять нет. Успокойтесь!

Объяснив мирным гражданам свои намерения, военный побежал вдоль колонны. Я воспользовался моментом и тоже вскарабкался на танк. Едкий синий дым дизельного мотора окутывал башню, дышать было нечем, глаза у меня сразу заслезились. Из люка на башне торчал человек. Лицо его казалось суровым, глаза были совершенно красными от дыма и слёз. «Наверное, это командир танка, – подумал я, – как он только тут не задохнётся?»

– Смотрите, он плачет, – сказал голос рядом со мной.

В толпе стали показывать пальцами на человека в люке.

– Плачет, значит, нам сочувствует. Армия с народом! Они хорошие ребята! Армия с народом! – слышались снизу сквозь рычание моторов нестройные голоса.

– С вами тут заплачешь! – злобно ответил плачущий танкист, продолжая вглядываться красными глазами в окутанное дымом будущее. Взор его оставался суровым.

Тогда произошло непредвиденное. Истеричный гражданин влез уже на танк, он сзади подкрался к плачущему танкисту. Затем выскочил, резко схватил того за грудки и попытался вытащить из танка. Толпа замерла.

Танкист не растерялся. Он сам вылез из люка, встал на броню и решительно двинул гражданина кулаком в челюсть. Потом поймал нападавшего и за шиворот, как котёнка, спустил на землю. Тогда он с большим достоинством устроился опять в люке. Уже с асфальта гражданин кричал: «Фашисты!» и искал на дороге очки. Больше с танкистами никто не спорил, и дискуссия сама собой утихла.

Я подивился ловкости военного и тому, что всё сделано было им выверенными движениями, почти автоматически, будто наши строевые части только тем и занимаются на своих учениях, что отрабатывают данное упражнение. Несмотря на то, что боевой приём мне очень понравился, я лишний раз укрепился в моём предубеждении перед службой в армии.

Танк постоял, дымя всеми трубами, ещё минут пять. Затем мягко, словно рессорная коляска, качнулся и двинулся вперёд. С брони никого не прогоняли. Мы прокатились немного по Москве, и я с удивлением разглядывал привычные московские дома с необычного ракурса.

Катание на танке по городу, наверное, могло бы быть использовано туристическими агентствами в качестве аттракциона в коммерческих целях. Не знаю, приходило ли это кому-то в голову или нет. Я слышал, есть даже специальные гусеницы, которые не

портят асфальт. Так что, может, со временем поездки на танке и перестанут быть дорогим удовольствием.

Вернёмся к событиям 20-го августа. Я прокатился в тот день совершенно бесплатно. Если бы не обстоятельства момента, можно было бы считать один этот факт заслуживающим упоминания.

Наглотавшись дыма, я слез, наконец, на землю и направился в нужную сторону, к Белому Дому. Почему я пошёл туда и чем руководствовался, сейчас сказать затрудняюсь. Но, оказавшись там, я принял активное участие в возведении оборонительных сооружений вокруг здания. Когда я появился на пятачке перед Горбатым мостиком, там всюду кипела лихорадочная деятельность, строили баррикаду. Мне страшно захотелось включиться в сопротивление путчу, начать наконец, действовать. Строительство проходило следующим образом: металлические заграждения, ветки, доски, на худой конец, палки собирались и складывались в одно место. Я стоял и смотрел на нервно бегавших и ковырявшихся в земле людей и не смог найти ни одной заслуживающей внимания палочки! От осознания своей ненужности среди суеты работавших стало не по себе. Я ошалело стоял, когда все трудились! Но тут кто-то крикнул: «Чего встал, дура? Под ноги гляди!» Поскольку реплика адресовалась мне, я понял, что решение лежит где-то прямо под ногами. Тут я обратил внимание, что мостовая наполовину разобрана. Тогда я сел на корточки, как и большинство вокруг, и принялся выковыривать из земли брусчатку.

Занятие мне понравилось, камни поддавались неохотно, но при должном усилии вылезали из земли. Оружие пролетариата складывалось возле баррикады с внутренней стороны. Работали все в бешеном темпе и вскоре всю брусчатку перенесли за баррикаду. Я почувствовал, что опять становлюсь «дураком». На моё счастье кто-то крикнул: «К высотке надо! Бегом, там есть арматура!» Бегом мы не побежали, но двигалась толпа быстрым шагом по направлению к площади Восстания. Вначале я думал, что мы идём на некую стройплощадку. Вокруг Высотного здания всегда чего-то рыли, и годами лежала грязь. Зимой, правда, грязь покрывалась снегом. Оказалось иначе: Высотное здание на площади собирались ремонтировать, его облепляли снаружи строительные леса. Демонтажем этих лесов, наравне с другими, я и занялся. С выражением удивления и ужаса в своих каменных глазах взирали на нашу деятельность с крыш сталинские колхозницы и рабочие, обильно расставленные, где только возможно, щедрым скульптором.

Потом мы носили металлические конструкции к нашей баррикаде. Так прошло около двух часов. Иногда люди коротко перебрасывались словами. Смысл этих разговоров сводился к вопросам о возможном штурме и о том, как действовать дальше. «Вы на ночь останетесь?» – спрашивали друг друга создатели баррикады. Строительная лихорадка прошла, теперь каждый для себя решал, идти ли ему домой. Кто-то должен был остаться защищать это место.

«Вы останетесь?» – спросили и меня. Я подумал немного и ответил утвердительно, иначе ответить было просто нельзя. Хотя для себя ещё ничего не решил.

Я решил прогуляться немного и подумать. Не помню, что и где я ел. Но, помню, что голодным я в тот день себя не чувствовал.

Единственное, чего мне не хотелось делать, это наводить панику на родителей и вгонять в слёзы маму. Звонить домой я боялся, было понятно, что мне скажут по телефону. Решение я нашёл быстро: позвонил своему дяде с просьбой перезвонить родителям и сказать, что нахожусь в городе, чтобы не беспокоились, у меня всё хорошо.

Гуляя и размышляя таким образом, я успел увидеть в Москве уже множество других баррикад, широкие проспекты стояли перегороженные тяжёлыми грузовиками, троллейбусами и автобусами. Казалось, все московские троллейбусные парки были сегодня здесь. Отношение москвичей к «рогатым» нежное. Вспомните Окуджаву с его «Песенкой о полночном троллейбусе».

Когда мне невмочь пересилить беду,
Когда подступает отчаянье,
Я в синий троллейбус сажусь на ходу,
В последний, случайный...

Ну, и так далее... Именно эти благородные и медлительные, как киты, обитатели наших улиц прикрывали нас в тот день своими железными телами. Ближе к вечеру народ стал разжигать костры и даже петь песни под гитару возле троллейбусов, я видел у одной баррикады «санитарный пункт», где собирали перевязочные средства, вату, лекарства. У костра сидеть мне не хотелось, я не для этого остался здесь. Меня, разумеется, никто не дожидался у баррикады, которую и я тоже возводил. Всё же это был мой окоп, моя «линия Маннергейма». С наступлением темноты я вернулся к Белому Дому и там стал разыскивать себе место.

Возле здания стояла уже приличная толпа. Ходили организаторы обороны, пытавшиеся навести порядок. Эти люди расставляли людей по цепочкам. Ветеранов войны в Афганистане ставили в цепь у самого входа в здание. Оружия им не давали, но, по-моему, они были «вооружены» палками. Люди, руководившие построением боевых порядков, объясняли, что ни в коем случае нельзя стрелять в штурмующих, что в толпе могут быть провокаторы, которые первыми начнут пальбу и спровоцируют на ответную стрельбу солдат. Просили быть предельно внимательными и держаться за руки. В одну такую цепочку я тоже встал. Помимо чувства долга, обиды, что некие люди так запросто могут отнять твою свободу, кроме соображений совести, меня подсознательно удерживал на площади ещё один момент. Я внутренне находился на перепутье, чувствуя, что хочу того или нет, в жизни следует произвести радикальную переориентировку. Дезертирство с площади в такое время значило бы подписаться под собственным малодушием и трусостью.

Наступили решительные часы. В какую-то минуту, стоя в цепочке, я почувствовал, что затянут в водоворот событий, который увлекает и несёт меня дальше и дальше. Оказавшись у Верховного Совета этой ночью по своей воле, теперь я не вырвусь отсюда сам, а буду либо выброшен на твёрдый берег, либо разобью голову об острые камни.

Стояние в живой цепи той ночью было актом глубоко осознанным, отчаянным и наивным одновременно. Говорю это применительно только к себе.

Мемуары пишутся большей частью людьми известными и высокопоставленными. Я же описываю свою скромную роль со своей колокольни.

Вечер прошёл сносно. Защитникам раздавали еду и питьё. Из кооперативных кафе, ресторанчиков, булочных привозили горячее питание. Помню, мне достался вкусный пирожок с капустой.

Потом прошёл небольшой парад. Генерал Кобец, руководивший обороной, обошёл цепочки, всматриваясь в лица. «Министр обороны идёт», – шептались в толпе. На генерале была отглаженная форма и штаны с лампасами. Генерал широко улыбался, как будто спутал ночь 20-го августа с днём Девятого мая. Я разозлился при виде главнокомандующего, такой у него был неуместный, официально-радостный вид. Я решил, что ему льстит дешёвая популярность. Сейчас я думаю, что эта улыбка стоила ему колоссального напряжения сил. После такого парада можно смело ложиться в больницу.

На крыльце здания установили громкоговорители, которые вещали о положении дел в Москве, о возможном передвижении войск. С крыши вниз, на живые цепочки направлены были лучи прожекторов. Кажется, прожекторов было два. Прожектора шарили по толпе, якобы с целью отыскать провокаторов. Иногда луч пробежал и по мне, ослепляя на мгновение.

Из репродукторов неслись обращения членов правительства РСФСР к народу, сообщали о подошедших на подмогу по Москве-реке пожарных кораблях. Эти корабли блокировали Дом со стороны набережной. Днём я обходил Белый Дом по периметру, и

мне показалось, что там, с тыльной стороны, почти нет людей и защиты. Теперь дыру заткнули.

Из всей сумятицы было более или менее ясно, что в городе стоят Кантемировская и Таманская дивизии, говорили о возможном штурме здания силами дивизии Дзержинского. Вокруг телецентра в Останкино тоже происходило нечто непонятное, телецентр, как я понял, полностью заблокировала армия.

Однако перемещения соединений по городу не вызывали столько тревоги, сколько страх оказаться убитым из-за спины спецгруппой КГБ «Альфа». Никто не знал, когда начнётся штурм, только строили предположения.

На крыше здания должны были находиться вооружённые люди. И мне казалось, что при начале штурма будет выброшен десант с вертолётов на крышу. Одновременно начнётся штурм снизу. Этот момент я боялся пропустить.

Как объясняли нам организаторы обороны, проходившие по цепи, при начале штурма следует «пытаться отсекаать автоматчиков». Идея отсекаать автоматчиков казалась мне не только бредовой, но и бесполезной. Я надеялся, что автоматчиков всё же не будет. Армия, как я успел увидеть, почти полностью разложилась за день. Заставить их стрелять в безоружных, хотя и можно, но тяжело. Я представлял себе худшее, что, как в кино, в чёрных, одинаковых водолазках на нас с разных сторон набросятся люди, вооружённые ножами и бесшумными пистолетами. И можно попытаться схватить кого-то за штаны и завалиться с ним вместе на асфальт. Если же начнут бить из автоматов, рассуждал я далее, с

тоит сразу лечь на землю, поскольку толпа рассеется сама собой за минуту.

Ещё проходила запись или перепись защитников. Люди охотно давали свои фамилии и адреса, вписывали сами себя в списки. Я заявил, что никуда отсюда не уйду, но и фамилию свою никому не скажу, потому, что не знаю, кто переписывает и с какой целью. Свои шансы выбраться отсюда живым при начале штурма я оценивал, как невысокие, особенно если решу отсекаать автоматчиков.

Я стал думать о родителях, о том, что необязательно создавать им проблемы, если меня здесь достанет пуля или раздавит мой знакомый танкист. При худшем раскладе, раненого или, не дай Бог, убитого меня, допустим, доставят домой. Кто-то увидит моё имя в списке, что тогда? Нет, если удастся отсюда вылезти, лучше, чтобы моё имя не фигурировало нигде.

Ведь вот, вызовут в первый отдел к знакомой по обмену тётке. Тётка, наверняка, уже опять покрасила экзему, я представил себе её лицо. И что я ей тогда скажу? Почему-то всегда меня судьба толкает к тем людям, от которых я пытаюсь убежать подальше. Начнутся звонки из деканата и угрозы отчисления из института...

К счастью для моей израненой совести, я не ушёл тогда с площади. Теперь, по прошествии многих лет, я могу твёрдо сказать, у меня имеется в жизни эпизод, за который мне не стыдно.

Не могу точно вспомнить, в каком часу приехал Шеварднадзе. Его машину сразу обступили люди. Зажглись софиты корреспондентов. Казалось, корреспонденты только и ждали, когда он появится. Шеварднадзе в ореоле яркого света прошёл в здание, а толпа аплодировала.

Я держался спокойно, то есть, просто держался. Цепочка ходила ходуном. Многие люди уже не стояли, взявши за руку соседа, а нервно переступали с ноги на ногу. Одному, из передней цепочки, стало плохо, он упал, и мимо меня его вынесли из толчеи. Иногда кричали вдалеке: «Диверсант, держи его. Не дай уйти!» После лёгкой паники с поимкой потенциального диверсанта всё успокаивалось.

Мой сосед слева нервно курил, притоптывая на месте. Я стоял, держа руки в карманах от холода и напряжения. Сосед слева обратился ко мне:

– Сдохнем здесь все. Куришь? – потом порылся в кармане и протянул мне папиросу. Кажется, это был «Казбек». – Давай перед смертью по последней.

Лица его я не видел. Когда он зажжёт спичку, я увидел глаза, которые выражали тоску оленя, идущего навстречу охотнику и знавшего, что его ждёт.

Я выглядел, наверняка, не лучше. Сосед протягивал мне смятую, с высыпавшимся

табаком, папиросу. Я промямлил что-то вроде «спасибо», взял и не убрал её в карман, хотя и не курил. Мне совсем не хотелось умирать или представлять свою собственную смерть. Я крутил «казбечину» в руке, не зная, что с ней делать. А вдруг, эта круглая, мятая бумажка и есть пропуск на тот свет?

Сосед не дал додумать.

– Щас танками пойдут, – сказал он, – Слышишь? Теперь молись.

Я прислушался. Звук вдали был такой, словно начался футбольный матч. Кричали истошно. Но именно крик, а не гул стадиона. То есть, судя по силе крика, людей было не очень много.

Около часу ночи произошли роковые события той ночи. Со стороны Садового кольца раздались первые выстрелы.

Вдруг в воздухе стали видны следы трассирующих пуль, с небольшим запозданием послышался стрекот автоматов. Наша импровизированная радиостанция на крыше передала, что колонна из нескольких БМП и танков собралась перед американским посольством и двинулась по направлению к нам. Теперь я понял две вещи. Первое, я глупо полагал, что штурм начнётся возле самого здания Правительства. А на запруженные троллейбусами улицы и сидящих там ребят смотрел, как на несерьёзную декорацию. Но бронетехника должна была сперва подойти сюда, прорваться к нам. Значит, это они, те, что жгли костры вдоль дороги, принимали сейчас на себя первый удар. Второе, мои наивные мысли, будто бы армия разложилась и на штурм не пойдёт, оказались неверными.

Позже из отдельных рассказов я узнал, что там происходило на самом деле.

Танковая колонна вошла в туннель. Солдаты попробовали растащить в стороны троллейбусы с помощью БМП. В БМП полетели камни и бутылки с зажигательной смесью. Это потом так говорили, «с зажигательной». Я, честно говоря, не знаю, с какой там смесью, думаю, это был бензин. БМП пытались маневрировать в узком туннеле, больше, наверное, для самообороны. Головным БМП удалось прорваться и дойти до следующей баррикады, составленной из троллейбусов. Тогда в поединок с головной машиной вступил автокран. Автокран двигал перед собой троллейбус, чтобы закрыть им брешь в обороне. Первые две БМП сумели прорваться дальше, после чего люди вновь бросились на отодвинутый троллейбус, чтобы повалить его на бок и закрыть проем. И тогда на помощь снова пришёл кран и вставил троллейбус на место. Третья по счету БМП с номером 536 продолжала всю таранить баррикаду. В конце концов бутылками с бензином 536-ю подожгли. На броню вскочило несколько человек с канистрами бензина, полыхнуло пламя, загорелись троллейбусы.

Позади колонны, отрезая ей путь к отступлению, встали друг за другом несколько поливальных машин. Военная техника оказалась в ловушке. И вот тут сдали нервы у солдат. Стреляя на ходу, командир БМП покинул свою горящую машину, а оборонявшиеся поняли из его криков, что сейчас случится неминуемое: взорвётся боезапас. Москвичи бросились тушить подожжённую ими же БМП. Экипаж её разбежался. Отчаянная попытка залить БМП водой увенчалась успехом. Взрыва не произошло. Остальные бронемшины задраили люки и встали. Через некоторое время в туннель хлынула толпа людей, а ещё через полчаса к месту трагедии прибыл военный комендант города Смирнов. Из вышесказанного видно, что армия не отступила по своей воле, как думают некоторые, она проиграла тот первый уличный бой. А декорацией боя было американское посольство и маленький домик Шалапина чуть в стороне...

Троих парней насмерть придавило в этой схватке гусеницами БМП или же троллейбусами.

До нас доходили самые отрывочные сведения. Из репродуктора на нас неслись отрывочные сводки про прорванную «первую линию обороны». Сколько там оставалось ещё непрорванных баррикад? Сколько ещё они смогут держаться? И самый главный вопрос, когда придёт наша очередь?

На одно мгновение я закрыл глаза и попытался вспомнить тех, с кем хотел бы попрощаться. Говорят, так надо делать в минуты, предшествующие крайней опасности.

Мысленно я проделал это, собрал в голове всех вместе и попросил за всё прощения. Мне сразу стало легче, на короткий момент я внутренне полностью приготовился к смерти. Я даже подумал, что смогу оказать достойное сопротивление автоматчикам. Потом стало ещё хуже и тоскливее. О сопротивлении думать не хотелось. Мы стояли, а штурм откладывался. Судя по всему, отбились уже и на Садовом. Так продолжалось до четырёх-пяти утра. Голос из динамика просил не расслабляться, напоминая, что под утро, когда силы на исходе, может начаться атака. Народ держался и не расходился.

Около пяти утра в толпе показался священник Глеб Якунин. Я удивился тому, что облачение его было серым, а не чёрным. Его облачение очень подходило к забрезжившему рассвету нашей надежды. На груди его висел большой серебряный крест. До этого правозащитника Якунина я видел только по телевизору. Вблизи он оказался невысоким и очень рыжеволосым человеком.

Якунин говорил ровным голосом, успокаивал. Я задал ему несколько вопросов про оборону здания изнутри, он подробно мне всё пояснил и добавил, что всё-таки исходить надо из того, что победа близка, поэтому и кровопролития не будет. Я не знаю, имеет ли право священник вмешиваться в политику, Якунину многие ставили это в вину. Потом он жестоко поплатился за свою позицию. В тот момент я считал, что обязанность отца церкви в трудные минуты находиться с паствой, если можно было назвать нас паствой, конечно.

Патриарх выразил в те дни надежду, что междоусобного кровопролития не будет. Мне лично, одной надежды и наилучших пожеланий было мало.

Около шести часов началось движение у нас за спиной. Новые люди с топорами, ломами, арматурой вставали в наши ряды.

Я понял, что могу идти домой. Сумерки уходили прочь из города, в котором я не только родился и жил, но который и защищал, как я это понимал.

Я простился с соседями по цепочке и пошёл к «Баррикадной». Шёл я гордо, с сознанием выполненного долга, зашёл в метро. По эскалаторам навстречу мне двигался сплошной поток людей в спецовках. Это ехали рабочие с заводов. Мне запомнился один из них, тащивший на плече огромный ледоруб. Лампы отражались в стали, как в зеркале, и ледоруб блестел от света. Когда я увидел этот сверкающий ледоруб, я понял, что путч провалился.

Дома меня ждала мама с заплаканными глазами.

Она хотела меня отругать и уже стала говорить, что не спала всю ночь и звонила во все морги. Тогда я ответил: «Мама, мы победили». Она сразу смолкла, посмотрела на меня, обняла и стала целовать. А я немного рассказывал ей, где провёл всё это время. О том, что уже попрощался с ней ночью, я, естественно, умолчал. Потом я наспех почистил зубы, разделся и уснул мёртвым сном.

– 6 –

*И опять на вокзал,
И опять
к поездам,
И опять проводник
Выдаст бельё и чай...
И опять не усну,
И опять сквозь грохот колёс
Мне послышится слово «Прощай»...*

Виктор Цой «Стук»

Когда через несколько дней я увидел по телевизору, как толпа идёт по улице с гигантским трёхцветным полотнищем и скандирует: «Ельцин, Ельцин», мне стало

грустно и немножко стыдно. Но не за себя, а за тех, в толпе.

Через некоторое время, узнав от родственников, что есть возможность уехать в ФРГ, я заполнил документы на выезд в Германию, стал ждать и совсем скоро получил разрешение на выезд. Разрешение-то я получил, а вот паспорта у меня не имелось. Я пошёл в ОВИР, подал там заявление на получение паспорта. Потом вспомнил про тётку из первого отдела и решил рискнуть.

Она сидела в своём кабинете наедине со своей болезнью. Я откровенно ей признался, зачем мне нужен паспорт. Документы из института я уже забрал. Конечно, ничего мне отдавать тётка не собиралась. Я заявил, что она не имеет никакого права, что нет таких законов, чтобы не давать паспорта его владельцу, что, в конце концов, найдут и на неё управу. Времена сейчас не те. Тётка стала совсем пунцовая, молча вышла из комнаты, принесла мне мой паспорт и какой-то бланк, чтобы я расписался.

Самое смешное, что ОВИРовский паспорт я тоже сравнительно быстро получил.

Видимо, МИД с ОВИРОм не контактировали в хаосе тех дней. Так я стал обладателем сразу двух паспортов одновременно, оказался дважды гражданином СССР, государства которого больше не было. В одном из паспортов стоял синий российский штампик, другой паспорт был сувениром на память.

В один из зимних дней января 1992 года меня пригласили в немецкое посольство для собеседования. По посольству слонялись туда-сюда люди, пытаюсь убедить немцев в том, что они настоящие евреи. Я себя чувствовал не очень. Мой папа – чистокровный русский, а бабушка по отцовской линии занимала ответственную работу. Всю жизнь меня учили еврейство скрывать. Мне пришлось заполнить уйму бумаг. Моими делами теперь ведала фрау Шмидт, ухоженная дама лет пятидесяти, неплохо знавшая русский язык.

Она спросила меня, в какой город или федеральную землю я предпочёл бы поехать. Я подумал немного и написал «Франкфурт на Майне». Фрау Шмидт посмотрела на меня внимательно и спросила:

– Скажите, вы едете один?

– Да, – ответил я. – Один.

Она чуть наклонила набок голову, в её глазах я прочёл теплоту. Она достала белую маленькую бумажку и протянула мне.

– Вот адрес, куда вам следует там обращаться. Я вам адрес дам. Но я сама им позвоню. Они вас там встретят и помогут.

Видимо, мой небесный покровитель решил–таки передоверить мои земные дела, отдать их в другие руки. Фрау Шмидт взялась теперь за решение моей судьбы...

Денег на билет катастрофически не хватало. На дворе стоял кризис девяностых годов.

О полёте самолётом не могло идти речи. Оставался поезд. Я вынес из дому всё, что мне разрешили и не разрешили вынести родители, и отнёс в комиссионный магазин.

Страшный удар постиг моего папу, он лишился своего большого друга, телевизора.

Моя младшая сестра осталась без подарков, обуви и одежды, которые я привёз ей из Швейцарии. Я собирал, где только мог, буквально копейки. Если слова фрау Шмидт о том, что меня встретят и помогут, окажутся ложью... то... Да... тогда мне должно хватить денег на обратный билет до Москвы плюс на еду, денька на два.

В общежитии знали о моём отъезде. Все мои аудиокассеты были мной распроданы в общаге по цене один доллар за кассету. Удалось собрать немного – около тридцати долларов.

У подъезда общежития ко мне подошёл Лёша:

– Ты, это? Аппаратуру продаёшь?

Под аппаратурой он подразумевал мою аудиосистему.

– У меня колонки небольшие, усилитель, магнитофон. Я собирался это хозяйство в комиссионку отнести...

– Усилитель-то, какой? – не отставал он.

– «Амфитон», 205-ый.

– Я, это. «Амфитон» как раз искал. Принеси, поглядим.

Когда Лёша освидетельствовал усилитель, он полез под кровать и достал со дна

чемодана коробку. В ней лежала зелёная стодолларовая бумажка.

– У меня есть тридцать долларов сдачи, десять марок одной бумажкой и франки швейцарские мелочью, – рассказал я о своих запасах.

– Не надо сдачи. Бери все, брат.

– Ты что, с ума сошёл? Нет, я не возьму, – стал протестовать я.

– Ты, это. Брось! Знаешь, сколько там усилитель стоит?

– Так то там, я же здесь усилитель продаю.

– Возьми, брат. Нельзя не брать. Когда свидимся-то? Обидишь ты меня.

Я обнял Лёшу, и мы постояли так обнявшись полторы минуты.

Сердца родителей разрывались между неодобрением моего поступка и безграничной любовью к блудному сыну. Особенно рыдала на вокзале моя тётя, словно провожала меня на тот свет. Она была в своё время начальником Первого Отдела МГУ, заведовала секретной частью.

– Может, и ты ко мне приедешь когда-нибудь, в гости? – спросил я её на прощание.

Этим вопросом я окончательно её добил. Она залилась слезами. Только один человек мне улыбался искренней улыбкой всепрощения. Этим человеком была моя сестра, которую я обокрал перед отъездом. Она не всё понимала, ей к тому времени исполнилось восемь лет...

Когда ночью поезд пришёл во Франкфурт, и я спрыгнул на платформу в холодный февральский воздух, то с удивлением обнаружил, что никто не спешит меня встречать. Хотя я был единственным пассажиром того вагона, и ошибиться было невозможно. Я постоял двадцать минут, нащупал в кармане бумажку с адресом, которую получил от фрау Шмидт, пересчитал деньги...

В каждой моей руке болталась сумка, на спине висел стройотрядовский рюкзак. Я нёс с собой и постельное бельё, и спальный мешок, и консервы... Я часто останавливался, выспрашивал дорогу, обращаясь к прохожим по-английски. Слева от меня в воздухе висела светящаяся пирамида какого-то огромного здания. На трамвай я не сел: глупо тратить вот так впустую свой последний неприкосновенный запас, скопленный на обратную дорогу.

К шести утра я был уже у цели...

Постскриптум

*Дальше было почти как по Дарвину:
Вверх простейший в борьбе рванул,
Гибла тварь, что являлась с изъянами,
Заселялась земля обезьянами.*

Священник Глеб Якунин «Хвалебный примитив юродивый в честь Бога, Мироздания, Родины»

С тех пор прошло уже больше шестнадцати лет. Но иногда я слышу, как защитников Белого Дома обвиняют в глупости и недалёковидности. Все грехи новой власти приписывают такие обвинители Ельцину и ностальгируют по ГКЧП. Я со всей ответственностью заявляю: НЕ ВЕРЬТЕ ИМ. Эти люди не знают, что говорят. Произошло много и плохого и хорошего с тех пор. Генерал Константин Иванович Кобец оказался обвинён во взяточничестве и уволен из армии. Священник Глеб Якунин, отсидевший несколько лет в лагерях при советской власти, был сурово наказан Патриархом за разглашение имён церковных иерархов, сотрудничавших с КГБ. Его лишили сана в ноябре 1993-го.

С Ивашкиным я встретился в 1993-м году уже в Германии. Он приехал сюда по каким-то своим делам. Я спросил его о семье, о Гале. Командир уклонился от ответа, потом вдруг бросил: «М-м-м. Да. Мы развелись».

Я переспросил, не ослышался ли. Нет, не ослышался. В моей голове разорвалась

бомба. Как почти все молодые люди, я склонен был романтизировать любовь и семью. Для меня ещё каких-то пару лет назад все семьи делились на счастливые и несчастные. Счастливые супруги жили хорошо и долго, умирали в один день. Несчастные мучались, расходились, сходились. Образцом идеальной, гармоничной пары в моих глазах были Андрей и Галя.

Я хотел расспросить, но увидел боль в голубых глазах, в которые влюблялись наши девчонки, и понял, что не надо лезть в душу с вопросами.

– Ответь только, неужели ты был инициатором развода? – спросил я.

Ивашкин посмотрел на меня совсем уж страдальчески, будто его пырнули ножом, и прошептал:

– Нет.

Потом мы опять поговорили о хлебе насущном и расстались на сей раз совсем надолго.

А недавно я наткнулся на статью об Андрее в Интернете. В статье рассказывалось про фирму, которую он организовал. Создал он её из руин, возродил из пепла, в своём стиле, на базе какого-то развалившегося в буквальном смысле НИИ. В суперсовременных лабораториях под Москвой теперь работают на командира около 400 человек, это аутсорсинговая компания с миллионными оборотами, занимающаяся исследованиями на лекарственном рынке по заказу крупных химических концернов. Я приведу цитату из статьи о деятельности Ивашкина на данном поприще. Этот кусок я просто скопировал из Интернета:

"Когда мы впервые там появились, я понял, что такое состояние шока, – рассказывает Андрей. – Это скорее напоминало декорацию для фильма Тарковского, а не будущий стерильный комплекс. По огромному помещению с воем гулял ветер, оконные проемы зияли пустотой, кучи хлама. А на груди полуистлевших бумаг стоял маленький кактус, живой. Единственный символ надежды".

Я читал статью, а в ушах звенел голос Ивашкина. Командир снова свалился с неба, как тогда во Владике. Я закрыл глаза, вспомнил запах освежителя воздуха «Лесной» и мысленно пожал протянутую мне из ниоткуда руку. Потом я заварил чайку, придвинул клавиатуру поближе и уселся писать эту историю.

---

* Некоторые имена и фамилии изменены, но не сильно

Франкфурт 2007

II ФРАНКФУРТ

Немецкий экзамен

Зарисовка

В маленькой комнатке на четвёртом этаже здания суда на Рёмер Платц проходят экзамены на знание немецкого языка. Здание, где идут экзамены, большое и красивое, мне почему-то кажется, что раньше здесь должен был жить какой-нибудь князь или герцог. А может, кто знает, здесь принимались решения, от которых зависела судьба целых народов. Ведь в стоящей напротив церкви действительно заседал первый немецкий парламент, о чём гласит подлинная мемориальная надпись.

Здание суда украшено выразительными скульптурами. Два каменных героя с мускулами культуристов держат на усталых спинах балкон у входа. Кажется, правильнее называть этих культуристов кариатидами. Или кариатиды это женские

фигуры? Теперь в здании заседают бесчисленные чиновники, подпирая своими спинами стенку с внутренней стороны. Они тоже кариатиды.

На экзамен пришло десять человек. Десять кандидатов в бюргеры. Четверо молодых турок, палестинец, беженец из Иордании, негр, утверждающий, что он из Африки, один с виду не то румын, не то поляк в кепке и с книгой под мышкой. Ещё три человека держатся вместе, они познакомились пару лет тому назад, тогда они жили в одном общежитии. Турки весело смеются, у самого весёлого из них иногда мобильный телефон играет Моцарта. Тогда весёлый турок закрывает ладонью одно ухо и кричит в телефон отрывистыми фразами. Не то поляк, не то румын отошёл в сторону и уткнулся в книжку.

Русских переселенцев сразу отличишь по одежде, по плохой обуви, по косынкам на головах у женщин, по золотым коронкам во рту, по старомодным пластмассовым оправам очков. Сейчас они стоят и негромко разговаривают: полнотелая тётя Маша Коноваленко из Кустаная с сыном Колей, болезненного вида. Оба в потёртых джинсовых куртках. Рядом с ними небритая личность кавказской наружности. Это их знакомый Зураб Сванидзе в плаще из настоящей кожи и с шарфом вокруг мощной шеи. Он утверждает, что отдал в Стамбуле за плащ тысячу долларов.

Сванидзе купил в Нальчике липовые свидетельства о рождении себе и всем ближайшим родственникам. Теперь он еврей по линии деда и жертва грузинских нацистов. Жертва гоняет машины из Германии в Грузию, Прибалтику и Россию, хорошо зарабатывает. Правда, дело рискованное. Только с надёжными людьми можно работать. Тётя Маша устроилась в прачечную, ходит туда три раза в неделю. Сын её, Колька, нигде не работает, подрабатывает, где получится. Ему всего 19 лет, он хочет купить машину и копит деньги на БМВ.

Сванидзе жалуется, что никто в семье, кроме него, не хочет брать немецкого гражданства:

– В Америку полететь, друзей навестить – виза, в другие страны – опять виза. Надо брать гражданство, пока немцы не передумали. А жена не хочет, дочь не хочет. Зять сперва говорит: «Хочу». А как узнал, что русский паспорт отдавать надо, говорит: «Не хочу». Говорит: «Одни убытки». Я говорю: «Какие убытки? Убытки – ноль. Был один паспорт, станет два. Русский паспорт в Абхазии купишь».

– Ты что, князь? – я говорю. – Поедешь и купишь. Хорошие люди везде есть. Тётя Маша соглашается. Зачем спорить? Она кивает. С Зурабом никак нельзя ссориться, мало ли что. У тётя Маши своя история.

– Мой Колька тоже идти не хотел. Лентяй, придурок, – я ему говорю, – что значит, ты не хочешь? Немцем нормальным стать не хочешь? Не хочет он. Надо будет – захочешь, а не захочешь – заставлю я всё равно тебя.

Зураб и тётя Маша молчат, турки громко смеются, мобильная трубка верещит Моцарта. Колька стоит в стороне, смотрит в окно и дёргает головой вправо. У него лёгкий нервный тик.

– Хоть бы ты, Зураб, моего Кольку тоже к какому рабочему делу пристроил. Может, в напарники его взял, он парень честный, на любую работу готовый.

– Сейчас нет пока работы, может через месяц. Не обещаю, – Сванидзе морщится. Тётя Маша о каждой ерунде должна сама думать. Если не она – всё рухнет. Муж давно умер, пьяница. Теперь вот на ней и хозяйство, и Колька, балбес. Зураб какой – никакой, а бизнесмен. Может и Кольку в люди выведет, чем чёрт не шутит. Тётя Маша с любовью смотрит на колькину фигуру. Сын, так ей хочется думать, её надежда и опора в старости. Колька не злой, только доверчивый и глупый ещё. Она вспоминает, какой он был маленький, как она с ним ездила в отпуск к сестре в Саратов. На сердце у тётя Маши становится тепло и хорошо. Её тянет поделиться теплом воспоминаний с Зурабом.

– На отца он у меня похожий, – рассказывает Коноваленко Зурабу, – отец-то его тоже незлобивый был, когда трезвый. Хоть и нельзя про покойников плохое, а здоровье себе и мне загубил. Пил днём и ночью, алкаш прклятый.

– Ма, я пойду покурю вниз, – говорит Колька и дёргается.

– Куда курить? Сейчас пускать начнут, – кричит тётя Маша.

– Да, ё моё, – бормочет Колька, но послушно отходит назад к окну. Не то поляк, не то румын озирается. Турки всей командой решают идти искать туалет. Огромное квадратное здание суда построено в незапамятные времена, когда про удобства не очень думали. Чтобы найти туалет, приходится обходить этаж со всеми закоулками по периметру.

– Когда ж пускать будут? – спрашивает, ни к кому не обращаясь, тётя Маша.

– Я думаю, пусть лучше уж курит, чем наркотики принимает или пьёт, – добавляет она вполголоса.

– Да, – соглашается Сванидзе, – вся водка сейчас отравлена. Наконец заветная дверь приоткрывается. В экзаменационную комнату проходят серьёзные кандидаты. Комната светлая и просторная, ровными рядами расставлены столики на приличном расстоянии друг от друга и стулья, по одному стулу за столиком. Чтобы сложнее было списывать.

За большим учительским столом у окна сидит человек, похожий на гуся. Человек вытягивает шею, смотрит через маленькие очки в папку. Он проверяет документы. Это – чиновник. У него задумчивое лицо любителя выпить пива, поболтать с соседями о футболе и о том, о сём. Мысленно он уже не на работе, а дома, перед телевизором. Ему за пятьдесят, скоро, через десять лет, на пенсию. Пенсии у чиновников пока неплохие, жить можно, но их урезают год от года. В стране безработица, бардак, всякая шваль немецкое гражданство получает.

Но кому-то же надо и экзамены проводить. Чиновник смотрит на собравшихся. Народец, как всегда, тусклый и грязный. Одеты неряшливо, некоторые небритые пришли. Чувствуешь себя, как белый человек среди индейцев, ей Богу. Одни паспорта на другие менять пришли, людоеды. Гнать бы вас всех в шею...

Чиновник дружески улыбается и щурит глаза.

– Добрый день, господа, – обращаться положено вежливо. Ответственный момент, как ни крути, – сегодня мы проводим экзамен на знание немецкого языка, напишем десять предложений под диктовку, ручки и бумага у меня есть.

Притихли. Сперва они все притихают, а как первое предложение напишут, так вопросы начнутся.

– Сразу хочу предупредить, переговариваться во время экзамена запрещено, нарушители порядка по первому требованию должны покинуть помещение. Итак, начнём сверять документы. Первая по списку – фрау Ко-Но-Ва-Лен-Ко.

Чиновник делает ударение на «е». Он повторяет: «Ко-Но-Ва-Лен-Ко», озорно улыбается и вытягивает шею.

– Коноваленко – я. Их, то есть я – Коноваленко, – говорит тётя Маша и встаёт со стула, чтобы было понятно, это именно она, а не кто-то другой.

Сверка документов длится долго, дольше, чем сам экзамен. Фамилия того, что в кепке, оказывается Липкин. Родом из Одессы. Потому он и озибался, что всё понимал, догадываются тётя Маша, Зураб и Колька.

Чиновник медленно, почти по слогам, диктует первое предложение. Оно элементарно для того, кто знает азы немецкой грамматики или где-то оканчивал курсы немецкого ликбеза. В переводе на русский язык оно звучит так: «Петер стоит на автобусной остановке».

– Между «Петер» и «стоит» надо тире поставить? – спрашивает Зураб Липкина вслух по-русски.

– Зачем? – в ответ спрашивает Липкин Зураба.

Чиновник, прищуривается, глядит в глаза Зурабу. Потом поворачивает голову к Липкину.

– Если у вас возникает вопрос, господин Липкин, то спросите лучше меня, – замечает он, – делаю вам первое устное предупреждение.

Моцарт звенит в мобильном телефоне. Турок что-то кричит в трубку, видимо, чтобы перезвонили попозже.

– Разговаривать по телефону во время экзамена не полагается, вам тоже делаю

предупреждение. Приготовились, диктую второе предложение: «Петер ждёт автобуса». Через десять минут экзамен заканчивается. Будущие бюргеры расходятся по домам, почерневшие от дождя и времени каменные герои, прижатые балконом к стене суда, смотрят им вслед.

Чиновник, не торопясь, собирает листки, укладывает их в сейф. Он находит следы грязной обуви на полу, карманный русско-немецкий словарь, забытый на стуле оболтусом Колькой, и думает о том, что нет в стране старого доброго порядка, того порядка, что раньше.

Франкфурт 1999

В гостях хорошо, а дома лучше

Самое трудное для бабы Кати по дороге в Канаду была пересадка. Нужно со своего самолёта сойти и другой, как хочешь, так и разыскивай. Аэропорт во Франкфурте огромный, людей – море, а по-русски ни одна душа не разговаривает. Однажды она чуть было самолёт свой не пропустила, хорошо парень один попался, помог. Хоть и негр, а всё сердце у человека есть.

– Довёл до самого места, а то беда, заночевала бы там у полицаев, – рассказывала баба Катя, – до Москвы доехать не дюже сложно, свои вокруг люди, родные. От Москвы в Германию самолёт такой маленький летит, вертлявый, шибко трясёт. Того и гляди, вывалишься. А дальше уж на большом, тот полтыщи народа забирает, не меньше.

Привозила в подарок зятю бутылку «Столичной», дочке банку чёрной икры, мешок «долгоиграющих» сосательных конфет брала себе и внучке на угощение. Гостила баба Катя у дочки подолгу: четыре – пять месяцев, а то и полгода. Потом виза кончается, да и задерживаться совестно, эдак, и родной дочери надоест можно. К концу своего пребывания в гостях баба Катя начинала жаловаться на ломоту в спине, после спины болели и ныли ноги, словно бы сами просились назад, в Саратов.

– В гостях хорошо, а дома тоже дела есть, – объявляла баба Катя, – приеду, шторы постирать надо, квартира в пыли стоит. Или, может, залезли уже, всё пограбили, а я тут, как пенёк сижу. Сходи, Валюша на аэродром, билет бы мне купить.

Дочка бабы Кати, Валентина, вышла замуж пять лет назад очень выгодно, за канадца по имени Пол, и уехала к нему жить в Торонто. Познакомились она с ним случайно, на улице. Каким-то ветром занесло Пола в Саратов, и все валентинины институтские подруги обратили на красивого иностранца внимание, и всем им он понравился.

Поэтому подруги ей, как и положено подругам, тайно завидовали и желали, чтобы канадец поскорей её бросил. Но Пол Валентину не бросал, а даже наоборот, полюбил ещё крепче прежнего. У Валентины в Канаде родился ребёнок, дочка. Назвали её Сара, в честь сестры Пола, разбившейся в автокатастрофе.

Пол работал торговым агентом, заключал договоры, ездил в командировки, отсутствовал дома месяцами. Говорил, что в командировках без семьи скучает. Валентину он пристроил секретаршей-переводчицей в свою фирму на стажировку. Валентина ходила на работу каждый день, уставала. Английским она кое-как овладела, а вот компьютер ей никак не давался, особенно проклятый Excel. Приходилось постоянно спрашивать сослуживцев и просить помочь. Для Сары, когда баба Катя отправлялась назад, искали замену: нянечку–бэбиситтера.

Зять к бабе Кате относился с уважением, на вопросы отвечал спокойно и по-английски, улыбался, показывая ровные белые зубы. Ему нравилось, что русская бабушка так много личного времени тратит на воспитание внучки и без усталости занимается с ребёнком. Пол называл тещу «ма», никогда с «ма» не спорил, а когда приезжал из командировок, возил вместе с Валентиной и Сарой по городу и окрестностям, с целью ознакомления с местными достопримечательностями.

Саратовской гостье Торонто не нравился. Шибко большой, автомобилей полно, хоть и

поменьше, чем в Москве. Люди спешат, будто угорелые. В отношении небоскрёбов она тоже была настроена критически.

– Вот наша телевышка, – одно из самых высоких зданий в мире, – рассказывал Пол в машине, – ну, как вам нравится? Не правда ли, изящно?

– От этих небоскрёбов дыры одни по небу, – глядя в противоположную сторону, замечала тёща.

– Какие ещё дыры, мама? Ну что ты выдумываешь? – волновалась дочка.

– Какие, какие? Ясно, озоновые. Погоду испоганили, вон.

– Бред, – огрызалась Валентина и отворачивалась, – с тобой культурно беседуют, ты хоть бы для вида ему поддакивала.

– А ты матери не перечь, Валентина, а переводи мои слова. Что молчишь, иль воды в рот набрала? – требовала баба Катя.

Дочь переводила, что матери нездоровится, но телевышка замечательная.

Баба Катя с трудом ориентировалась на новом месте. Поначалу боялась потеряться и не выходила совсем из дому, постепенно стала выходить, стоять у крылечка. Потом сделала первые шаги, ежеминутно оглядываясь на дом, чтобы не потерять его из виду. Благо, улицы в Торонто прямые, с одного конца улицы другой видно, справа и слева переулочки такие же ровные. Иди себе прямо и не заблудишься. Первые месяцы баба Катя доходила до ближайшего перекрёстка и возвращалась назад. Она иногда брала Сару с собой для уверенности: если потеряется, Сара может спросить у прохожих направление.

Ни телевышка, ни огромный торговый центр её не привлекали. Вечерами, когда домашние дела были переделаны, а внучка безмятежно спала, она усаживалась перед телевизором и смотрела русскую программу, идущую через спутник.

Зато в супермаркетах баба Катя ориентировалась быстро. Она сразу, особым чутьём отыскивала мясной отдел, и пока дочка закупала еду на неделю, стояла и любовалась колбасой, фаршем, вырезкой. Потом шла в рыбный отдел посмотреть на диковинных крабов.

Занятый разъездами Пол изредка всё же пытался развлечь тёщу, чтобы той не показалось в гостях скучно: предлагал сводить её на концерт или в бассейн, но напрасно.

– Ну, какой бассейн, не взяла я с собой купальных трусиков, – тёща внимательно смотрела в глаза зятю, но подвоха и насмешки в голубых канадских глазах прочесть не могла.

– Валентина, спроси маму, куда ей хочется пойти? – не унимался Пол. – Предложи съездить в Скай Дом хоккей посмотреть. Просто по городу погулять.

– Мама, Пол спрашивает, ты сама-то куда-нибудь пойти хочешь?

– Нет, устала я.

– Хотите, ма, отвезу вас к замку Каза Нова?

– Я в Москве Кремль видела, так он покрасивей любого замка нового будет. Лучше ребёнку вон сказку почитаю про Чебурашку, – отвечала баба Катя.

Пол удивлялся, но не возражал и не настаивал. Да и как тут возразишь?

Сара бабушку любила больше всех на свете. Пока баба Катя жила в России, внучка постепенно забывала русский язык, дома родители говорили по-английски. Потом, когда бабушка возвращалась, Сара слушала неторопливые сказки и вспоминала. Она представляла себе тёмные леса, снег, живых медведей и волков, а среди этого всего Красную Шапочку и Чебурашку. Холодно и страшно. Так должна была выглядеть далёкая страна Россия.

– Баба, кто такие **пино-неры**? – спрашивала непонятное слово внучка из книжки про Чебурашку.

– Эх, темнота, не **пино-неры**, а пио-неры. Маленькие дети так называются с галстуками. Сначала пионер, всем ребятам пример, а подрастёшь, станешь комсомолец.

Валентина покупала втридорога русские книжки, чтобы бабушке с внучкой было, чем заниматься целый день. Больше всего Сара любила «Винни Пуха».

– Баба, кто такой кролик? Рэббит?

– Кролик, значит, заяц домашний, а не рэббит. Ты ещё Микки Маус скажи.

Ужинали Валентина, Сара и баба Катя вместе на кухне. Бабушка делала отчёт о прожитом дне.

– Играли в этот, в пазл ихний. По карточкам картинку собирать.

– В пазл, – поправляла бабушку Сара.

– Ну, пазл. Собрали, гулять пошли. Сарка мне – баба, купи, говорит, сникерс. Я ей отвечаю, как его купить, я ж не умею сказать-то? Так она, хитрюга, просит: а ты доллар дай, я сама себе куплю.

Бабушка, дочка и внучка смеялись. Хорошо смеялись: громко и весело, как смеются люди, которым быстротечное счастье повернуло своё лицо.

Раз в месяц бабушка писала домой письмо, описывала свою заграничную жизнь единственной подруге, Серафиме Суриковой. Запятые в письмах баба Катя не ставила, боясь наделать ошибок.

«Пока меня не было ребёнок родной язык забыл. Всё хай да хэй. Молодые по делам бегают некогда им. Сарку забросили. Валентина работает много. Платют правда легулярно не задерживают. Жалуется она тяжело ей. Не понимает в компьютерах. На неё смотрют косо. Нет бы человеку помочь она ж поди не кусок хлеба у них просит. Зять по своей торговой части шастает туда сюда. Я так думаю чтоб вы без меня делали? Прибрать я с Саркой посидеть тоже я.

Жизнь тут чужая никогда к ней не привыкну. Вроде и улыбаются они друг дружке а только не верю я им.

А квартира у них хорошая светлая. Но не коператив а снимают. Купить Валентина говорит дорого но копят они. Сарка растёт от меня ни шагу. Баба да баба. А вчера в пазл играли и в карты. Карты вроде пасьянса нашего только колода побольше. Скучаю я по тебе Серафима. Спина опять вступила и ноги побаливают. Купила тебе платок вязаный в супермаркете и костюм лыжный у Пола-рокенрола взяла. В костюме этом зимой не замёрзнешь. Тёплый он подкладка на меху. Уж не знаю когда свидимся. А домой хочу сил нет».

Бабу Катю провожали в аэропорту всей семьёй. Женщины обнимались, плакали. Пол вежливо улыбался.

– Призжайте снова в гости, ма. «Торонто» на языке индейцев означает «место встречи», я сам это недавно узнал из газеты, – рассказывал зять.

Валентина переводила, всхлипывая. Особенно сильно плакала маленькая Сара.

– Баба, ноу, не ехай, не ехай. Там плохо, с нами ещё будь! – кричала она.

– И чего я от вас еду, непутёавя я? – обливаясь слезами, говорила бабушка. – Ну, да не на век расстаёмся. До встречи, Бог даст.

В самолёте она вытирала глаза кончиком платка и ничего не ела. Успокаивалась ближе к пересадке. Здесь, во Франкфурте, она понимала, что теперь осталась совсем одна и надеялась на счастливый случай. Баба Катя отыскивала жёлтую машину на электрическом ходу для перевозки инвалидов. Она садилась в неё без приглашения, она и не знала, что машина эта для инвалидов предназначена, показывала водителю обратный билет.

– В Саратов мне ехать, сынок, домой. Ты уж свежи меня в Саратов.

Франкфурт, 2002

Одесский рассказ

Говорят, половина Одессы уехала в Штаты. По другой информации половина Одессы сейчас в Израиле, другая половина расселилась по Европе, включая Москву и Питер. Получается, в Одессе не осталось никого. То есть, там обитают одни голодные кошки. Так, во всяком случае, считает Сусанна Марковна, женщина нестарая, крупнотелая, и, как ей кажется, ещё весьма и весьма интересная. Чтобы подчеркнуть свою интересную

внешность, она надевает красную шляпу с широкими полями и, когда соберётся выйти из дому, берёт с собой бордовый зонт в тон шляпе.

Про голодных кошек она всякий раз напоминает своим недалёковидным родственникам, которые что ни год приезжают к ней из Одессы погостить на месяцок-другой, вместо того чтобы перестать дырявить людям дырку в голове и переехать во Франкфурт уже насовсем. Недальновидные родственники называют заграничную тётю Сусанночка, делают вид, что слушают её советы, а за глаза зовут Сусанночку «Фрекен Бок». Им так удобнее – остановиться во Франкфурте дешевле у «Фрекен Бок», чем в гостинице. Хотя, конечно, это не лучший вариант. У Сусанночки свои тараканы. Но, если честно, кто будет платить по несколько сотен за одну гостиницу? Рокфеллер? Так что, если два – три дня, то можно и потерпеть.

В первую среду месяца Сусанна Марковна обстоятельно беседует с водителем трамвая, когда едет на встречу с бюрократами из социальной конторы. У водителя тонкие черты лица, длинные пальцы несостоявшегося музыканта и лёгкая седина в волосах. Сусанна Марковна может часами рассказывать за одно только это. Ах, уж эти пальчики. Если судить по ним одним, нам всем давно следовало переменить работу. Сколько тонких и изящных рук портят себе навсегда кожу в кухнях и столовых, сколько длинных ладоней, по которым плачут скрипки в оркестровых ямах, до кровавых мозолей завинчивают гайки и крутят баранку такси! Несправедлива жизнь. Отличие состоит лишь в том, что ко всякому она несправедлива по – своему.

Водитель трамвая думает о чём-то далёком и несбыточном. По лицу водителя бродит задумчивая улыбка, и тогда трудно определить, в хорошем ли он расположении духа. Водителя зовут Павлом. Или Павлушей. Фамилия Кукин, как у известного барда. Сусанна Марковна всегда позвонит Павлуше во вторник вечером перед посещением социаламта.

– Павлуша, вы завтра в какую смену? В первую? Прекрасно, вы меня пару остановок не подбросите? Да? Так я буду ждать на остановке в восемь пятнадцать. Вы уж не опаздывайте. Эти ваши трамваи часто выбиваются из графика. Вы не пробовали говорить с дирекцией?

Сусанна Марковна пропускает несколько трамваев, стоит, оперевшись на зонт. Её фигуру с зонтом и в шляпе можно ставить на постамент рядом с Гёте. К сожалению, Гёте сошёл пару лет назад на три остановки раньше и уже остановился возле Новой оперы, став от времени бронзовым и зелёным. «Фрекен Бок» пока цветёт и пахнет, её цвета красные, бордовые, изредка коричневые. А болотную зелень и усталость жизни оставим на послезавтра, когда перестанут платить нашему человеку пособие.

Наконец она видит в лобовое стекло знакомую голову с проседью. Сусанна Марковна знает про Кукина всё. Так она думает. И в кругу своих знакомых она даже называет Кукина «наш Павлуша». Она знает, например, что он никогда не был женат. Жены не имелось ни в Одессе, ни, тем более в эмиграции, куда половина посёлка Котовского переехала семь лет назад. Ну это, я скажу вам так, если уж в Одессе не нашёл своё счастье, то трудно тебе будет в любой другой точке Земли. Ещё Сусанна Марковна хорошо осведомлена о неудачной учёбе бывшего студента – «нашего Павлуши» в одесском политехе. И знает даже о том, что, бросив учёбу, подрабатывал он кондитером в булочной на Малой Арнаутской. Там, где на кассе Бася Самуиловна до прошлого года продержалась. Потом не выдержала нагрузок, да и возраст не тот, и уехала к сестре в Филадельфию.

– С такими прекрасными данными, как у вашего мальчика, да в наше время, сидеть на нашем посёлке Котовского и не пытаться куда-то пристроиться – это, знаете ли, – объясняла родителям Кукина Сусанна Марковна много лет назад за чаем в маленькой хрущевской квартирке, – это знаете ли, я не знаю... Вы не берите в вашу голову мои слова. Мои слова резкие, просто бритва в горло. Одновременно, я думаю так: это – преступление, что вы делаете с мальчиком. А я говорю, что думаю, а не вкручиваю мозги, чтобы слушать удобнее.

Но родитель пашин, Генрих Семёнович, преподаватель литературы и известный в Одессе переводчик своих стихов с русского языка на украинскую мову, бесплатных

советов не принимал, а за деньги не брал, потому как не имел наличности. Хотите узнать, почему не имел? Так потому же, что не брал бесплатных советов. Вот где казус! Пашина мама находилась под влиянием Генриха Семёновича, тут и говорить не о чем, только тратить здоровье. Молодец Паша, хоть он послушал. Вот результат: он теперь водитель трамвая, а не кондитер задрипанный. Получает хорошую зарплату, уважаемый человек на маршруте и в городе. «Аф ан айгн кинд зайнен ди элтерн блинд» – лучше не скажешь. На собственного ребёнка родители слепы, если вы ещё не догадались.

С полочки всегда передаст маме деньги в конверте в Одессу. Уж про это Сусанна Марковна знает наверняка, у неё везде свои люди. А у людей на голове уши, и, даже, по целых два, и по одному с каждой стороны. И ещё: у людей языки, а у Сусаночки ведь тоже уши. Информация – капитал современной женщины. На чём мы остановились? Ах, да. Наш мальчик всегда для мамы сделает приятное, хоть сколько, хоть малость, хоть десяточку.

Только хорошую девочку никак не удаётся ему найти. А что вы хотели? Слишком уж застенчивый, тихий одесский ребёнок. Так думает Сусанна Марковна и смотрит на спину Кукина. Спина спрятана в мышинового цвета форменный пиджак. Сусанна Марковна вздыхает. В её представлении он всё ещё непричастный к тайнам жизни студент – неудачник. Вы только поглядите на этот серый костюм. Слушайте, нет, кто так одевает людей? Почему не протестует профсоюз парка? Хотя, какое наше дело. Нам дают бесплатный суп, а мы берём. И маленькие, но котлеты. Остальное – не наши мухи.

– Послушайте, Павлуша, а я для вас, как вы думаете, подыскала что? – шепчет она в форменный воротник сзади.

Губы, густо намазанные помадой, складываются в красный кружочек, похожий на маленький спасательный круг, который бросили, Боже мой, в какой уж раз, этому упряму. Держись за него и плыви! Те, кто не упрямились, и за кружочек схватились, не пожалели. Спросите всех в социале. Поговорите с той же Мусей.

Это его молчание не имеет предела. Подведённые брови Сусанны Марковны ползут вверх. Он всегда сидит и молчит, как памятник Утёсову. Так пусть молчит, если у него ударили в голову гены Генриха Семёновича.

Тогда Сусанна Марковна не выдерживает. Спасательный круг вытягивается в две толстые полоски. Предвкушая эффект, Сусанночка выпаливает:

– Прекрасный новый вариант. Девочка-лапочка, у вас глаза на лоб повылезают, когда вы встретите этот блеск!

Теперь она наклоняется и заглядывает в глаза водителя. Физиономия Кукина не меняет выражения, на ней написан скорее скепсис, нежели радость или надежда. Просто не человек, а железный Феликс!

– На сей раз одесситка или опять из Бельц? – наконец соизволяет задать вопрос Павлуша и смотрит в сторону магазина подержанных автомобилей. Здание магазина своим заброшенным видом и пепельным цветом стен напоминает консервный завод с Водопроводной улицы.

На секунду он закрывает глаза и видит себя летящим над Одессой, в сторону порта. Кричат чайки, солёный тёплый ветер бьёт в лицо... Рука сама тянется к круглому колесу, отполированному тысячами прикосновений. Он изо всех сил крутит колесо, звенит звонок. Кукин кричит:

– Куда лезешь? Жить надоело?

Паша с удовольствием бы раздавил пару-тройку пешеходов в назидание другим. Но он быстро берёт себя в руки и лишь бормочет под нос: «Моэль – шмоэль, к-красный пэрэц»!

– Какое у людей невнимание к дороге! Иной раз удивляешься, о чём думать на дороге, как не о городском транспорте, – произносит Сусанна Марковна и глядит сверху на форменный воротник. – У вас такая ювелирная работа, Павлуша. Вас надо давно премировать. Ведь, если авария, и током вас может убить. Конечно, не дай Бог.

Трамвай снова набирает ход, вагон слегка дёргается. Пассажиры, привыкшие осуждать

любое неудобство, тихо обзывают водителя нехорошими словами.

– Да, на чём я остановилась? Нет, Бельцы – прекрасный город, очень гостеприимный. Меня там так всегда встречали! А как меня провожали! Это были народные гуляния. А молдавские вина? Кстати, вы не пробовали «Букет Молдавии»? Так вот, моя невеста для вас – настоящая одесситка по духу, хотя и родом с Кишинёва. Я на неё как взглянула, думаю, она создана для вас! Верная, никаких там туда-сюда налево, – Сусанна Марковна начинает громко разговаривать, одновременно загибая пальцы, – Не курит, ни одного слова грубости-хамства, ни одного аборта...

– Говорите уже за родителей? – деловым тоном спрашивает Павлуша.

– За родителей? Вам на ком жениться? Мои невесты стоят больше прое-данного их родителей. Заметьте себе, не при-даного.

– Я з-з-запомню эту мысль.

– Я говорю, родителей увидел на свадьбе и – до свиданья.

– И это запомню. Однако, уже говорите за папу.

– Хорошо. Несколько лет назад, был порядочным человеком, и с кем попало за один стол он бы не сел. Папа был учитель английского, теперь работает в уличной коммерции на Староконном.

Сусанна Марковна не любит этих прямых вопросов. На них у неё не хватает заранее заготовленных ответов.

Колокольчик звенит, трамвай дёргается. Кукин вспоминает Привоз и наглых кавказцев.

– Я не против коммерции, но ваш папа мне уже не нравится.

– Вы так беспощадно к людям говорите, Павлуша, а с этого человека даже не берут за лоток как с инвалида труда.

– Так он ещё и инвалид?

– Вы что, первый день замужем? Он здоров, как лошадь. Но он умный человек, и у него, если хотите знать, на Староконном работают его же ученики. Они с ним иногда здороваются и прощаются по-английски...

Из-за поворота под мостом Галлусварте выныривает встречный трамвай. Паша и водитель встречного одновременно поднимают в приветствии правую руку.

– Ну, вы же знаете, я всегда для людей ищу кого-то. Так вам разве угодить? – картинно обижается Сусанна Марковна. Под стук колёс и шипение открывающейся двери брови её снова ползут кверху. – Зайен Зи гезунд, Павлуша.

Сусанна Марковна ходит напротив большого, светло-серого пятнадцатипятиэтажного дома. В этом здании у неё сегодня обязательное ежемесячное рандеву и возможности общения, способ завести новых знакомых. Короче говоря, там её жизнь. Она накреняет собой подножку и идёт по улице величавым шагом, не обращая внимания на светофоры. Машины останавливаются, чтобы пропустить её. Она опирается на зонт, как в старину странники опирались на посох.

Путь её не долог, от силы, две минуты. Её жизненный путь уже прочерчен, и он имеет своей конечной остановкой сие серое бетонное учреждение. Сусанна Марковна идёт забирать положенные ей законом деньги. И размышляет негромко вслух.

– Кто только написал этот замечательный немецкий закон, чтобы помогать хорошим людям? Добрый человек. Почему о нём никто не знает? На посёлке говорили:

»Отечество славлю, которое есть, и трижды, которое будет!»! Таки теперь и славлю. Вот ты начинаешь жить прилично, так не хватает лет. Аз эс кумт цум лебн, стайте нит кайн йорн.

Когда-то уже давно, на третий месяц после своего возникновения в городе на Майне, Сусанна Марковна сидела на пластмассовом стуле напротив герра Ратенау, он выписывал бумаги, заносил что-то в компьютер и смотрел сквозь монитор голубыми глазами. Сусанна Марковна осмелилась сделать первые попытки самостоятельного общения по-немецки. Несчастный Ратенау, немного говоривший по-русски, многими переселенцами использовался для языковой обкатки.

-Зи! – показала она пальцем на Ратенау. – Гутер штандартенфюрер.

Такое начало беседы привело Ратенау в замешательство, ибо каждому известно, что с наследием нацизма покончено, а факты биографии родителей не принято обсуждать

открыто. Или, может она что-то про них знает? Нет, бред. Ратенау отогнал нехорошие мысли и резко оторвал лицо, украшенное ленинской бородкой от бумаг, словно ему плеснули в них водой. Потом улыбнулся улыбкой автомата. Сусанна Марковна выставила перед компьютером кулак, большой палец отогнула вверх. – Зер гутер хер! – Сюзанна, эта фремена прошли, – покачал головой служащий социальной конторы. – Ну, хорошо, хорошо, зай гезунд!

С тех пор между ней и Ратенау установились тёплые отношения. Сегодня Сусанна Марковна расскажет ему о встрече в трамвае с «Павлушей», Ратенау послушает, возьмёт её за руку и скажет:

– Сюзанна, мне надо работат, времяя.

Чиновник постучит ногтём по циферблату дорогих часов.

– Времяя. Тик-так.

– Не «времяя», а «время», – чётко и громко послышится в ответ, – сколько я бьюсь с тобой. Время. Запомни ж ты уже. Без мягких знаков после «м»!

Этот разговор произойдёт через сорок минут. Сейчас Сусанна Марковна вышагивает по асфальту и думает про Кукина разные мысли, вспоминает старые времена, красивого диктора Кириллова на пляже Ланжерон. Ну вот, потерялась мысль. Ах, да, Паша. Она уверена, что Паша ещё мальчик. Ну, пусть не мальчик. А неопытный молодой человек.

А ему уже тридцать пять. Из них семь эмигрантских лет. Оказавшись во Франкфурте и проскучав пару месяцев на пыльном диване, Кукин верно рассудил, что такая жизнь не принесёт работы и хлеба, а принесёт полный гембель и вырванные годы. Скромные знания, полученные в одесском политехе, не находили применения. В отличие от Сусанны Марковны к Паше господин Ратенау не проявлял добрых чувств. Он во вторую же встречу холодно предложил ему курсы немецкого языка и заявил, что по их окончанию искать работу надо немедленно.

– Времяя – денги.

– С-спасибо, я запишу эту мысль, – ответил понуро Кукин Ратенау.

Но уже через год Паша устроился в трамвайный парк водителем. Как ему казалось, ненадолго. В трамвайном депо как раз искали людей. Он быстро овладел искусством управления подвижным составом, стал лихо крутить специальное колесо для регулирования скорости трамвая и разъезжать по улицам города в сером форменном костюме.

Одиннадцатый маршрут во Франкфурте похож на одиннадцатый маршрут в Одессе. Идёт трамвай тоже мимо вокзала, а потом выезжает на неопрятную и шумную Майнцерландштрассе. А в Одессе одиннадцатый идёт на Дальние Мельницы с заездом на Водопроводную улицу. Странное совпадение. Где мы живём? То бишь, где мы едем, спрашивается?

Паша вспоминал Ратенау без сентиментальной грусти. Ратенау оказался жёстким, даже жестоким по отношению к тем, кто, как считал немец, мог работать. Прямо майор Вихрь, а не служащий социала и помощник переселенцам.

На одиннадцатом маршруте ходили всё ещё старые модели трамваев, где водителя не отделяет от пассажиров перегородка из стекла. Столько бывает за день народу! Если не смотреть исключительно на рельсы и скосить взгляд слегка на бок, отыщешь в толпе симпатичное женское личико.

«Чем я могу вам помочь? Я предполагаю, вы не совсем уверены, где лучше сделать остановку? Я чувствую, вам хочется сойти сейчас и уйти, куда глаза глядят. Правда, ведь? Вы не уходите. Я могу запутаться в проводах и рельсах, мне так будет грустно без вас. Мы можем встретиться в спокойной обстановке вечером и поговорить за мои и ваши дела, погулять по шпалам нашей жизни...»

Паша не знал, как другие заводят трамвайные знакомства. Он каждый раз стеснялся и разговаривал всё больше сам с собой. Выстраивал монологи, но не применял их на практике, а только в теории. Гнал мысли прочь. Что будет, если приманка сорвётся. Познакомиться, заговорить первому, трудно. Начинаешь краснеть и заикаться. Нет, с этим заиканием положительно надо что-то делать.

На Майнцерландштрассе Кукин собирался и внутренне напрягался, словно охотник, подбирающийся к лежбищу морских котиков. На Майнцерландштрассе трамвай ломился от бывшего советского люда. Возле социальной конторы, где чиновники раздают нуждающимся деньги, он делал объявления медленно. Постукивал тонкими пальцами по приборному щитку, рассматривал в зеркало входящую и выходящую публику. Иногда Кукин поглядывал в свою небольшую серую записную книжку, мелко исписанную названиями, делал объявления, стараясь не заикаться и правильно выговаривать длинные немецкие слова.

– Вы всегда очень деликатно называете остановки, Павлуша, – говорила, бывало, Сусанна Марковна, – диктор Левитан не сумел бы. Вы не пробовали сходить на телевидение? У меня в восемьдесят третьем году чуть не завязался роман с диктором Кирилловым... Я была привлекательна и молода.

– А что Кириллов?

– А что Кириллов? А то вы не знаете? Он и подавно. Мы бы могли быть прекрасная влюблённая пара. В моей голове он такой и остался, пусть ему передадут мои слова. Как-то раз осенью, когда Майнцерландштрассе не просыхает от воды, люди спешат по делам с зонтами, а магазин подержанных автомобилей несёт убытки, Сусанна Марковна вела свой обычный трамвайный разговор. Паша в хорошем настроении, он насвистывает мелодию, мелодия привязалась, не выходит из головы. Кукин даже попытался сыграть её дома на старом расстроенном польском пианино «Балтер», купленном с рук.

«Фрекен Бок» уже рассказала Павлуше сплетни с посёлка Котовского и новости жизни во Франкфурте, поделилась интересными деталями из жизни общих знакомых и друзей её бурной молодости.

– Как вы всюду успеваете? – удивляется Кукин и свистит свою новую песенку.

– А как иначе. От стенокардии мне врач прописал ходьбу.

– Вы горите, как вечный огонь в парке Шевченко, с утра до ночи.

– Этот комплимент, Павлуша, у меня застыл в ушах, словно роза. Но и я не останусь вам в долгу. Есть прекрасная девочка. Пальчики оближите. Мне сейчас сходить, но я дам вам телефон. Закончила школу Столярского. Сейчас – в местной музыкальной школе. И их папа – не на рынке.

Трамвай стоит на остановке с открытыми дверями. Народ проявляет обычное недовольство.

– Сусанна Марковна, я могу долго держать трамвай на остановке, но что скажет за моё держание трамвайный парк?

– Короче: на лицо шикарный ангел. Играет – Шопен бы в обморок упал.

Сусанна Марковна останавливается в дверях и поворачивается к водителю.

– Сусанна Марковна...

– Хорошо. Не станем переходить к десерту. Ещё горячего не подали.

Трамвай слегка покачивается, чувствуя, что одна колонноподобная нога с передней подножки поставлена наконец, на асфальт. Пассажиры облегчённо вздыхают. Но не тут то было. Бордовый зонт влезает с улицы в трамвай, и не даёт дверям захлопнуться.

– Вы вечером наберите мне сами. Моя работа для вас не стоит денег, а звонок стоит маленьких, но денег. Запомните имя – Соня Зюскинд, а лучше запишите.

Вечером Паша набирал номер Сусанны Марковны, а через полчаса звонил Соне Зюскинд. Трубку долго не снимали. А когда сняли... Нет, хоть и редко, Сусанна Марковна ещё что-то может подобрать. Голос у Сони оказался приветливый даже нежный. С вами мы можем поработать, решил Кукин про себя.

– У в-в-вас такой приятный голос, – поспешил сделать комплимент Паша, слегка заикаясь, – я слышу в нём беззащитные нотки. Н-наверное, в-в-вам необходима помощь? Давайте встретимся.

– Понимаете, Паша, – ответила трепетная Соня, – хотя мне и рассказывали о вас массу чудесного, но мне надо заниматься. Сегодня много работы. Ведь я – пианистка. А папа говорит, пальцы требуют тренировки и упражнения, вот и стругай по клавишам.

Позвоните через неделю. Папа тогда уедет.

– Я дико извиняюсь, буду готов ждать и месяцы и г-г-годы, – сказал Кукин. – Вы пока стругайте.

Но когда в трубке раздались гудки, то добавил:

– Ваши пальцы пахнут ладаном... Тебе шнурки ещё погладить, братья Стругацкие? Бросил трубку, чертыхнулся и поклялся никогда больше по этому номеру не звонить. Открыл крышку «Бальтера» и стал наигрывать свою неотвязчивую пьеску. Какая-то студентка, какой-то голый ноль в пустом месте морочит голову серьёзному человеку, водителю, мозэль – шмоэль.

Кукин вообще недолюбливал студентов, считал людьми несерьёзными, а их разговоры про зачёты и лекции будили в Кукине неприятные воспоминания о собственных заваленных экзаменах.

Вдобавок ко всему, мысль о незаконченном политехническом образовании ранила в самое сердце тщеславие родителей. С незаконченного образования начались неурядицы и скандалы в семье... Однако Паша перезвонил, хотя и предполагал, что ничего хорошего выйти не может. Через неделю решил и снял трубку.

– Я д-д-дико извиняюсь, вам рассказала Фрекен Бок, пардон, Сусанна Марковна, мне уже необходимо с вами встретиться и начать наше знакомство.

Трубка молчала, потом с неохотой ответила:

– Понимаете, Паша. У меня много работы.

– Как чувствует себя ваш з-з-а-амечательный папа? Он не простудился?

– Хорошо, что не простудился и уехал. Если вы так настаиваете... Потом мне наговорили за вас столько чудесного, так, если вы настаиваете, мы можем встретиться.

Голос действительно многообещающий. Паша плыл на волнах её голоса. Соня должна была быть стройная и трепетная, как молодая коза.

– Я рад за нашу встречу. Где вам удобно?

– Я таки теряюсь. Тогда на моём концерте. Завтра. В семь вечера, в музыкальной школе.

– Д-диктуйте адрес, я записываю, – произнёс деловым тоном Кукин, словно врач, выезжающий к больному. Он боялся, что Соня передумает.

«Будем надеяться, ваш папа не простудится и не вернётся раньше времени», – подумал водитель трамвая, вешая трубку на место. Он потёр руки и направился к пустому холодильнику, скорбно урчащему голодным нутром на кухне.

И вот настал день встречи. Паша долго ехал со смены, синий форменный галстук менял прямо в трамвае на чёрный, парадно-выходной. «поменял форменный на фирменный», – обрадовался Кукин новому каламбуру. Однако, нацепив «фирменный», по непонятной причине стал волноваться, потом решил вдруг выйти из трамвая, купить цветы. Но, к счастью, вовремя передумал.

Он явился на концерт поздно, когда выступление уже началось, и входные двери закрыли для посторонних.

Краснокирпичное здание, похожее на здание школы, в которой когда-то на Комсомольской улице учился школьник Кукин, выглядело недружелюбно – подозрительно. Вход нигде не был обозначен. Единственная дверь без ручек, обитая снаружи железом, оказалась закрытой изнутри. Кукин постучал в неё. Ответа не последовало.

– К дверям не будем прислоняться, чтобы не сделать защемление, – сам себе сказал Кукин. Он походил вокруг здания – двойника школы с Комсомольской улицы, искал другую дверь или афишу концерта. Но не нашёл ничего и решил, что перепутал адрес. Тут на глаза ему попала дверь-не дверь, а заваленная хламом и досками калитка. Над калиткой имелась ржавая табличка с изображением бегущего от огня человечка. «Пожарный выход», – догадался Паша, разбросал в стороны доски и вошёл.

Посмотрим, чем пахнет Соня.

Сперва пахло гнилыми досками, в коридоре отсутствовало освещение, пришлось идти на ощупь. Из темноты приглушённо, словно шум моря, доносились звуки фортепиано.

Кукин пошёл на звук, как путник, сбившийся с дороги, идёт на далёкий звук проехавшего автомобиля. Между тем, звуки фортепиано усиливались. Значит, верная дорога, куда-нибудь да выведет. Звуки игры были нервные, потом вдруг становились трогательными, похожими на стоны больного или плач кошки. Впрочем, острым слухом Кукин не отличался. Наконец в темноте водитель трамвая сумел найти ручку двери, из-под двери пробивалась полоска света. Ему захотелось повернуться и уйти, но вместо этого он поправил парадный чёрный галстук на груди и толкнул от себя дверь. Музыка слышалась совсем отчётливо. Её прервал звук упавшего на пол предмета. Предмет грохнул об пол. Игра оборвалась, и стало тихо.

Препятствием на пути Кукина оказался большой щит фанеры, прикрывавший пожарный выход. Его Паша по неосторожности задел, когда зашёл на сцену через пожарную дверь. Фанера имела приличные размеры. Паша начал поднимать фанерный щит, вдруг тот вырвался из рук и с ещё более страшным грохотом полетел на пол. В зале раздались голоса, кто-то захлопал в ладоши. Со второй попытки Кукин сумел пристроить фанерное препятствие в углу. Теперь Паша стряхнул пыль с пиджака и штанин, вытер галстуком лоб и осмотрелся. Перед ним стояли ряды кресел, на которых тут и там сидели немногочисленные зрители. Зрители по большей части обрадовались появлению Кукина в зале. Так школьники на уроке радуются появлению постороннего.

Некоторых зрителей Паша встречал раньше: в трамвае или у знакомых. Сбоку стоял громадный чёрный рояль. Крышка его была открыта, и от этого рояль казался ещё больше. Вот – вот крышка захлопнется, проглотит маленькую пианистку в чёрном платье. На груди платье имело приличных размеров вырез. В сторону выреза Паша направил свой взгляд в первую очередь. Потом осмотрел остальное. Пианистка с пухленьким, детским лицом подняла бровки и упёрлась в Кукина большими, оленьими глазами. В глазах её застыл ужас. Паше показалось, что сейчас она начнёт плакать. Только не хватало, чтобы она истерику закатила, подумал он и постарался придать своему лицу дружелюбное выражение. В позапрошлый раз было примерно такое. – Здравствуйте Соня, а вот и я, Паша, – произнёс Кукин тихо, наклоняясь к самому Сониному уху, чтобы только она одна могла услышать.

Пианистка в ответ захлопала ресницами, её руки висели вдоль тела. Паша посмотрел на руки, на ресницы и на глубокий вырез и подумал, что всё-таки школа Столярского умеет отбирать кадры.

– Вы играйте, играйте. Я просто не в ту дверь вошёл. Не надо обращать внимания, – успокоил так хорошо, как только умел, Соню Кукин.

Затем он собрался и крикнул в зал:

– П-п-проверка пожарной с-с-сигнализации! Всё в порядке! Можно продолжать концерт!

– Смотри, он пожарником устроился. Ты бы тоже попробовал, а не дома сидел, дурака валял, – заметил знакомый женский голос с заднего ряда, обращаясь к кому-то назидательно.

Кукин осторожно спустился со сцены и, стараясь не привлекать к себе особого внимания, прошёл вглубь зрительного зала. Там он помахал рукой ветеранам социала, Роману Львовичу и его жене Мусе. Муся совсем постарела, отметил он про себя.

Жалобные звуки вновь полились из-под крышки грубообразного инструмента. Магия музыки.

Паша присел в самом углу и, как говорят в Одессе, «с лимонной мордой» стал терпеливо дожидаться окончания концерта.

Получилось, конечно, неловко. Фанера эта грохнулась, словно гром среди ясного неба, хорошо никого не раздавило. Пожарная безопасность, ещё называется. Однако же и сильно не надо расстраиваться. Концерт бесплатный, сидят все свои. Ну, произошла техническая накладка. На такие концерты Сусанна Марковна всегда вербует народ, как раньше на партсобрание. Все вокруг знакомые или дальние родственники, не знаешь, кого больше бояться. »Переживёшь, Соня-друг«, – сказал себе Паша и перевёл глаза с фигурки в бархатном платье на стрелки своих часов.

Соня разогналась, пальцы её забегали живее по клавишам.

– Уже лучше. Я тебе говорила, это будет что-то, а ты не верил, говорил, лапша на постном масле, – прокомментировал Мусин голос сбоку. – И, смотри у меня, Рома, узнай у Павлуши за пожарную команду.

Фортепиано вдруг разом стихло. Сонины руки вновь бессильно упали, и зрителям стало страшно, вдруг артистка забыла доиграть последнюю страницу. Руки висели без движения, доигрывать никто не собирался. «Затихла, как на картине «Смерть Марата», если ещё голову вбок наклонить, то будет похоже», – подумал водитель трамвая.

– Конец уже этой саге за Форсайтов? – прошипела Муся, обращаясь то ли к супругу, то ли ко всем зрителям.

– Доехали с остановками, – ответил ей мужской голос.

Сусанна Марковна встала со стула и обернулась к залу.

– Хлопайте давайте. Я так чувствую, это конец.

Слушатели встали и оживились, громко стали бить в ладоши. Все были горды собой, что досидели до финала, и можно уходить домой.

Сусанна Марковна закричала «Браво!» Теперь настала её очередь. Она, словно дирижёр, повернулась спиной к Соне и взмахивала руками – командовала аплодисментами.

– Однако, где вы нашли эту прелесть? – спросила Муся.

Вместо ответа, дирижёр крикнула:

– Тихо! Через пятнадцать минут второе отделение. Двери я закрыла. В туалет сходить можно на двор. Ключ брать у меня, выходить по одному!

– Слушайте, Сусанночка, так нельзя. У меня после этого бедлама голова болит уже. И Рома – больной человек...

В зале поднялся лёгкий шум. Но организатор концерта оставалась непреклонна. И Паша пошёл раскланиваться со знакомыми и малознакомыми зрителями. Подошёл к Сусанне Марковне.

– Так рада, что вы пришли, Павлуша, а то придут и сразу драпать, – заговорила она. – Но вы, умница! Главное, какой эффект появления! Вы произвели взрыв. У меня перехватило дыхание в лёгких. Я даже подумала, жалко, что вы не конферансье.

– К-какой из меня к-к-конферансье?

– Вы, знаете, когда я познакомилась с диктором Кирилловым, я тоже так подумала. Какой из тебя конферансье? Так ведь работает, читает с бумажки. Ему там пишут. А Сонечка? Ростропович с Вишневской! Идите к ней, тут все наши уже предвкушают ваше первое свидание.

Кукин решил пойти поискать ту, ради которой здесь появился. Но Сони, будто след простыл. Он попросил у Сусанны Марковны ключ и вышел на улицу. Там начинал моросить дождь. Паша решил, что искать человека в шикарном платье под дождём было бы глупостью. А вдруг он её найдёт на улице, а она вышла в туалет? Иди знай. Пришлось вернуться и встать поодаль, чтобы не подвергнуться расспросам малознакомых, но таких любопытных людей с посёлка.

Сусанна Марковна громко рассказывала «за одесскую звезду», о её талантах и трудолюбии.

– Я помню, всегда шпана у нас в доме стёкла бьёт. Поймаешь такого, ведёшь к родителям. Веди к отцу, я сказала. А Сонечка сидит, играет. Дома и дома. Серьёзная музыка, не знаю, как называется, вроде Шопена, похоронный марш. Зрительницы почтенного возраста закивали головами. Паша решил вернуться на сцену и пройти назад к пожарному выходу.

В полумраке коридора он различил доску с торчащими гвоздями. Кукин перевернул доску и искал, куда бы её убрать. В этот момент он услышал тихий плач рядом с собой и догадался, что это Соня. Она стояла, уткнувшись головой в стену, черное платье сливалось с чёрной же стеной, только белые плечи едва проступали. Плечи вздрагивали. Паша с доской под мышкой подошёл сзади и опустился в темноте на предмет мебели, напоминавший кухонный шкаф.

– С-соня, я дико извиняюсь. Вы от радости плачете или от меня?

Пианистка замотала головой.

– От меня? Ну, так получилось. Н-ну, зачем же вы плачете, как, ей Богу, ребёнок? Вы играли з-з-замечательно.

Соня быстро подняла лицо и обернулась. Два раскрытых заплаканных детских глаза смотрели из темноты на водителя одиннадцатого маршрута. Глаза её оказались совсем рядом, и запах дорогих духов смешивался с запахом пота.

– Вы... Вы, что вы понимаете? Ни черта не понимаете. Пришёл, испортил мне концерт. С-с-соня, с-соня! – передразнила она. – Убирайтесь, никого, не хочу видеть.

Если минуту назад Паша хотел успокоить, утешить пианистку, то теперь это желание пропало.

Кукин даже несколько опешил от такого напора злости и разозлился в ответ.

– Вам на минуточку не с-стоило говорить последней фразы. Вы мне и не нужны на мою голову!

Рот его передёрнулся, он развернулся, положил доску гвоздям вверх и вышел из тёмного пространства на сцену.

Кукин подошёл к раскрытому роялю, остановился и стал наигрывать мелодию, которую пытался сочинять дома и в трамвае. У него снова ничего не вышло, пришлось закрыть крышку и сойти вниз.

И сразу же он оказался в объятиях Романа Львовича. Старичок на костылях и без одной ноги смотрел сквозь толстые стёкла в пластмассовой оправе и часто моргал.

– Здравствуйте, дорогой мой. Как ваши дела? Расскажите за родителей!

– Спасибо, вам большой привет, дядя Рома.

– Ну, вы познакомились с Соней? Тут все уже только этого ждут. Как вам она понравилась?

– Да, никак.

– Вы что, уже успели поругаться? Она умудрилась вам сделать проблемы? Так может, оно и к лучшему.

Паше не хотелось ничего говорить, но и врать больному раком милому старику не хотелось. Он рассказал Роману Львовичу, как всё получилось.

– Не переживайте, Павлуша. Мы свои люди. Отнеситесь к этому как старый моряк к блохам. Пусть себе кусают.

– Я и отношусь, – ответил Кукин.

– Ну, и прекрасно. Мы вас все знаем и любим. Пришли посмотреть, какую девочку Сусанна Марковна вам подыскала. Муся не может отказать Сусанночке, вы же знаете. Так вы говорите, девочка оказалась швах. Прекрасно. Слушайте старого человека, кто должен расстраиваться, вы или девочка? Пусть сперва играть выучится. Я прав?

– В-вы таки правы, – произнёс Паша и улыбнулся.

– Скажу больше, когда девочка неуверенно ставит пальцы на клавиши, кто вам даст гарантию, что она завтра не испортит вам первого блюда?

– Н-не понял.

– Не поняли. Хорошо. Смотрите прямо сюда. Когда женщина бездарна, то бездарна во всём. Вы меня не убедите, что, плохо играя и плохо делая холодный салат под шубой, эта ваша Соня сделает человеку радость в тёплой постели.

– Такая мысль мне уже начинает нравиться. Я её запишу.

– Боже вас упаси записывать. У меня уже записано.

Роман Львович с трудом вынул из нагрудного кармана пиджака небольшую белого цвета книжечку.

– Лучше вы приходите завтра вечером к нам с Мусей на чай, и вы, так и быть, имеете две моих книги «Афоризмов посёлка Котовского» от Гершковича по цене одной...

Тут погас свет, и Сусанна Марковна скомандовала:

– Второе отделение, всем сесть!

Раздались первые аккорды.

– Иди сюда, Рома, – закричала Муся. – Где ты, горе моё?

– Я здесь, моя рыба, уже лезу через голову, – громко ответил Роман Львович, продолжая стоять, как ни в чём не бывало.

– Потом, признаюсь вам, как одессит одесситу, Муся тоже не великий талант, – с

таинственным видом шёпотом произнёс сочинитель афоризмов, – но умный человек сделает и из навоза конфетку.

– В-вы таки положительно правы, моэль-шмоэль, к-красный пэрэц, – улыбнулся Паша. Он пожал старику сухую руку и хотел сесть на своё место в углу, но тот не выпускал ладонь.

– А если я прав, то завтра в девять вечера жду на чай. У нас с Мусей в гостях сейчас один оччень-оччень прекрасный вариант. Мусин двоюрдный брат Зяма из Иерусалима с дочкой свалились нам на голову. Так этот Канцлер попросил найти для его девочки молодого человека...

– К-канцлер?

– Зяма Канцлер из Иерусалима. Я сразу решил, вы не сможете отказать. Кто в Германии может отказать человеку по фамилии Канцлер?

И в ладонь Павла была всунута свёрнутая несколько раз купюра мелкого достоинства.

– Где ты есть, горе моё? – повторно раздался зов.

Тот, кого называли «горем», развернулся в три приёма на месте, словно старый корабль и пошёл на своё место. Фигура старого одесского пирата доковыляла в темноте до кресла и была усажена общими усилиями первых двух рядов. Соня снова прервала игру. Пользуясь заминкой, Паша убрал бумажку в кошелёк.

– Это таки веский аргумент, – согласился водитель про себя.

При написании рассказа использовались все подручные средства. Любые совпадения имен, ситуаций и событий являются случайными.

Франкфурт 1999-2007

Часики Буша

Отважным уроженкам города Томска посвящается...

Ленка собирала к себе гостей со смыслом. Сейчас у неё и у Шалвы не самые лучшие времена. Шалва пока работает грузчиком в мебельном, она – из дому работает, делает телефонные опросы, получается, правда, немного, а всё лучше, чем безработной сидеть.

Шалва давно уже собирался открыть свой бизнес – заняться контейнерными перевозками, только без связей никуда...

Вот и решили собрать бывших Ленкиных подруг по университету: Машу, Галю из Мюнхена, ну и ещё пару человек пригласить. Главное, чтобы приехал Галин муж Серёжа, крутой бизнесмен. На него вся надежда, из-за него весь сыр – бор.

Ленка вышла замуж несколько лет назад за Грегора, немецкого студента, потом с ним развелась, как только визу дали, теперь вот живёт с Шалвой.

Однажды в одном путеводителе Ленка прочитала, готовясь к поездке, что город Штутгарт – важный мегаполис Германии, поскольку его население почти полмиллиона человек, а ещё там есть два университета, штаб-квартира «Мерседеса», «Порше» и так далее...

Сюда и занесло её, студентку филологического факультета. Приехала она тогда с одной сумкой из далёкой Сибири с неясными надеждами и предвкушением совсем новой жизни. Родной город был совсем дыра, да и теперь не лучше. Хотя тоже ведь город с полумиллионным населением и с известным в России университетом и даже представительствами двух СП: «Васюган – Фракмастер – Сервисиз» и «Вах – Фракмастер – Сервисиз»*. Подруги Ленке завидовали: молодец, что вырвалась. Вначале ей всё на новом месте нравилось и восхищало: начиная широкими и ухоженными автобанам и заканчивая табличками на дверях магазинов с изображением собаки: «Я должен остаться снаружи». Потом пришло отрезвление. Грегор оказался порядочным занудой, с аморфным характером. Пил пиво и смотрел

телевизор вечерами. Развлекался тем, что смешивал разные сорта пива и дегустировал смесь через трубочку. Других хобби и увлечений не имел. Работал в бюро, писал там какие-то письма. Получал, правда, прилично. Но деньги всегда зажимал.

Ленка немного от такой жизни затосковала, тут и вспомнила она про Машу, давнюю подругу, немногословную и преданную. И решила заманить её к себе. Чтоб хоть было с кем поговорить. Маша Макарьева, студентка филологического факультета, была рыжая, чуть полная и медлительная. Ещё у неё имелся один изъян, на первый взгляд не значительный и малозаметный: Маша не умела, вернее сказать, слабо могла различать запахи. Но ведь и так понятно, что обоняние – тонкая штука. Без него можно прожить, если слишком во всё не внюхиваться, не воспринимать Зюскинда с его книжкой всерьез, а просто верить в существование ароматов.

Она приехала по протекции Ленки работать опер–мэдхен, то есть гувернанткой в немецкую семью. Семья хорошая: отец архитектор, мать учительница, двое детей и свой дом.

Ленка всё Маше поначалу рассказывала, объясняла, как тут чего и почему. Вводила в курс дела. Про Грегора старалась плохого не говорить.

– Мой Гриша – сущий гений, недавно выпил банку пива, а потом ножницами и перочинным ножиком вырезал из банки профиль нашего хаузмайстера.

– Кто этот хаузмайстер? – спросила Маша, хотя Ленка уже пару раз ей о нём рассказывала.

– Ну, Машка, дырявая башка! Этот герр Кляйне следит типа за чистотой в доме. Похож на Пушкина.

– Ах – это Кляйне, который похож на Пушкина!? – Маша цеплялась за брошенную подругой подсказку, как за соломинку.

– Ну.

– А-а.

– Так, я и думаю, я Гришиного Пушкина маме в посылку вложу. Мама ж у меня русский ещё преподаёт, а ей для оформления кабинета нужно...

Потом, когда совсем невмоготу стало, у Ленки будто сорвало стоп-кран: звонила Маше каждый день, жаловалась на Грегора, плакала. Развёрнутые картины недостатков мужа пестрели метафорами и гиперболами. Ближайшая цель – развод, основное осложнение на пути – проблема с визой.

– Ты выждидай, учила Маша, – вида не показывай. Чтоб он не заподозрил... А как визу дадут, так и тикай.

– Он уже, гад, заподозрил. Видеть его не могу, фашистская морда, – ревела Ленка.

– Вот же ситуация, – размышляла вслух верная подруга. – А чего раньше?

– Чего раньше? – плакал в ответ голос в трубке.

– Ну, ты ж говорила, он и по-русски понимает, и родная душа, Пушкина маме из банки вырезал, – пыталась разобраться Маша.

– Раньше! – кричала Ленка сквозь слезы. – То раньше было! Русский сразу забыл, потому что ехал в Томск не язык изучать, а жену искать. Задачу выполнил. Получил, чего хотел. Ласку, тепло и уют.

– А характер, характер ведь у него добрый?

– С таким добрым характером, ...знаешь... кто с таким характером живёт? Простейшие существа, типа амёбы, типа инфузория, блин, тифелька.

Поревев вдосталь, Ленка успокаивалась, отводила душу и терпела. После того, как истёк семилетний срок, и Ленка получила долгожданную визу, мужу – недругу был нанесён решающий удар: Ленка на следующий же день подала на развод, получила вскоре справку об аннулировании брака и вышла с ней в новый мир, щурясь, как обитатель барака, идущий из плена.

К тем злосчастным и трудным временам относилось её увлечение Максимовым, студентом историком. С ним был короткий, непонятный им обоим роман. У Ленки от безысходности, у Максимова – само собой, он и не хотел особенно.

Через Максимова она познакомилась с Шалвой. Теперь вот они живут друг с другом

больше года и души друг в друге не чают.

С Шалвой решили они так: пригласить надо на ужин Машу, Максимова, Галю с Серёжей обязательно. Шалва подумал и сказал:

– Ещё Черепа надо. Череп, он не дурак, как ты говоришь. Он мой коллега, перед шефом никогда не подставляет. Пусть тоже придёт, я ему уже обещал.

– Зачем нам Череп этот твой. Он во вторник у нас был. Чтоб он напился тут опять при Серёже?

– Он мне друг, мы вместе с ним на разгрузке стоим, я обещал, – настаивал Шалва. Пришлось согласиться на Черепа.

Первой пришла Маша, через пять минут следом Максимов. У Максимова под мышкой торчал огромный свёрток.

– Вот, подарок, – развернул он бумагу.

– Мамочки, кто это? – вскрикнула Ленка, увидев синий глаз и клюв, торчавший сквозь газеты.

С недавних пор у Максимова появилось неожиданное увлечение. Он скупал на интернет-аукционах «ЕВАУ» предметы времен Третьего Рейха. Вот и сегодня он принёс с собой недавно приобретённое произведение.

– Это вам, – гость развернул полностью бронзового орла с прямыми крыльями, упирившегося лапами в свастику и пояснил, – повесите его в гостиной или на подставку можно. Украшение в каждом порядочном немецком доме.

Маша знала, что Максимов пишет какую-то диссертацию и поэтому здесь живёт по временной визе на правах студента уже много лет. Ходил Максимов всегда в застиранных рубашках, носил бородку и много курил. На бледном лице его горели глаза, большие и красивые, словно взятые с картин эпохи «Югендштилль».

– Сколько же он стоит? – спросил Шалва и попробовал подцепить ногтём свастику.

– Подарок, неважно.

– Древний орёл, да, старинный?

Древний орёл глядел одним глазом, давая понять, что со свастикой не расстанется. Прошли в комнату.

Максимов действительно был зачислен на исторический факультет местного университета, хотя уже закончил историко-архивный в Москве. В Москве он изучал историю тридцатых годов, «занимался репрессиями», шутил он. Здесь в Штутгарте он писал диссертацию о роли Красной Армии в освобождении Германии и пытался открыть этой работой немцам глаза на историческую правду.

Германию Максимов не любил, вернее презирал. Относился к немцам вообще и к политическим партиям в частности, как к продавшимся американцам. Бубнил об этом всем подряд, чем неоднократно шокировал преподавателей, достаточно терпимо относившихся к иностранным студентам, но плохо переносивших плевки в сторону демократии. Максимова мучил бес отрицания, любой разговор он сводил на болезную тему, распалялся. Говоря по-русски, переходил на крик: «Продажные твари, блин, волки» и делал ударение на «и» в слове «волки».

Шалва пошёл переодеваться, надел свой лучший костюм и галстук, стол уже ломился от еды. Когда пришёл Череп, стали садиться. Галя позвонила, чтобы не ждали, она ещё в пути. Есть хотелось, и решили начать без Гали и Серёжи. Шалва внёс металлическую бензиновую канистру, открутил пробку. Череп покрутил пробку возле носа, понюхал.

– Мы что бензин пить будем? – спросил он и засмеялся

– Бензин, – ответил Шалва, – заводи моторы, включай первую передачу. Это домашнее вино, дед мой сам гнал. Мне передали.

Череп закивал уважительно головой, потом зарычал, входя в роль машины.

– Скажи, Шалва, обратился Максимов к хозяину, – Как там наша Грузия, наш проспект Руставели, а? Саакашвили какой оказался подлец, а?

– Подлец не подлец, а милицию старую он разогнал. – Шалва повернулся и крикнул. – Лена, я разливаю!

И наполнил бокалы прямо из канистры. Вдруг стало шумно, все заговорили одновременно, казалось, не слушая, что им отвечают.

– Когда Саакашвили наведёт порядок, – начал Шалва...

– Встаю на загрузку, майнай по малой, – скомандовал сам себе Череп и придвинул миску с салатом.

Вошла Ленка с полной кастрюлей:

– Вот и я, винегретик по домашнему рецепту, типа, «тёщина радость».

– Деньги закончатся у него раньше, – стараясь всех переорать, доказывал Максимов Шалве.

Тот кивал, да-да:

– И мы как в Германии заживём. Море у нас есть, вино и фрукты тоже. Курорт. Турция-Испания.

– Испания, Германия! Фиг тебе!! Да, Германию американцы раздавили идеологически. Смотри, Гитлера разбили – это у них считается победа Америки и Англии. Ну ладно, тут, как говорится, установление демократии. А где роль России? Где историческая справедливость?

Тем временем Череп пил бокал за бокалом, двигал головой и руками, будто танцевал брейк-данс и, цепляя колбасу вилкой с тарелки, разговаривал сам с собой:

– Первый, я второй, разрешите выполнять фигуру бочка! Фигура бочка, выполнять заход разрешаю!

– Я же не решаю судьбы Германии, – ни к кому не обращаясь, гнул своё Шалва, – И судьбы Грузии не решаю. Как тебе вино? Пьёшь – не пьянеешь. Дед мой сам варил, знаешь, сколько стоит такую канистру сюда переправить?

Короче говоря, первые полчаса пролетели незаметно.

– Что, кто-то ещё придёт? – спросил Максимов Шалву, когда голоса чуть поутихли.

– Не знаю, – ответил тот. – Вон хозяйка сидит, её спрашивай.

– Галя с Серёжей, – тихо сказала Ленка, – должны были.

– Как там твоя диссертация? – спросила Максимова Маша.

– А-а, мелкие придирки, – ответил тот и взмахнул неопределённо рукой, – что ты хочешь от немецких козлов? Рабы идеологии! Ничего понять не хотят. А даром, как известно, ничего не бывает. Даже картошку без борьбы не соберешь, а уж виноград, тем более.

Маша смотрела в горящие глаза Максимова, почему-то ей вдруг стало его жалко.

Наконец приехала Галя Дубовицкая. Приехала она, правда, одна. Она вошла, одетая в белую кофту и чёрную юбку, и, словно, повеяло экзотическим далёким ветром, то ли Испанией, то ли Южной Америкой. Ещё в университете Галя пыталась сочинять стихи, подражая Бродскому:

Себе не веря, закроем окна,
И в ложку мёда положим дёгтя,
Чтобы с рассветом, не видеть солнца,
Его лучи сотрём. Как мелом,
Осколком ночи начертим СЛОВО.

Она всегда носила платья странного декадентского покроя а ля Готье и читала самопальные переводы новелл маркиза де Сада. Короче говоря, серебряный век, Анна Ахматова наших дней.

– А где же Серёжа? – с ходу закричала Ленка, – мы думали, вас обоих увидим.

– Не смог, сегодня встреча у него очень важная.

Маша, Ленка и Галя обнялись и поцеловались.

– Все томичи у нас, остальные лесом! – крикнула Ленка, давая понять, что они трое подруг-не разлей вода.

Галя вышла в Томске замуж за богатого новыми русскими ценностями Серёжу, который торговал недвижимостью в Сибири, Москве, а теперь переключился на Германию и переехал сюда жить с семьёй. Семья состояла из Гали и пятилетнего сына Миши,

которого Ахматова наших дней звала Майком. На этого Галиного нового русского Серёжу была у Ленки вся надежда, и теперь вот такое недоразумение.

Галя пришла в высоких кожаных сапогах с ремешками и застёжками поверх чёрных колготок и юбке такой длины, что было и не вызывающе, однако ноги выглядели соблазнительно красиво. Ещё от неё шёл тонкий запах дорогих духов, Шалва зацокал языком, Маша запаха не чувствовала, поэтому воспринимала она окружающее не со всеми оттенками и смыслами. Словно бы недослышала отдельные слова или, как дальтоник, не различала всех цветов. С приходом Гали стало ещё веселее.

Череп с Максимовым, словно опьянели разом, постоянно роняли вилки и съезжали со стульев, чтобы поглядеть на Галины колени. Маша не ощущала духи, но вещи, вроде сапог и взглядов, отмечала. «Умеет одеться». В Дубовицкой было что-то изысканное, непростое, хотя разговаривала она не манерно.

«Наверное, это и есть то, что называют аристократизмом», – подумала Маша.

Галя стала сразу центром разговора.

Ленка ушла на кухню и вернулась с огромным куском дымящегося мяса на тарелке.

– Шалва сам готовил, – гордо объявила она и поставила тарелку на стол.

– В Грузии мужчины не подпускают женщин к мясу, – заметил Шалва, взял огромный нож и пошёл к тарелке.

Гости притихли, Маша закрыла глаза, а Ленка пояснила:

– В смысле, настоящие типа грузины готовят мясо сами.

Тогда все опять зашумели и засмеялись.

– Какое название у блюда? – выкрикнул Максимов.

– А название, – Шалва подумал секунду, – название... «Запах Родины».

– М-м-м, – блаженно застонал Череп.

Все тоже сделали «м-м-м» и потянули носом воздух. И Маша потянула, хотя, конечно, запах она уловить не могла.

– Теперь надо тост, пускай хозяин скажет тост, – опять закричал Максимов.

Шалва встал, наполнили бокалы:

– Я не мастер тоста. Скажу так: есть люди, к ним удача и деньги сыплются с неба. А есть, которые всего добились сами. Вот мы тут сидим, потому что бились и всего добились. Деньги – это не так важно. А дружба – важно, потому что удача приходит через дружбу. Выпьем за дружбу.

Шалва сел, все захлопали.

– Как там ваши ранчо в Техасе? Продаются, или теперь в связи с кризисом капитализма они даром? – спросил Максимов.

Оказывается, Галин муж, Серёжа, успел уже заняться торговлей в Америке. По одному этому вопросу и тому, как он был задан, Маша догадалась, что Максимов, если бы мог, охотно поменялся с Серёжей местами.

– Это что, печаль о чужом благополучии? – Галя улыбалась

– Нет, я просто спросил, – Максимов покраснел. – Не обижайся.

– Я и не обижаюсь. Чего греха таить, теперь участки упали в цене, – засмеялась Галя, – у Серёжки в основном русские клиенты. Не хотят наши люди больше ранчо, русским подавай заводы! Вот и Буш так говорит.

– Буш – марионетка, – заметил Максимов веско, – все ниточки у кукловода.

– У кого? – не поняла Маша.

– У Дика Чейни.

Череп прокричал из туалета:

– Встал под разгрузку!

Галя сощурилась и засмеялась то ли над шуткой Черепя, то ли над Максимовым и над Машей, а, может, над всеми сразу.

– Кукловодов я там у Буша не заметила, зато охрана – через каждый метр.

– Ты что, и его самого видела? – глаза у Ленки сделались круглыми.

– Расскажи, – попросила Маша.

– А чего говорить? Милый дядька. Всё время соком нас угощал, дом свой показывал. Потом на пол лёг и Майку мяч бросал. Вот, часы мне подарил.

Галя закатила рукав, стало тихо. Слышно было только жаркое дыхание и тиканье часов.

– Дарственная надпись есть? – спросил Шалва.

– А, что, это важно? «Гале от Жоры»? – захохотала Галя Шалве в лицо, показывая, как хорошо можно смеяться, имея красивые зубы.

Шалва глупо заулыбался, а Маша серьёзно спросила:

– Он что, Майку мяч бросал, сам?

– Ну, а как же ещё, Машка? Чай, он не инвалид пока, – нервно выпалила Ленка.

Маша отругала себя за глупость. Её мысли всегда текли тяжело, и она всё пыталась представить себе Буша на полу, бросающим мяч. Вернулся Череп, пропустивший самое интересное. Галя объясняла, что именно бросал американский президент.

– Такой не круглый, а-а-а... продолговатый, – она соединила перед собой растопыренные тонкие пальцы обеих рук и сделала ими лёгкое движение, разводя руки и одновременно, чтобы всем было видно, удерживая перед собой невидимый мячик. Все, кроме Максимова, уставились на часы. Максимов с прокисшей физиономией отошёл в сторону и оттуда бормотал: «Гале от Жоры. Волки поганые». Мысли его встали на путь отрицания.

Маша не сводила глаз с ухоженных ногтей Дубовицкой.

– Вон, человек живого Буша видел, – тихо сказал Черепу Шалва и кивнул в сторону Гали.

– Мяч от регби, что ли? – осведомился Череп в тишине, выговаривая слова по слогам и сонно моргая глазами.

– А может и регби, я же не разбираюсь, – пожала плечами Галя. А Маша догадалась, что Галя прекрасно знает, что это был за мяч, а просто выделывается. Выпили вина, помолчали. Галино недостижимое превосходство было признано окружающими, но весёлость почему-то пропала. Ленка всё думала, спросить или не спрашивать про контейнерные перевозки. Потом решила, что чего уж, надо спросить.

– А Буш на английском с вами говорил? – снова задал вопрос Череп, чтобы не молчать.

– На псевдобогатырском, – срезала Галя и его.

Ленка собралась с духом:

– Слушай, Галь, а контейнерными перевозками не занимается твой Серёжа? А то мы тут с Шалвой думаем...

– Контейнерными? Серёжка? – переспросила Галя. – Он у меня всем занимается, ничего мимо не пропускает.

– Может тогда... ему можно позвонить?

– Лучше пошли мейл, – сказала Галя, – я тебе потом продиктую. Позвоню и продиктую. Первым ушёл Максимов, за ним засобиралась Галя, завтра рано вставать, да и путь до Мюнхена немалый.

Когда Галя уехала, стало пусто, а Череп заметил:

– Вот крутая тёлка! Была и сплыла. Напьюсь я сегодня.

Шалва поцокал языком, когда Галя на своей «Ауди» скрылась за поворотом. Вслед за уехавшей машиной поплелась к метро неуклюжая Маша. Она спешила назад, так как вспомнила, что забыла постирать детские вещи:

– Как бы хозяева не рассердились.

И ушла. Сзади Машина спина в дешёвеньком пальто округлилась и казалась ещё беззащитнее и нелепее. Но Маша не могла видеть себя сзади.

«Вот, не от мира сего человек, – думала Ленка, – живёт себе, о завтрашнем дне не думает. И вроде бы хорошо ей. А ведь так и всю жизнь прожить можно, мимо цели. И никто не узнает, зачем и для чего жила. Нет, есть люди, которым удача сыплется с неба, есть, которые всего добиваются сами, а есть,... вот такие: плывут себе по течению».

Потом Ленка вспомнила Галины колени, горящие глаза Шалвы и сжала пальцы так, что они побелели. Ей очень захотелось стукнуть гогочущего рядом Шалву кулаком по спине и прогнать идиота Черепу.

Череп же вместо того, чтобы убраться домой, снова попёрся к ним наверх и добил – таки канистру. Ленка пыталась объяснить, что поздно, пора и честь знать. Но на ногах он держался плохо, соображал ещё хуже и долго, церемонно прощался с хозяевами. Пожал крыло бронзовому орлу, взял под козырёк, в дверях спросил:

– Разрешите взлёт, взлёт разрешаю.

Поцеловал синий немигающий глаз и вышел. Ленка ходила мрачнее тучи в спальню и обратно. Винегрет с мясом тяжко ухал в желудке при каждом шаге. Вот так всегда: крутишься, бегаешь, чтобы в результате вместо нужного человека заполучить какое-то пьяное чучело, которое ещё и не уходит. Настроение было упавшее: напрасно потраченный вечер. Провинциалы ревнивы к чужим успехам, к успехам своего брата провинциала ревнивы вдвойне. Это справедливо и для Москвы, и для Германии.

– А Галка – молодец. Закадычная подруга, а гляди, как теперь поднялась.

– Да-а, – протянул Шалва, гремя кастрюлей.

– Ей можно больше не звонить, я так поняла, – задумчиво сказала, и в голосе слышался скорее не упрёк подруге, а горькое понимание и согласие.

– Почему так?

– Предлагать нам писать ему мейл, это всё равно, что послать нас на три буквы.

Только вежливо, ты ничего не просекаешь, что ли?

– Чего?

– Ты напишешь, а он тебе не ответит, скажет, кто вы такие, мне вон каждый день тысяча мейлов приходит. Буш мне пишет..., а тут вы...

– Что мне Буш? Я бы его послал.

– Кого? – удивилась Ленка.

– Кого, кого! Мейл, – возразил Шалва, не потому, что хотел спорить, а потому, что женщина – это женщина. А мужчина, особенно мужчина Кавказа, должен иметь своё мнение. – Не хочешь послать, я сам.

Ленка подумала, что сделала в своё время единственно верный выбор: настоящий мужик, не тряпка. Ей представилось, как где – то не так далеко, три квартала отсюда пройти, её бывший Грегор сейчас сидит перед телевизором.

Когда в той ещё жизни от них уходили гости, Грегор всегда садился за стол с карандашом, расчерчивал лист на клеточки, вписывал в них имена гостей. Против каждого имени писал название принесённого подарка, если таковой имелся, и сумму, насколько примерно проел продуктов приглашённый. Сравнивал. Ленка поёжилась и прижалась к спине Шалвы:

– Эх ты, бизнесмен хренов. В бизнесе нюх нужен собачий. Сиди уж в своём магазине, горе-мебельщик.

Галя открыла окно машины и слушала радио. Продержалась вечер неплохо, никто ничего не заподозрил.

Она смотрела, как перемещаются красные огни по дороге, как падают на дорогу жёлтые листья с простреливаемых ветром деревьев, как прохожие спешат в отведённые им для домашнего досуга места: в тёплые кровати, в кресло перед телевизором, на кухню. Бросила взгляд на часы, за которые отдала месяц назад в интернет-аукционе «ЕВАУ» две сотни евро. Часы показывали половину одиннадцатого. В Ленкином окне, за красными в цветах занавесками двигались два силуэта. Посуду убирают, догадалась Галя. Она смотрела и завидовала подруге. Зависть – это такое очень женское свойство...

Месяц назад Серёжа объявил, что у него теперь другая семья, чтобы Галя не переживала: её и Майка он всем обеспечит. Сам же он остаётся пока в Калифорнии с новой подружкой. Ехать домой по ночному пустынному автобану не хотелось, няня сама уложит Майка в постель.

Осень. Руки потянулись к диск-плейеру, серебряная тарелочка скрылась в серой пасти, пасть заурчала, и хриплый голос заполнил собой салон машины:

...

Уходят в последнюю осень поэты,
И их не вернуть, заколочены ставни.
Остались дожди и замёрзшее лето.
Осталась любовь и ожившие камни. Последняя осень...

Галя закрыла окно, стрелки часов плыли перед глазами, она ткнулась лицом в руль и по-бабьи в голос заревела.

---

*«Васюган-Фракмастер-Сервисиз» и «Вах-Фракмастер-Сервисиз» – совместные российско-канадские предприятия по продаже нефти

Франкфурт 2008

О.Н.

Отец Николай Шаховской, настоятель храма Великомученицы Варвары, совсем не знал, как выглядят снег и зима в России. Он побывал в Москве и Петербурге в качестве туриста восемь лет назад, жарким летом, когда кругом стояла страшная жара. Его ожидания подтвердились. Ему там не понравилось.

Он родился и вырос в Париже, мама рано умерла. Рос он с отцом, старым графом и настоятелем храма, в котором теперь служит он.

Когда в начале пятидесятых отец принял сан священника, и в городке М. открылась первая православная церковь, Коля Шаховской ходил ещё в школу.

Церковь строилась тогда на энтузиазме оставшихся во Франции после войны русских пленных, беглых казаков, украинцев и оставшихся ещё с революции эмигрантов.

Городок был небольшой, и участки земли рядом с церковью на северных склонах гор начали покупать только в последние несколько лет.

Церковь стояла в стороне от города на пустынном склоне, заросшим кустами роз. Отец Николай огляделся, вытащил из-под аналая ржавый замок и пошёл к двери. У двери повернул выключатель сигнализации, активировал её и вышел на залитую солнцем тропинку.

Обернулся, осенил себя крестом и зашагал широкими шагами прочь.

Взгляд его упирался в домики красного кирпича, появившиеся здесь лет десять-пятнадцать назад.

Отец Николай скользнул глазами по разросшимся колючим кустам, заполонившим ограду храма, и подошёл к машине.

«Надо бы приказать Лужину, чтобы постригли», – сказал он сам себе и знал, что опять забудет.

Он закрыл ворота на ржавый замок, потом ловко, как фокусник, одним движением сбросил с себя подрясник, сложил и убрал его в целлофановый пакет, а из пакета вытащил ключ. Большой серебряный крест убрал в нагрудный карман. Через секунду он сидел уже с соломенной шляпой на голове в своём «Ситроене» цвета старого бургундского.

Он ехал задумавшись. Навстречу попало всего две или три легковых машины и штук пять тракторов.

Крестьяне поднимали в приветствии руку, тогда настоятель храма в ответ отрывал ладонь от руля и приподнимал шляпу.

Наконец показалась его улица. Отец Николай вышел из машины, быстро прошёл на другую теневую сторону и вошёл в квартиру. Из-за дверей пахло обедом.

– Bonjour, – крикнула Мишель из кухни.

Он ответил, прошёл к себе, снял шляпу, сел и отдышался.

В последнее время потихоньку стало сдавать сердце. Шаховской сидел на стуле и не двигался, глядел в окно.

Из окна проходим был виден его бледный профиль. Лицом отец Николай в старости очень напоминал Ленина. Такая же бородка, огромная лысина, большой лоб, маленькие щёлочки глаз. Он не выговаривал »р» и любил порассуждать о политике. Только роста был Шаховской много выше среднего.

Посидев так пять минут, он достал из пакета подрясник с заботливо вышитыми Мишель золотыми буквами «О. Н.» на внутренней стороне. Буквы означали «отец Николай». Подрясник убрал в шкаф, крест – в ящик стола. Переоделся.

– Я схожу к булочнику, – сказал он жене по-французски, – куплю твои любимые пирожные.

Жена пропела в ответ «оревуар» на высокой ноте, и входная дверь хлопнула.

Шаховской медленно шёл в своей соломенной летней шляпе по теневой стороне улицы, стараясь избегать солнца. Он всё думал об этой странной женщине, Марии Чудаковой, жене художника с шестью детьми. Она постоянно терзала его своими просьбами, просила открыть для своих детей приходскую школу.

– Вы должны открыть школу, батюшка. Окормлять кому-то приход надо.

Кому он обязан? Им? Этим непонятно откуда свалившимся сюда людям из города Вологды? Да, знает ли она, что говорит с человеком дворянского происхождения? И он сам, и отец, и дед, и прадед его носили титул графа. Хотя сейчас это не играет такой роли, как прежде.

– Что же вы хотите от старого священника, голубушка? Я болен, один я не в состоянии заменить школу.

– Вы не заменяйте. Вы уроки Закона Божия читайте. Дайте урок детям. Дети придут, вот и хорошо. Я вам помогать стану, сама-то я не могу учить. Талантами Господь не сподобил.

Эти просьбы ставили отца Николая в тупик. Зубной врач Чудаков помогал в оформлении храма, очень неплохой художник, а врач ещё лучше. Золотые руки. В приходе людей немного. Просто так выгнать Чудакову с её мужем и детьми было бы глупостью.

– Да, но право, я не знаю... не знаю. Позвольте подумать, а сейчас поспешу откланяться, – и направлялся к выходу.

Обычно после службы в храме никого не остаётся. Чудакова стояла одна, молилась подолгу и после двенадцати. Приходилось просить её покинуть помещение.

– У людей после окончания службы, в том числе и у вашего пастыря, могут быть свои дела, голубушка.

– С церковно-приходской школой-то что, батюшка?

– В другой раз, в другой раз.

Чудакова со всей своей огромной семьёй раз в год отправлялась в Россию к священнику Анатолию Гармаеву. Этот Гармаев вёл семинары для православных семей. Чудакова рассказывала Шаховскому о методах Гармаева.

– Батюшка отец Анатолий читал нам на семинаре два раза текст из Послания апостола. Потом говорит: »Напишите, как вы текст поняли своими словами». Мы, значит, пишем, записочки-то сдаём. А потом на другой день слушаем. Кто, что услышал и понял.

– Ну-с, и что же вы там такое услышали?

На лице у Шаховского играет улыбка.

– Сознание в нас мирское, всё, что апостол ни скажет, перевираем. Некоторые там от себя такого понаписали. Очень хороший семинар, вам бы его посетить, батюшка. А?

– Ну, мне уже, наверное, поздно. Однако, странный у вас там священник. Я посмотрю о нём в интернете.

Шаховской поглядел и убедился, что этот Гармаев человек странный и даже опасный, многие и в России о нём такого мнения.

Наполнялась церковь Варвары разве что на Пасху. Тогда госпожа Дюваль и староста Борис Петрович Лужин украшают церковь на праздник: алтарные иконы и Царские Врата облепляли гирляндами из чайных роз. Розы росли без числа возле храма.

Праздник течёт так. Лужин попеременно с отцом Николаем читают Деяния святых апостолов.

Потихоньку приезжают православные люди из окрестных городков. Большинство здесь бывает раз в год или приезжают на крестины, на похороны, короче говоря, по большим праздникам. Храм и притвор в Пасху полны.

Некоторые женщины в красных платках, кофтах и юбках. Отец Николай смотрит на эту пёструю процессию. Вот и русский народ у него в храме появился.

"Воскресение Твое, Христе Боже, ангелы поют на небеси...".

Начинается крестный ход.

– Христос воскрес!

– Воистину воскрес!

Великую ектению полагается пропеть на древнегреческом. После службы в виде исключения разрешается всем желающим звонить в колокола.

– Покорнейше прошу, только потише, будьте пай-мальчики, – открывают священник и староста ход на узкую лестницу.

Дети новой эмиграции с шумом и гамом лезут по лестнице на колокольню. Отец Николай их не одёргивает, всё бесполезно. По храму раздается неумелый звон.

Так и живут из года в год, от Пасхи к Пасхе.

После службы, кто желает, может выпить чаю с пирожным в небольшой кухне.

– Мадам Дюваль, душечка, налейте мне хорошего русского чаю, – просит отец Николай.

Разговаривают старики тихими голосами, употребляют слова и выражения давно в России забытые, вышедшие из употребления. Язык дворянской эпохи. Новые прихожане разговаривают так, что сразу их и не поймёшь. Молятся странно. Кто совсем не умеет, кто часами стоит – не выгонишь. Нет порядка в головах. Чудакова, та вообще босиком стоит в храме.

Один раз госпожа Дюваль сказала этой странной Чудаковой:

– Голубушка, мы же не мусульмане какие-то, попрошу вас пинетки ваши по полу не разбрасывать.

Та устроила скандал:

– Сами молиться не можете, другим не мешайте!

Именно в последние годы в разнос пошло, когда много новых понаехало. А отец Николай без малого уже сорок лет в этом храме служит.

Шаховской подошёл к булочной и заказал пирожные, потом посидел за столиком, перебрался парой слов с хозяином:

– Когда Бог пошлёт нам хорошее правительство, святой отец? Налоги душат, – спрашивает булочник.

– Решение нашим правительством наших проблем похуже самих наших проблем, – отвечает Шаховской, и оба смеются.

Потом старый граф идёт назад. Поднимается с трудом по лестнице. В гостиной в углу стоят иконы в тяжёлых окладах. На шкафу пылится самовар, над ним, на гвоздике, висят лапти, привезённые из туристической поездки восемь лет назад. Отец Николай читает короткую молитву и садится за стол. Обед готов. Мишель в нарядном платье.

– Твой суп подойдёт на стол и бургомистру, – делает комплимент Шаховской.

Они едят молча, старик спрашивает:

– Не звонила Кристиана?

– Нет. По – моему, у неё сейчас выставка в Сиднее, некогда девочке, – отвечает жена. Кристиана – единственная дочь Шаховских. Она фотограф и живёт в Австралии. По-русски она не говорит, знает язык, но не любит на нём разговаривать. Звонит родителям редко.

После обеда отец Николай уходит в кабинет. Там он долго рассматривает корешки книг. Открывает наугад одну. Альберт Швейцер «Письма из Ламбарене». На обложке с внутренней стороны проставлены буквы «О.Н».

Отец Николай думает, кому он передаст храм? Московским наглецам, с которыми объединилась Зарубежная Церковь? Стариков почти не осталось, а достойных

молодых нет. Печально. Этот храм строил его отец. Там Царские Врата сварены из обычных прутьев забора, а светильники отец покупал на последние деньги в Париже. Новые прихожане не любят старого графа, называют между собой «французом». Это Шаховской знает.

Ах, что они вообще знают? Пройдёт десять, двадцать лет, они пообвыкнутся, обживутся во Франции, если сами не превратятся во французов, так их дети пренебреженно.

Он берёт пюпитр и краски, выходит во двор и садится к мольберту. На холсте изображен луг, усыпанный цветами. Он всегда рисовал и будет рисовать эти цветы, луга и холмы, милую сердцу Францию. Здесь урожай снимают три раза в год, и не бывает холодов. Пару дней назад ему пришлось в голову нарисовать луг, засыпанный снегом. Может же произойти такое! Наверное, только в фантазии художника. Он смотрит на свою новую странную картину, подправляет слегка левый угол. Потом ставит внизу две буквы: «О.Н».

Франкфурт 2008

Советы молодым писателям

Я решил дать некоторые советы молодым писателям, исходя из своего скромного писательского опыта. Мой писательский опыт – это десять лет эпизодических попыток писать рассказы и как результат – ни одной публикации. Именно этим опытом я и хочу поделиться с начинающими авторами, которым мои мысли и опыт могут оказаться полезными.

Меня, чисто условно, тоже можно причислить к молодым писателям. Мне на данный момент исполнилось 36 лет, и я с ужасом думаю о том, что Пушкин в возрасте 37 лет погиб от пули Дантеса, успев написать так много хорошего. Сравнивая моё творчество с творчеством Пушкина, невооружённым глазом каждому видно, что за оставшийся мне на размышления год я точно не успею написать так много хорошего, сколько сотворил Александр Сергеевич. Даже если буду сидеть за компьютером днём и ночью. Поэтому мой совет такой: пишите побольше, начинайте писать пораньше. Не дожидайтесь 36-летнего возраста.

Теперь я расскажу, как, собственно, я пишу свои рассказы. Идею рассказа я не вынашиваю подолгу в голове. Как правило, идея приходит сама. Также я не пользуюсь никакими планами. А сажусь за компьютер и записываю то, что лезет в голову. Один раз я попробовал составлять план и придерживаться его. Оказалось, что написанный мной рассказ не только не соответствует первоначальному плану, а прямо противоположен ему.

Герои поменялись местами: положительные стали отрицательными, отрицательные и того хуже. Всё вышло шиворот-навыворот. Скажу честно, я не знаю, должны ли молодые писатели придерживаться плана. Хотите, придерживайтесь, хотите, не придерживайтесь. Мой же опыт говорит: составлять план рассказа можно, чтобы потом его нарушить. В самом конце я рекомендую план уничтожить.

Теперь о самой работе. Знакомые мне говорят: «Ты пишешь короткие рассказы». Я им отвечаю: «У меня на длинные терпения не хватает». Я был бы очень рад писать длинные рассказы, повести и романы. Но ведь, сколько времени на это уйдёт! Публиковать всё равно никто не станет. Просидишь день-другой над рассказом. Потом надо и о хлебе насущном подумать, на работу сходить. Это просто невозможно, месяцами сидеть взаперти. А что жена скажет? А в отпуск поехать? Я, когда пишу, всегда страницы считаю, стараюсь довести объём до максимума. Но у меня, в отличие от Толстого Л.Н. написание толстых произведений плохо получается. Поэтому, мой совет: если вы не сильно известный писатель, пишите короткие рассказы. Жизнь-то проходит, не всё же об искусстве и литературе думать.

То, что я пишу, самому мне вначале очень нравится. Я нахожусь в состоянии творческой эйфории. Могу незаконченный рассказ начать рассылать знакомым и незнакомым людям по E-MAILy.

Потом, спустя два или три дня, мне становится стыдно за содеянное. Я постоянно правлю текст и рассылаю по E-MAILy всё новые и новые версии ранее написанного. Рассказы полны описок и врождённых дефектов, их выход, или «выкидыш» на свет сопровождается кровотечением и спазмами.

Люди стараются как-то защитить себя. Ставят на компьютер фильтры. Конца этой моей деятельности не видно. Друзей у меня практически не осталось.

Меня необходимо отвлечь от работы. Лучше вообще уехать куда-нибудь и на время забыть про написанное. Я советую молодым писателям так не поступать, как я, а вести себя более благоразумно.

Когда-то, лет двадцать назад, я прочитал в одной книге фразу: «рукописи не горят». Поскольку фраза эта принадлежит перу великого писателя-классика, которого я очень люблю и уважаю, то я сразу поверил в справедливость вышеприведённых слов и очень небрежно стал обращаться со своими черновиками. Полагая, что деться им всё равно некуда: если они даже в огне они не горят, то жирные пятна от бутербродов им точно ничего не сделают.

Это мнение ошибочно. Доказательством тому является история с моим старым компьютером. Все свои рассказы я хранил в его электронной памяти. Часть из них я, правда, распечатал. Каково же было моё удивление, когда платы с памятью и прочими органами компьютера погорели. А как же слова великого писателя-классика? Где теперь мои рассказы? Поэтому мой совет молодым авторам: лучше уж рассылайте знакомым E-MAILy по десять раз с одним и тем же рассказом, чем писать – писать-писать, а потом ррраз – и всё сгорело. Что-нибудь от ваших трудов да останется. Когда я сказал, что за десять лет не имел ни одной публикации, то сказал не совсем правду. Я живу и работаю в Германии. Русскоязычное издательство, готовое с тобой разговаривать, здесь найти трудно, если только ты не раскрученный писатель. Поэтому я решил опубликовать свои рассказы в периодике. К моему удивлению рассказы мои в одной русскоязычной газете сразу приняли, узнав, что я молодой писатель и гонорар мне платить не требуется. Меня даже опубликовали. Но когда я прочёл, я понял, что это не мои рассказы. Имя и фамилия автора были не совсем моими. Они походили на моё имя и фамилию, но отличались от моих некоторыми буквами. Смысла же в рассказах невозможно было сыскать никакого.

Как мне объяснили потом, набиралась газета по финансовым соображениям в Польше, так дешевле. И какой набрать текст, польским наборщикам было всё равно. В рассказах они перепутали местами целые куски. Слова печатались с отсутствием ряда важных для понимания смысла слова букв, в предложениях часто не доставало подлежащего или сказуемого. Видимо их потеряли по дороге из Варшавы.

Больше охоты печататься у меня не возникало. Я забросил свои рассказы и на несколько лет забыл о них.

Сейчас, когда в интернете появляется масса нового и интересного, я пытаюсь опубликоваться там. Есть такой литературный интернет – журнал «Молоко». Несколько раз я выстрелил E-MAILами в «Молоко», но пока в него не попал. Но и в Германии я пытаюсь опубликовать ранее написанное и не сгоревшее. Мои рассказы обещали поместить в одном русскоязычном толстом печатном издании. Главный редактор Борис Ефимович провёл со мной телефонное собеседование.

– Скажите, вы молодой писатель? – спросил он.

– Да, пожалуй, что молодой, – ответил я. Мне стало грустно от этого вопроса, потому что я вспомнил про Пушкина.

– Я прочитал ваши рассказы, и они мне...кхе-кхе-кхе ... кхепонравились

Произношение у Бориса Ефимовича было какое-то неотчётливое или он простудился, но я не понял, понравились или не понравились ему мои рассказы. Пришлось переспрашивать.

– Есть у меня к вам творческий совет, коллега, – продолжал Борис Ефимович. – Вам

надо следить за собой, за вашим объёмом, смотреть, что пишете. Чаще чередуйте слова. А главное – смелее выбрасывайте лишнее, ненужное. Рассказ, милый вы мой, это литература кратких форм. Вот, к примеру, в одном рассказе у вас два второстепенных персонажа идут искать туалет. Скажите по совести, разве это так важно, использовать в коротком рассказе туалет?

Я ответил, что, безусловно, этот кусок можно выбросить. Но, по совести сказать, если вам приспичило, я не знаю, что вы будете делать, а я лично пойду искать.

– Куча лишних героев – это вообще основной ваш недостаток, – продолжал давать советы Борис Ефимович. – Сейчас я прочитаю вам своё произведение, оно целиком умещается на экране монитора. И читать удобно и листать не надо!

Главный редактор прочёл мне рассказ про собачью выставку. Рассказ был и, правда, короткий. Мне запомнилась там одна фраза, сказанная автором о сыне главной героини, убитом в Афганистане: «Юрку срезала душманская пуля». Мне показалось, что это штамп, причём очень старый. Я не стал критиковать. По голосу я догадался, что Борис Ефимович далеко не молодой человек. Я с уважением отношусь к пожилым людям, а к пожилым писателям тем более. Борис Ефимович являлся к тому же редактором. От него зависело, опубликуют или нет мои творения.

Мне были высказаны и другие советы и пожелания, я терпеливо их выслушал. Мне посоветовали больше думать над формой и для начала прочесть в интернете несколько миниатюр Бориса Ефимовича.

– Я работаю так: беру наугад хорошую книгу рассказов. Например, кхе-кхе... О Генри. Разверну её, вчитаюсь. Потом пишу сам. Синтезирую, шлифую, – открыл мне приёмы собственной работы мой словоохотливый собеседник.

В конце беседы Борис Ефимович признался, что он, хотя и главный редактор, но писатель тоже молодой: ему как писателю недавно исполнилось четыре года.

Получалось, что как писатель я был старше его на шесть лет. Я вдруг почувствовал, что могу относиться к нему покровительственно. Я поблагодарил редактора за ценные указания, пожелал творческих успехов и повесил трубку.

Некоторые молодые писатели скажут, ну вот, с ним как с человеком разговаривают, а он критику не любит.

Неправда, критику я люблю. Моя жена прочитала недавно один мой рассказ и говорит: «Зачем твой герой так поступил? Это бред какой-то».

Я стал смеяться и отвечаю ей: »Так ведь он дурак совсем, этот герой. Ты что не понимаешь?»

Жена говорит: «А-а-а».

Я тогда в самом конце приписал, что герой рассказа – дурак. Поэтому так себя и ведёт. Разумеется, не всегда бывает читателю сразу всё понятно.

Молодым писателям я посоветую иногда пояснять глупые поступки своих героев, больше синтезировать и шлифовать, следя за своим объёмом, и не бояться выкидывать ненужное.

Напоследок я расскажу о своей встрече с Великим Писателем. Она произошла в 2000-м году. Говорят, от встреч с Великими Писателями часто зависит судьба молодого автора. Поэтому я решил рассказать вкратце о столь важном и неординарном событии. Работал я тогда в Люфтганзе, в аэропорту Франкфурта и считался молодым и перспективным кадром. В тот замечательный день мне дали ответственное задание: у пассажиров, идущих в самолёт, отрывать корешки посадочных талонов.

Вот проходит мимо вас пассажир, протягивает вам посадочный талон, а вы талон на две половинки аккуратно разрываете – половинку себе берёте для отчётности, половинку пассажиру возвращаете. Пассажиру же надо знать, на каком кресле в самолёте сидеть.

И вдруг вижу, навстречу мне идёт Чингиз Айтматов. А рядом с Чингизом Айтматовым молодой человек лет, наверное, пятнадцати. Ростом он с Великого Писателя и лицом похож. Но лицо покрыто угрями и прыщами. Этот прыщавый подросток был сыном Писателя. (Я так подробно всё описываю, потому что молодые авторы должны обращать внимание на детали).

Я Айтматову по-русски говорю:

-Здравствуйте!

Великий Писатель на меня посмотрел с удивлением и спрашивает:

– Вы что, по-русски разговариваете?

– Разговариваю.

Я уже собрался рассказать Айтматову о том, над чем сейчас раздумываю, про свой последний рассказ. Набрал в лёгкие побольше воздуха.

А Великий Писатель сына в спину подтолкнул, и они ушли, даже не попрощались. Ну, я, понятное дело, остался стоять со своими талонами.

Встреча с Великим Писателем прошла для меня в целом неудачно. Поэтому и литературные успехи мои весьма скромные. Если бы Айтматов мои рассказы тогда посмотрел, со мной бы познакомился, может у меня иначе бы всё складывалось.

Тот посадочный корешок ещё долго лежал на моём письменном столе, как лотерейный билет со счастливым номером. Я всё надеялся, может, повезёт в другой раз?

Но при переезде на другую квартиру талон потерялся.

Франкфурт 2006

Ученый разговор

Часть I

К нам в гости в Германию приехал мой папа и его коллега, профессор физики из Зеленограда Виктор Михайлович, директор тамошнего ускорителя элементарных частиц и большой специалист в нанотехнологиях. Мой папа и Виктор Михайлович относятся к тому поколению советских ученых, которое осталось в России после распада советской науки и не уехало в США. Выезжать за границу они начали в последнее время, шокируя западный научный бомонд своими познаниями и подходом к делу. Возраст у них под семьдесят. Такова практически вся российская наука на данный момент. Но держатся они бодро, подтянуто, как отставные военные.

А с ними во Франкфурт приехал другой профессор, немец из Карлсруэ, по имени Ульрих. Он их кругом сопровождает. Мой папа и Виктор Михайлович хотят его уговорить создать совместное предприятие. Чтобы, значит, часть работы выполнялась в России на ускорителе в Зеленограде, а часть в Карлсруэ. Какую-то там решётку наноразмеров они хотят поручить этому Ульриху. Папа отвечает за теоретическую часть, а Виктор Михайлович за практическую.

Дом у нас во Франкфурте на природе, свежий воздух, красота. Одно «но», совсем рядом с нашим домом проходит железная дорога. Если разговариваешь, а рядом поезд идет, то иногда совершенно не слышно, что тебе говорит сосед в двух шагах, приходится кричать. А так, нормально.

Мы уютно расположились во дворе перед домом. Там у нас стоит грильница. Я купил мяса и сосисок, Ульрих принёс своей рыбы. Всё это я стал жарить на медленном огне. Ульрих тоже сидит, только иногда морщится с непривычки, если товарный поезд мимо проходит. Я весь в саже, дышу дымом, похож на кочегара.

В перерывах между мясными и рыбными блюдами слушаем товарные составы, кушаем салат с сыром. Мог ли я знать двадцать лет назад, что в салат буду класть себе на тарелку сыр «моцарелла»? И тортеллини – это не фамилия итальянского режиссёра, а ухудшенные пельмени. Мог ли я думать, что мой отец и профессор из Зеленограда будут жить у меня дома на правах заграничных гостей? Эвклидова плоскость наших жизненных представлений вдруг в какой-то момент искривилась.

Вот, мы кушаем, а мимо ходит моя дочка одиннадцати лет и строгим голосом объясняет:

– Вы, пожалуйста, бросайте упаковку от сосисок в контейнер для пластикового мусора. А то мы на уроках учим, как правильно разделять мусор, а вы нарушаете. А за это у

нас в Германии полагается штраф.

– Какая строгая девочка, – говорит профессор из Зеленограда. – Она у вас всегда такая?

– Всегда, – отвечаю. – Их в немецкой школе еще приучают отстаивать права ребенка. Чуть что не так, может и в полицию на вас пожаловаться

Тут Виктор Михайлович задумался и сделал обобщение. Потому что для учёного человека сделать обобщение, это как для футболиста пробить одиннадцатиметровый: и тренировка, и удовольствие одновременно.

– Я так мыслю, в советские годы считалось, что Павлик Морозов – герой, потому что поступил, как ему сказали коммунисты. Потом, после 91-го года он стал негодяем, так как отца предал. А теперь опять в герои попадает. Но по той уже причине, что действовал в согласии с тогдашним законом. Вы, Ульрих, знаете, кто такой Павлик Морозов?

Ульрих не знал про Павлика и стал рассказывать про рыбу, которую он ел. Что рыба из экологически чистого водоема. А в Германии, чтобы рыбу самому наловить, надо ходить на курсы рыболовов, потом специальные экзамены сдавать за 300 Евро, и еще в конце этой эпопеи платить каждый год за разрешение ловить в определенном месте. Ульрих оказался профессор по части ловли рыбы. Я переводил, но не все и не очень быстро.

Тут Виктор Михайлович опять оживился.

– Я ваш разговор не очень понимаю, но чувствую, что тут у вас дело про рыбу идет. Я так понял, что Германия в этом вопросе просто страшно отстала от прогрессивной России. У нас за рыбалку платить не надо, а только рыбнадзору заранее обговоренную сумму. Но это, как говорится, на кого нарвешься. Вот откроем, Ульрих, совместное предприятие, первым делом я вас на рыбалку приглашаю. Бесплатная рашен рыбалка. Ульрих обрадовался:

– Да, конечно.

Виктор Михайлович не замолкает.

– Разрешите я вам свою историю расскажу. Поскольку я самый известный рыбак на всем ускорителе элементарных частиц.

– Хорошо, – соглашается Ульрих. – Это мне тоже очень даже интересно будет послушать как любителю рыбной ловли в экзотических местах.

– Дело было на Азовском море много лет назад. Жил я тогда в деревне. Решили мы с моим приятелем рыбы наловить. Ловят рыбу на море так. Лодки большие, баркасы, друг за друга якорями цепляются и в ряд становятся, всю цепочку катер выводит в открытое море. Там лов и идет. Взял я тоже баркас, пошли мы в море. Сети поставили. В сети косяки рыб зашли. Такая рыбалка, что просто нельзя никак бросить. Одну за другой рыбу тащишь. А ветер крепчает. Рыбаки опытные нам и говорят: «Смотрите, погода портится. Надо бы вернуться». А я отвечаю: «Это ерунда, нельзя нам теперь уходить. Сейчас самый лов, косяк рыбий зашёл»...

– Это, разумеется, было безрассудство, – говорит Ульрих, – вы, конечно, не такой опытный рыбак. Вы посмотрели сводку погоды перед выходом?

– Погода – дело тонкое, читай не читай сводку, все едино. Особенно, если на море.

– Тут я с вами решительно не согласен, – замечает Ульрих

– Да. Ну, так вот. Напарник мой тоже решил уходить. Подошел катер, все лодки зацепил и увел назад, а я остался один на своём баркасе.

– Вы просто самоубийца, профессор. У вас была рация или средства навигации? – спрашивает Ульрих.

– Из всей навигации, – отвечает Виктор Михайлович, – только два весла. Как начало качать! Ну, думаю, все. Конец моей навигации. Весло одно у меня еще с самого начала с трещиной было. И течением баркас в море тащит.

– За такие весла на судовладельцев вы могли подать в суд, – объясняет немецкий профессор Ульрих.

– Конечно, – отвечаю я Ульриху. – Так Виктор Михайлович, разумеется, и поступил после прибытия.

А немецкий профессор добавляет:

– Поскольку вы не обязаны были знать о трещине. Это вообще могла быть микротрещина. Дефект материала.

Тут Виктор Михайлович не согласился.

– Нет, я хоть и специалист по нанотехнологиям, а только приличная трещина, палец просунуть можно. Там у всех рыбаков такие весла. Стал я, значит, грести. Весло пополам сломалось. К тому же, в лодке течь. Течь с самого начала была, я все вычерпывал ведром. А тут, вижу: не успеваю и черпать, и грести одним веслом. Ну, думаю, теперь точно крышка. Заливает лодку и сверху, и снизу, начал я тонуть. И ведь, главное дело, лодка полная рыбы. Помирать жалко. Рыбу бросать нельзя...

– Почему же нельзя? – спрашивает Ульрих. – Ведь это – верная смерть.

– Какой он непонятливый, право, – отвечает мой папа, – говорит же ему человек ясным русским языком, полная лодка рыбы. Как ее бросишь? Я бы тоже не бросил. Скажи, Витя, а какой период волны был, ты не заметил? Если высоту волны знать и период, то и силу ветра рассчитать можно. Наверняка, ветровые волны легко описываются функцией ветра.

Тут я порадовался за папу. В моём понимании, настоящий учёный тот, кто к обычным вещам необычно относится, видит их по-своему. А если не видишь, значит, ты в науке случайный человек. Виктор Михайлович поясняет:

– Да, я, думаешь, на часы там глядел? Нет, главное дело, кому рыбу-то оставлять? Рыбнадзору? Ведь я ее уже наловил, она, значит, уже моя, – качает головой Виктор Михайлович.

И так он сильно задумался про рыбу, что изо всей силы откусил большую белую сосиску, и она соком брызнула в разные стороны.

– Scheiß e! – говорит Ульрих, и вытирает штаны салфеткой. – Я имею ввиду, что ситуация ваша – полное дерьмо. Чем же дело кончилось?

– Ну, чем? Свалился я с лодки и пошел на дно, как матрос с «Курска». А дно в Азовском море неглубоко. Так я там по самое горло в воде оказался и в иле ногами завязать стал. Схватился я руками за якорь, лодку за якорь держу, чуть-чуть подтащу, отдыхаю. И к берегу продвигаюсь. Бросать нельзя. Ноги вязнут, вода в рот льет. Вязну, но тащу.

– Вот, – папа замечает и кивает мне и моей дочке головой, – с кого вам, молодому поколению, пример следует брать. Видите, как человек характер и смекалку проявил. Знал, что глубина Азовского моря не превышает в самых глубоких местах пятнадцати метров. Когда на рыбалку шел, ни о чем таком и не думал. По-мужски себя вёл, рыбу и казенное плавсредство не бросил. А это уже, можно сказать, подвиг.

Виктор Михайлович довольный таким замечанием папы закончил свой рассказ:

– Вытащил я ее. Пешком по дну Азовского моря прошел, всю рыбу, главное дело, спас. Ульрих только удивлялся.

– Непонятная, – говорит, – у вас, у русских логика. Чуть лодку не угробили и сами не погибли...

– Логика, может, на первый взгляд и непонятная. Но в России так люди живут, по русской логике, – объясняет папа.

– Логика везде одна и та же, – возражает немецкий профессор, – не бывает русской логики. Как и русской демократии. Она для всех одинаковая.

– Отчего же, уважаемый, не бывает русской демократии? – замечает Виктор Михайлович. – Очень даже бывает. Как нам главный российский демократ скажет, так мы и делаем.

– Нет, – не соглашается Ульрих. – Вижу кругом в ваших словах противоречие.

– Демократия – это страшно противоречивая вещь, поэтому у нас её не любит население, – гнёт своё Виктор Михайлович, – а я всегда удивлялся и поражался, какая у вас, у немцев, великая историческая фигура была, Адольф Гитлер.

Ульрих перестал жевать. Как будто его по спине кулаком стукнули, и сейчас ещё под дых дадут.

– Чего, – говорит, – в нём такого великого, Виктор? Объясните!

– Пожалуйста. Я не к тому говорю, что он там лагеря строил, евреев уничтожал. Это и дурак Сталин хорошо умел делать. Я к тому это говорю, что даже к концу войны совершенно без ресурсов и под бомбежками такие смелые проекты в Германии фашисты осуществляли, как строительство атомной бомбы и ракет «Фау». Тут одними зверствами и концлагерями не удержишься, тут организационный талант иметь надо. Гитлер – хороший менеджер был. Нам бы такого сейчас, мы бы сделали в России технологический рывок.

– Так вы говорить не можете. Это очень опасная тема. Ведь национал – социализм принес много бедствий, – бледный Ульрих перешел на шепот.

Испугался он, что ли, что его с насыпи услышат, или с поезда?

Поезда у нас по участку идут в большинстве своем товарные, но, как известно, уши и у товарных вагонов бывают.

– Вы смелее, – говорит мой папа, – дорогой Ульрих, говорите громче, не стесняйтесь. Можете нам смело доверять, мы к любой дискуссии открытые. И про национал-социализм тоже.

– К тому же, – замечает Виктор Михайлович, – ракетой «Фау» и Вернером фон Брауном Германия гордиться должна. В России бы его именем улицы и фабрики называли, памятники ставили.

Ульрих и не знал уже куда глаза прятать.

А Виктор Михайлович с папой и не подозревают, что затронули столь болезненную для немцев тему. Я им знаками объясняю, а они совершенно не реагируют.

– Это все предрассудки, что-то там замалчивать, – говорит папа, – как предрассудки о различии людей по национальному признаку и классовому происхождению. Следует и немцам смелее обсуждать времена Третьего Рейха. Вот был у вас, у фашистов, такой герой, Отто Скорцени, спасший по приказу фюрера от верной смерти Муссолини...

Названа ли его именем хоть одна школа в Карлсруэ или площадь?

Ульрих уже не на шутку перепугался.

– Вы говорите необычные вещи. Я так сразу не могу. Мне надо собраться с мыслями, – отвечает немец, а сам, наверняка думает, что его здесь хотят скомпрометировать.

Как известно, одно неловкое слово в данном вопросе, и вашей научной карьере конец. И не только научной.

– Давайте выпьем вот этого красного вина, – предложил мой папа, – предлагаю тост за наше общее дело.

Наш немецкий гость хотел было отказаться пить за общее дело, но мы его заставили согласиться.

– Вы обязаны с нами выпить, Ульрих, – пояснил папа, – это замечательное вино содержит полифенолы, которые, как вам известно, снижают выработку эндофилина, вы, наверняка, через три часа это почувствуете. А прекрасный цвет ему придают натуральные антоциановые красители.

Ульрих выпил с побитым видом. Потом выпили еще. Наконец в голове зашумело.

Стало весело и не так напряженно. Поезда перестали мешать.

– Нет ли у вас ручки и бумажки? Мне очень нужно, – спрашивает папа.

– Конечно, конечно, – отвечает Ульрих и протягивает папе и то, и другое. –

Пожалуйста.

Папа пишет что-то и протягивает Ульриху назад.

– Что это? – удивляется тот.

– Это формула красителя, который вы сейчас пили, – отвечает мой папа и сидит страшно довольный собой.

– А-а, – замечает немецкий профессор и поднимает брови.

А сам думает, они, похоже, решили меня тут дураком выставить, а потом отравить.

Виктор Михайлович не отстает.

– Ведь что в Германии главное? – учит он Ульриха. – Главное, ор-га-ни-за-ция. Почему, например, в России все так хреново работает? Потому что одни алкоголики у нас, куда ни плюнь. Пойди, на любой завод погляди – кругом воры и пьянь. Иной раз, придешь на работу, как эти лица увидишь, думаешь, а на хрена вы мне сдались? Махнуть бы на

все рукой...

Тут папа Виктора Михайловича ногой под столом толкает и мне делает знаки, чтобы я не все переводил. А потом сам добавляет громко:

– Да-да, это правда, что японцы – молодцы, что своих алкашей вовремя заменили на роботов. Мы наших тоже скоро заменим. В России сейчас бурный рост экономики и науки.

А сам незаметно так, пальцем возле виска крутит: «Что ты, Витя, его пугаешь?»

Тут моя дочка говорит:

– Пойду, себе на МПЗ плеер чего-нибудь перекачаю. Глюкозу или там, Максима Галкина. Встала, повернулась и ушла. МПЗ плеер у неё на груди и в ушах, как подвески на английской королеве. В смысле, органично смотрится.

А Виктор Михайлович ко мне повернулся и спрашивает:

Прошу прощения, я тоже пойду куда-нибудь. Отолью.

В туалет? Идите в дом, – отвечаю.

Мне вас не хочется затруднять, чтобы вы меня водили, руки у вас все в углях, и в мясе. Двери перепачкаете. К тому же, у нас иностранный гость. У вас же на участке можно?

– Да, пожалуйста. Чувствуйте себя, как дома.

– Ну, я тогда, как дома. Дочка ваша ушла, а с насыпи меня не видно. Все свои. Вы, Георгий, переведите Ульриху, что я отлучусь. Только скажите ему, не «отлить пошел», а «по малой нужде». Так более культурно звучит. Все-таки запад, как никак.

И с этими словами Виктор Михайлович зашел за дерево. Там он сбросил с себя вериги приличия и почувствовал себя, как дома.

А я задумался, переводить или нет. Потом он вернулся и Ульриху говорит:

– Приезжайте ко мне на дачу. У нас под Дубной домик. Я его сам построил. Воздух – красота. А речка! Я там на речке и плотину сам сделал, и карпы у меня. Правда, бывает, окрестные мужики поддадут, и пошла гульба. Тогда на улицу лучше не выходить. В прошлом году продамаг сожгли, а этой весной один идиот на «Газели» спьяну в толпу на остановке въехал. Пятерых сразу положил. Прямо, Николай Гастелло. Только с той разницей, что Гастелло на самолёте, а у нас этот дурик на «Газели». Вы вообще-то о героическом подвиге Николая Гастелло слышали, Ульрих? Через три часа Ульрих уехал домой на машине. Папа с Виктором Михайловичем были уверены, что произвели хорошее впечатление.

– Теперь пойдет дело, лишь бы они начали работать поскорее.

– Главное на западе – создать впечатление. Мы теперь с Виктором Михайловичем будем у тебя постоянные гости, – добавляет папа, – не возражаешь?

– Прекрасно, – отвечаю. – Будем вот так каждые выходные сидеть.

– Как у вас тут с рыбалкой, Георгий? – спрашивает зеленоградский гость. – Я без рыбалки пропаду.

– Подыщем вариант, не беспокойтесь, Виктор Михайлович.

Часть II

Данная часть рассказа мной выдумана. Но я думаю, так оно и было на самом деле.

Ульрих приехал домой поздно вечером, разделся, лёг в постель. В кровати жена его спрашивает:

– Ну, как съездил?

Ульрих рассказывает:

– Сперва ехал по автобану 66, потом съезд. По навигатору быстро их дом нашёл. Что рассказать? Большой дом, но участок совершенно запущенный. Шум у них. А все почему? Нет ограждения, а дом рядом с железной дорогой.

Как нет ограждения? – удивляется жена. – Скажи, а русские, конечно, пили водку стаканами?

Да. Но я воздерживался, сколько мог. Прекрасно посидели. Поговорили о преимуществах демократии. Но в какую-то минуту понимаешь, мы живём в

замечательной стране. Свобода, равные возможности для мужчин и женщин, коренных жителей и приезжих. Девочка там у них мне понравилась. Хорошо воспитана, знает наши законы.

А работать с русскими будешь? – опять спрашивает супруга.

Вряд ли. Проект совершенно глухой, бесперспективный. К тому же, кто его станет финансировать? Это у русских нанотехнологии – национальный проект. У нас все работы свернуты благодаря фрау Меркель. Но перед начальством отчитаюсь. Провёл встречу с русской делегацией.

Франкфурт 2009

«Богемская рапсодия» маленькой ласточки

Первый муж

Как правило, они сами первые подходили, влезали в игру. Спрашивали про женские размеры. Молоденькая продавщица галантерейного отдела Лена Скворцова, стройная, с зелеными глазами, крашенная блондинка, знакомилась со своими мужчинами на рабочем месте. Они сами начинали разговор, задавали нелепейшие вопросы, потом оставляли телефон. С Вадиком такая же история. Пара вопросов, ответы не интересуют, взгляд блуждает, а в конце: «Когда можно вам позвонить?»

Потом кафе. Не самое дорогое, но и не «Макдональдс». Вадик был тогда на взлете, устроился на работу в страховую фирму, некоторое время не брал в рот спиртного. Купил себе новые ботинки и два галстука. А Лена Скворцова ещё совсем девчонка, окончила техникум, прописки московской и той не имелось.

Он использовал старый проверенный прием: пригласил девчонку домой, вернее он называл это «к себе на хатку», засиделись допоздна. Напоил, но не сильно. Выходила альтернатива: идти провожать, брать такси или... не брать. Вел свою нехитрую игру, рассказывал о болезни своей мамы. Как возил ей в больницу апельсины, пока она была жива. И как перед смертью, сжимая в руке апельсин, мама прохрипела:

– Скушай, сын. Тебе жить, тебе витамины нужнее.

А он отвечал:

– Возьми, это тебе они сейчас нужнее.

С тех пор он якобы не переносит апельсины. На самом деле никаких апельсинов он никуда не возил. У него на них была аллергия. Мама умерла внезапно, ночью. Ему позвонили из больницы, а он не взял трубку. Утром, наконец, дозвонились. Апельсины – это так, прием для знакомства. Давит на жалость. Знал, что на слабый пол действует. Разжалобил, потом предложил кофе. Подлил коньяку. Разогрел, пошел в наступление.

Хотя действовал тактически верно, с расчетом, чтобы ошарашить натиском, одного не знал. Скворцова сама строила ему ловушку. И про апельсины тогда ещё догадалась, и впоследствии получила подтверждение своей догадке. Так что получалось, зря старался, Лена его сама тёпленьким взяла.

Вадик тяжелую артиллерию приберёт под конец. Спел пару песен Никитина, подыгрывая себе на гитаре. Голос у него был похожий. Лена взяла наугад с полки кассету, поставила. Музыка лилась, ломался ритм. Многоголосица и чужая речь предвещали новые ощущения.

Включили торшер, лампочка издала многозначительный хлопок и погасла.

Я тебе постелю на своей кровати, сам на полу пересплю, – предложил Вадик.

Лена кивнула и подумала: «Когда это кончится?»

Никогда ещё, постелив себе на полу, Вадик на полу не просыпался. Вернее один раз, с поварихой Людкой Куманьковой. Да и то потому, что огромная Куманькова сбросила

его с себя во сне. По неосторожности.

Утром долго исследовал лицо и плечи Лены. Пару раз ущипнул. Она зажмурилась, сделала вид, что приятно. Вадик встал первым, оделся. Лена загадала. «Хочу, чтобы он сейчас пошел и сделал мне кофе, тогда у меня все получится». Думала не только о прописке, наивная ещё была. Он вдруг произнес с улыбкой:

– Давай устроим пикничок на Мальдивах, я там знаю одно приличное место возле обрыва.

И вышел. Лена слегка испугалась, вдруг совсем уйдет. Но он крикнул из кухни:

– Тебе кофе с молоком и сахаром или без?

Она вздохнула с облегчением. На полу лежали сброшенные вчера со стула впопыхах колготки, смятые, забытые, отброшенные в сторону, как мораль, которую читают мамы повзрослевшим детям.

Осмотрелась. Комната Вадика была просторной, но совершенно неухоженной.

Так началась новая полоса в её жизни. Она знала, что за этой полосой последует новая. Может быть, и чёрная. Ведь полосы сменяют друг друга не только на зебре асфальта.

В комнате не имелось почти никакой мебели. Вещи сложены в коробки. Остальные лежали в беспорядке на стульях и на полу, в углу отдыхала гитара. Вчера вечером он торопливо закрыл рукой крышку коробки. Сегодня утром, когда он пошел варить кофе, она открыла. Несколько журналов «Плейбой» за позапрошлый год. Понятно. Тоже одинокий. Ей стало тепло, ведь и она была совсем одна. Данное обстоятельство не тяготило. Наоборот, когда ты в поиске, одиночество переносится легко, как бег к заданной цели или охота.

Она натянула одеяло до шеи. Выпили кофе. Потом оделась и тоже пошла на кухню мыть посуду, расставляя тарелки и чашки несколько в ином порядке, чем это было раньше. Старалась незаметно показать, что какие-то права она себе отвоевала. Носки прилипали к полу, особенно сильно рядом с раковиной. Одетый в костюм, но в одних носках стоял Вадик и о чём-то думал.

«И это мой крест на всю жизнь, этот неряха?» – Лена сама себе не верила. С другой стороны, внутренний голос твердил: «Подойдет». Творческие люди никогда о себе позаботиться не могут. Думала: «Только бы ему не стало скучно со мной».

– Хочешь, я заштопаю тебе носки? – сказала и сделала заботливое лицо

«Прямо мать Тереза. Интересно, на сколько твоей заботы хватит?» – подумал Вадик, а вслух произнес:

– Чем тебе носки мои не нравятся? Я их купил на прошлой неделе, второй раз надеваю.

Не оценил, поняла она.

Ей нравилось думать, что Вадик гений, сочиняет гитарные пьесы и песни, перекладывает Пушкина на музыку, но слабый, как ребенок. Добрый, никем непонятый и беспомощный. Ухаживал за мамой. Когда он уходил на работу, посмотрела оценивающим взглядом продавщицы:

– Ты совершенно неправильно одеваешься. Дай я тебе помогу. Как будто вас не учат там на работе завязывать галстук!

Он ушел. Она рассматривала трещину в кафельной плитке. Интересно, делал он когда-то что – то своими руками в жизни? Жизнь зазвучала в ушах цветными красками и неожиданными поворотами, как «Богемская рапсодия». Вадик был солист Меркьюри. «A rooq boy from a rooq family». (1)

Лена влилась новым звучанием, бас гитара, она создавала твердый и ровный фон. Брайан Мэй.

Свадьбу играли шумно и весело. Приехали мама и папа Лены из Одинцовского района. Там на свадьбе была и сестра Вадика. Якобы случайно Лена спросила сестру, как умерла мама. Та рассказала, что мама умерла ночью, Вадик спал. Неправда про апельсины быстро вышла наружу. Впрочем, в наше время такие мелочи, как враньё, большим грехом не считаются.

– Если Вадька запьет, ты его бей чем попало и куда попало. Наша мама с отцом регулярно так беседует. С помощью скалки. Вадька – парень добрый, только может захандрить. А вообще, завидую тебе, – и добавила. – С пропиской ты, конечно, правильно рассчитала. Может, и Вадька со временем образумится. Хотя, наш папаня долго ума-разума набирался.

Невидимое женское братство. Кто, как не сестра жениха, даст невесте лучший совет по воспитанию и обхождению с будущим супругом? Через полгода после свадьбы в дуэте Лены и Вадика наметился кризис.

Вообще-то Вадик действовал на нервы Лены не только своей неряшливостью и бытовой неорганизованностью. У него имелись странные для взрослого мужика привычки.

Он, лежа в кровати, задумчиво ковырялся в носу, потом скатывал шарик и запускал его в потолок. Это называлось «запуском Шаттла». После супружеской близости щипал Лену за коленки и тянул кожу на живое. Лена пыталась объяснить:

– Больно. Отстань. Лучше погладь.

Он только хихикал. Пару раз она встала с кровати первой и зло бросила ему в лицо:

– Ты допрыгаешься. Дурак.

Муж словам предостережения не внимал и производил плановый запуск очередной ракеты. Имиджу сильной половины человечества был нанесен непоправимый урон. Но больше всего раздражало другое. На уровне анатомии. Он был ей не парой, как домашний кот не пара тигрице. Через полгода у Вадика начался творческий кризис, совпавший с кризисом на работе. Вадика уволили из фирмы за неоднократное появление у клиентов в нетрезвом виде. Целыми днями он лежал на диване или шлялся где-то. Приходил поздно, часто нетрезвый. Лена пыталась помогать в поисках новой работы. Через подругу раздобыла адрес другой фирмы, договорилась, чтобы Вадика пригласили на собеседование.

– У меня своя голова на плечах, – отвечал упрямый Вадик. Вместо благодарности за возможную новую работу, он только злился на жену.

Именно, что не своя, а моя. Или совсем никакой нет. Вот адрес, оденься и иди!

Покомандуй, покомандуй тут...

Послушай меня. Я тебя последний раз предупреждаю, – зашипела на мужа Лена. – Встань и иди.

Последнее предупреждение не подействовало. Лена махнула на Вадика рукой.

– Ну и живи так, как дурак!

Когда однажды Вадик пришел домой в грязном пальто и с сильным запахом спиртного, Лена уже ждала в дверях с собранным чемоданом. Вадик сделал удивленное лицо:

– Ты, чего? Лен, ты погоди...

Лампа над его головой в прихожей качалась, как от ветра. Чтобы остановить качку, пришлось ударить по ней кулаком.

– Ррра-азбился, – объяснил Вадик супруге, показал пальцем на абажур и глупо осклабился.

– Разбился. Вот сам его теперь и уберешь. Возьмешь швабру и тряпку в туалете, – и с этими словами решительно направилась к выходу.

– Ты куда? – пытался безработный муж остановить Лену. – Я тебя никуда не пущу...

Лена резким движением освободилась и вышла:

– Заодно «Шаттлы» из-под кровати вымети!

Вадик отшатнулся и попятился, как от удара. Потом упал на стул и заплакал...

Есть два типа людей. Одни считают, что узнать вкус яблока можно только сравнив его с другими фруктами: бананами, апельсинами и т.д. Чем больше фруктов перепробуешь, тем точнее установишь его в системе ценностей, стало быть, точнее узнаешь вкус. Есть и другой способ узнать о яблоке все. Для этого необходимы выдержка, умение и желание претерпеть.

Если воздерживаться от еды сутки, а потом откусить небольшой кусочек, яблоко заиграет неведомыми красками. Стоит подождать еще несколько минут, прежде чем, медленно разжевывая, съесть до конца следующую дольку. Потом еще и еще. И так до

конца в течение получаса. Таким способом яблоко открывает исследователю себя с незнакомой прежде стороны. Точно такие же методы познания распространяются на мужчин и женщин.

Сильный пол тяготеет к первому способу, так как этот способ сулит больше разнообразия, удовольствий и приключений. Здесь и охотничий азарт, и тщеславие победителя. Конечно, риск влечет за собой расходы и определенные потери.

Слабый пол в большинстве своём выбирает второй способ, так как меньше склонен рисковать и больше просчитывает свои действия. Свою расчетливость скрывают, и выдают её за преимущество: сами считают себя людьми утонченными и более высокоорганизованными, чем мужики. На самом деле они просто больше способны и склонны к притворству и обольщению.

Лена Скворцова принадлежала к нетипичному для женщин, первому варианту. Когда дела с пропиской уладились, Вадик стал больше не нужен. Бытовая неустроенность их семьи и неумение мужа вбить гвоздь в стену больше не умиляло. Теперь их совместная жизнь раздражала, как прыщики на лбу в шестнадцать лет. Болезнь роста, её хочется забыть.

В «Богемской рапсодии» слышались совсем уж фальшивые ноты. Мэркьюри притих и сник. А гитара Брайана Мэйа взбесилась и рвала струны. Началась ее сольная партия.

We will not let you go (let me go) will not let you go (2)

Второй муж

И тут подвернулся Николай Петрович Сидорский. Тоже в магазин зашёл и угодил в мышеловку. Вначале всё складывалось, как в романтическом кино. Зашёл купить какую-то ерунду, а вечером уже ждал у магазина при параде, дорогой костюм, цветы. Сидорский работал начальником отдела в «Газпроме», но говорил, что руководит «почти всем Газпромом».

Ездил на огромном черном «Мерседесе», на деньги и подарки не скупился. Отвёз в шикарный ресторан, накормил, полез под юбку на обратном пути, едва отъехали от ресторана. На первом же перекрёстке. В обычной жизни газпромовец действовал, как ледокол, который ломает все на своем пути. В этом плане он мало отличался от политики своего концерна на мировой арене. Устоять против напора нового ухажера семейная лодочка Лены не имела никаких шансов. К тому же поговаривали, что Сидорский попал в Газпром прямым из органов. С особыми полномочиями. А это накладывает определенный отпечаток на поведение. Когда-то в конце восьмидесятых он понял для себя, что в стране тотального беспредела тайная полиция – единственное звено государства, которое может не допустить развала страны. Но только в одном случае: если возьмет власть в свои руки. Произошло это прозрение в Прибалтике. Держались там до последнего. Но не смогли, не удержали, несмотря на все усилия.

Работать он Лене сразу запретил. Запретил и всё. Уволил её за пятнадцать минут. Позвонил в магазин, представился главой Газпрома и объяснил, какие бумаги им следует заполнить. И чтобы не вздумали удерживать зарплату за текущий месяц. Лене сказал так:

– У Сидорского жёны не работают. У Сидорского есть целый отдел работников. От нового мужа исходили волны уверенности и силы. Вначале это подкупало. Так зачарованно невольно любуется вышедший на шоссе сельский житель проносящимся мимо многотонным бензовозом. Но сколько можно на него смотреть? А за это любить? Казалось, Сидорский пришёл в этот мир, чтобы доделать тысячелетиями копившуюся работу: поставить, наконец, на место зарвавшихся негодяев, вознаградить добросовестных и честных, наказать своих и чужих расхитителей газа. Будто всю свою жизнь только газом и занимался.

На этом месте у внимательного читателя должен возникнуть вопрос. Автор пишет, что

Сидорский ничего не понимает в газовой сфере, поставлен на своё место чьей-то сильной рукой. И в то же время он как будто создан для своей работы? Нет ли здесь противоречия? Противоречия здесь нет. Во всех крупных фирмах теперь такая тенденция. Руководить целыми крупными подразделениями посылают людей ничего в работе этих подразделений не смыслящих. Такие руководители не только автоматически находятся на дистанции со своими подчинёнными, они, к немалому удовольствию генеральных менеджеров и акционеров, смело берутся за любое дело без оглядки и сомнения. Они способны продавить любое решение высшего начальства вплоть до полного увольнения всех своих подчинённых.

Квартира нового мужа на Соколе с охраной внизу была заставлена прочной и массивной мебелью. Дубовый неподъёмный стол в кабинете, такой же шкаф. Правда, попадались и мелкие предметы интерьера. Каминные часы – семь килограммов. А, например, бронзовая чернильница на малахитовой подставке весила не больше трёх. Носки больше не прилипали к полу. За этим тщательно следила уборщица.

Лена представляла себе подчинённых своего мужа-начальника, потных рабов, и поодаль – Николая Петровича, стоящего в одежде римлянина с хлыстом в руке.

На свадьбу пригласили только узкий круг, в основном начальство нового мужа.

Супруги раз в неделю ходили в ресторан, там Сидорский брал всё самое дорогое и ей тыкал пальцем в меню.

– Бери, что захочешь. На цену даже не смотри. Вот это миноги, попробуй, а это я не рекомендую. Стоит тоже дорого, но вкус отвратительный, позавчерашний суп.

Потом кричал на весь зал:

– Человек!

Причём здесь «человек», не понимала Лена.

В постели Сидорский просил Лену распустить ее роскошные волосы. Его это возбуждало. До такой степени, что мог нанести супруге и травму. Сломать или вывихнуть руку или ногу. Иногда впадал в ярость и становился просто диким.

После одной такой бурной ночи она познакомилась с Мишей Резником, хирургом.

Познакомилась в поликлинике во время осмотра. Пришла с синяками по всему телу.

Одна нога внизу не гнулась. Пришлось наврать врачу, что упала в переходе метро.

Якобы поскользнулась и подвернула ногу. Доктор Резник ухаживал немножко робко и даже, как будто чего-то стеснялся.

– У вас прекрасный голеностоп, вам бы не мешало подтянуть бёдра. Я покажу вам упражнения.

От вида нижних конечностей Скворцовой у Резника закружилась голова. Он рассматривал кафельный пол у голеностопа. Выше бедра он даже в мыслях взбираться не осмеливался. Когда Скворцова ушла, он полчаса ничего не мог делать и ни с кем разговаривать. Вместо лекарств своей пациентке Резник предложил специальный массаж. Сам же его взялся проводить.

Массаж Резник делать умел. Иногда Лена закрывала глаза от блаженства. Руки доктора говорили больше, чем слова.

Пару раз у него возникало желание сделать Лене какой-то интимный подарок. Голова отказывалась сообщать. Он терялся, краснел и заикался.

Предлагал ей уехать с ним в Израиль. Рассказывал, не поднимая глаз, про стену плача и старый город. Лена задумалась. Это было похоже на далёкий зов неизведанной жизни. Как зов из космоса. На сей раз её не тянули грубо на сиденье машины, а предлагали сделать самостоятельный и смелый шаг вперёд. Само по себе предложение сменить место проживания звучало заманчиво, но почему-то хотелось осуществить это желание без участия Резника.

Перед Сидорским Лена своего знакомства с Резником не скрывала. Сидорский всё равно узнал бы. Стала расспрашивать мужа, не пошлют ли его и её вместе с ним в долгую заграничную командировку. Тот напрягся.

– Пошлют. В бессрочную. В Туркмению.

Не в Туркмению, а в Европу надолго. Пожить, оглядеться, освоиться.

Сидорский нехорошо посмотрел, ухмыльнулся. Потом объяснил:

Знаешь, что я тебе скажу, Ленок. У нас в конторе так: выбыл на неделю из строя – выбыл навсегда. Отставшего бойца на марше не ждут. Если меня куда отсюда и пошлют, то только на...

И он прибавил нецензурное слово. В другой раз Лена рассказывала мужу о враче – ортопед, который ей помогает лечить ногу, рассказала, что тот собирается в Израиль. Не хочешь с ним познакомиться? Миша Резник, я тебе говорила.

Не приставай ты ко мне со своим Резником, у меня на работе Аркадий Израилевич Лейбман, от него деться некуда. А тут еще и дома начинается, – стал наливать краской Сидорский.

Всё же она позвала Резника в гости и познакомила с мужем. Резник подарил огромную коробку с нарисованной балериной на крышке. От здоровых и тренированных ног балерины Резнику становилось не по себе, линия ног балерины совпадала с предметом его вожделений. Он поскорее отдал коробку.

Сидорский весь вечер злился, много пил, но вёл себя прилично. Объяснял Резнику политику.

– Значит, ты в Израиль намыливаешься? – спросил хозяин Резника.

Резник объяснил, что теперь времена уже другие, и потому место прописки такого значения, как раньше, не имеет.

– И почему вы говорите «намыливаешься»? Собираюсь... Спокойно...

– Спокойно без спешки не «намылишься», мыла тебе хватит, – учил Сидорский, – нет, так просто отсюда не уедешь. Подожди еще пару годков, увидишь, что я прав... Всё уже разбазарили. Гусинский этот, Березовский... Полстраны вывезли за кордон и закопали. Ничего, теперь по-другому пойдет, установим наш порядок.

Какой ещё ваш порядок? – визгливо спросил доктор и захотел поскорее попрощаться. Чтоб ваш брат и не пикнул. Назад вернем награбленное.

Ортопед сделал для себя свои выводы. На прощание Миша дал газпромовцу несколько полезных медицинских советов и сделал комплименты очаровательной супруге, не переходя границ тазобедренного сустава... Затем тихо закрыл за собой дверь и вышел, глядя в пол. Он заметно сутулился. Весь его вид говорил, что он извиняется за нарушение покоя их семьи. Только на улице стал приходить в себя.

– Крысиная морда, – сказал Сидорский, когда гость ушёл, и сделал движение руками, как будто отвинчивает крысе голову и выбрасывает её труп в сторону. – Видала, как на понт его я взял. А доктор твой и облажался совсем.

Он любил, когда все точки над «и» расставлены. А Лена решила, что муж просто ревнует. Но ей даже понравилось, что из-за неё в мужском мире чуть не вспыхнула маленькая война.

В нашей жизни часто случается так, что один разговор или одна встреча круто меняют жизнь. В случае с Резником поворотным пунктом его биографии стал разговор в квартире Лены. Резник мысленно сжег за собой все мосты, решил не откладывать дела в долгий ящик и ускорить процедуру оформления документов на выезд. Если его официально предупредили на таком уровне... С пациенткой Скворцовой он попрощался в тот вечер навсегда.

У самой Лены иногда проскакивали нехорошие мысли. Что будет через двадцать-тридцать лет?

«Сейчас Николай Петрович выглядел прекрасно, даже немного поправился. Но что с ним будет дальше?» – думала Лена.

Лена представляла себя в пятьдесят лет, самый расцвет. А вдруг дети? Нет, детей она вообразить себе тогда не могла. Она, уверенная в себе, у неё всё есть, и ей завидуют. От неё идут флюиды жизненного успеха. Время получать от жизни подарки за все неурядицы молодости.

И оказывается, что рядом с ней ходячий мешок болезней. Вот так подарок к пятидесятилетию! К тому же, характер мужа не располагал к тихому наслаждению супружеством.

Значит, придётся осваивать смежную специальность медсестры и нянечки – санитарки. Походы по врачам, очереди в аптеке, дешёвые лекарства для экономии бюджета, а

дешёвые, как известно, не помогают. Дома скандалы. От старости нет лекарства кроме смерти. Ох, как это ужасно!

Но больше всего ей не нравилось, что за неё всё уже решено и сделано человеком, проводившим основную часть жизни в своем служебном кабинете в доме на улице Намёткина.

Ей досталась роль английской королевы, куклы, которая хороша для церемоний. На несчастье Сидорского с середины девяностых годов сервис интернет-знакомств сильно распространился.

Новая жизнь и третий муж

Лена Скворцова переехала во Франкфурт несколько лет назад. После развода с Сидорским она удачно вышла замуж за американца по имени Джек. Познакомилась с ним по интернет-переписке. Последние месяцы пребывания в Москве стали самыми ужасными в её жизни, страшная чёрная полоса. Даже говорить не хочется. Лена поняла, что не всякий плод стоит пробовать. После переезда пошла белая полоса. Джек работает авиамехаником, живет в Германии лет тридцать, начинал простым помощником техника на авиабазе США. Дослужился тут во Франкфурте до начальника производства.

Его я иногда встречаю, симпатичный усатый дядечка, лет сорока пяти. Букву «р» выговаривает так, что невозможно не угадать американца. Ему можно задать любой технический вопрос, у него готов ответ, ходячая энциклопедия. Такого встретишь редко. Ведь и техники, как правило, специализируются на чём-то одном: есть двигателисты, есть электрики, механики кабины. Начальник производства знает вообще всё про самолёт. При встрече он энергично жмёт мне руку и смотрит, не мигая, взглядом человека, знающего сокровенные тайны жизни. Джек настоящий мудрец в вопросах житейской механики, это не фальшивый летчик-герой из книг Сент-Экзюпери. Тут я уже слышу вопли протеста возмущённых читателей. Ах, он романтика неба и певца духа Сент-Экзюпери обидел. Ну, конечно, а как это назвать, если люди играют со смертью в рулетку? Да, любой механик скажет вам, что рассказы пилотов могут волновать только далеких от летной жизни литературных критиков и экзальтированных женщин. Потому что восхищенный взгляд летчика на звёзды из «Ночного полета» не дает ответа на вопрос о тайнах мироздания и о сути бытия. Секрет победы железной птицы над ветром, ночью и ураганом заключен не в твердых руках пилота, а в простых, но скрытых от всех узлах и деталях. Суть тайны величия Человека заложена, быть может, в несущей конструкции фюзеляжа и балке, крепящей двигатель к крылу... Лишний раз убеждаешься, этим пилотам совершенно ни в чём нельзя верить! Но вернемся к нашим баранам...

Джек спрашивает меня с сильным акцентом:

Как семья? Давно хотел тебя спросить, что ты думаешь о Путине? С моей точки зрения, Россией нельзя управлять иначе, как железной рукой. Больше скажу, у нас тоже так надо.

В смысле? Я думал в Германии это пройденный этап.

Не-ет. Не в Германии и не в Штатах, а у нас на фирме. Воруют же кругом лентяи. Глаз да глаз нужен.

Мои объяснения про политику Путина его не интересуют. Он их забывает через две минуты. Смотрит куда-то вдаль, в глубины.

Да, Россия – великая страна. Толстой, Достоевский. Я в этом не очень... Лена рассказывала. Я-

то лично книгами не увлекаюсь. Хотя смотрел кино «Моби Дик». Кто эту книжку написал?

А я откуда знаю, – ответил я. Мне немножко стыдно за свои познания в мировой литературе, с другой стороны, всех американцев тоже не упомнишь. Я выдвигаю свою версию, – Может, Лондон?

Лондон? Какой ещё Лондон? Тебе говорят, американец.

– Джек Лондон.

А-а, он, значит, придумал «Моби Дик»?

У меня начинает всё путаться в голове. А и, правда, кто написал «Моби Дика»? Я соглашаюсь, что даже если «Моби Дика» Лондон написал, в чём я совсем не уверен, то жил этот самый Лондон в Америке.

Американский Лондон. И Джек, как и ты.

Фу-у. Ну, вот видишь. Все же я оказался прав. И я после «Моби Дика» стал думать про гарпунные пушки. Как этот твой Лондон описывает. Там же стоит разрывной заряд... с капсюлем, по сути дела, граната... То есть, насколько я понял, таким кита не убивали, а добивали... Понимаешь? Теперь вместо кита возьми другую мишень...

– Интересно. Как Лена? – спрашиваю я.

Он сверяет свои часы с временем по Гринвичу, шепчет себе под нос: «Тринадцать плюс сорок минут после посадки, плюс стоять в пробке» и объявляет:

– Сейчас в Бангкоке они выходят из автобуса и идут к отелю. Посмотри в компьютере BDDH. (3)

Лена пару лет покрутилась на земле, с нуля выучила английский и немецкий. И тот, и другой языки знает очень, кстати, прилично. Джек не только не ограничивал её в желаниях чего-то сделать самой, а наоборот, всячески помогал. Ведь известно, ничто так не сплачивает семью, как совместный труд во общее благо. Желю он боготворит и называет «Май литтл своллоу», «моя маленькая ласточка». Правда Леночка трактует его американскую нежность по-своему: «Моя маленькая сволочь, точно угадал». Постепенно Лена взлетала всё выше и выше, пока наконец не получила немецкий паспорт и не сделалась стюардессой в одной хорошей и известной на весь мир компании. Там же работает её муж и следит за хорошим обслуживанием самолётов, на которых может оказаться супруга. А оказаться она может практически на любом из них. В Гонконге и Нью-Йорке, в Париже и Афинах.

Ах, стюардесса. Сколько прекрасных слов и песен написано об этих летающих женщинах в голубой униформе. Я имею отношение к той известной компании, я в ней работаю, я в этой фирме даже уже не новичок, хоть и провожу своё рабочее время на земле.

Мы с Леночкой Скворцовой сидим в «Восточном экспрессе», нам по пути. Orienthal Express, «Восточным экспрессом» во Франкфурте называется электричка, проходящая сквозь Рюссельсхайм и аэропорт. Каждый божий день, с понедельника по пятницу, в выходные и праздники этот поезд набит людьми. В основном турками, югославами и арабами, они едут в Рюссельсхайм на огромный завод «Опель Верке» или в аэропорт. Этот поезд ждут – не дождутся работяги всех окрестных городов и деревень области Райн – Майн.

В одну сторону торопятся грузчики, контролёры, в другую – рабочие с конвейеров «Опеля». Стюардессу тут встретить – роскошь.

Поезд пестрит лицами, окружает, обволакивает тебя кругом, как одеяло, сшитое из тысячи разноцветных кружочков. Одеяло в стиле патчворк. Запах дешевой еды сменяется ароматами подмышек и спецодежды.

Вот ведь название: «Восточный экспресс», прицепится – не отдерешь. У нас есть рабочая столовая для нашего аэропортового пролетариата, наших *ried – noir* (4). Называется «Der schmutzige Löffel», в переводе на наш язык «Грязная ложка».

Прицепилось название неведомо когда. Наверное, разок ложки не помыли. И с тех пор так и осталось. А они там у себя в столовой и ремонт неоднократно делали, и ассортимент блюд улучшали, и сервис. Только ничего не помогает. «Грязная ложка» – это теперь на всю жизнь.

Леночка едет в «экспрессе» со своим чемоданчиком, я со своим рюкзаком. Почему-то ей форма не мешает, а только мне. Почему мой рюкзак топорщится из всех углов, а её чемоданчик, как с полки магазина? Я плохо выбрит, рубашка и пиджак пропахли керосином. У Лены аккуратный вид, роскошные волосы собраны в замысловатую косичку, усталости от многочасового перелете нельзя заметить на лице.

Дело в подходе к жизни. Для нее успех не делится на успех дома и карьеру. Карьера и дом – одно целое. Есть муж механик, есть работа, а есть она, Лена. Вот и всё. Лена рассказывает про одну свою старую подругу, тоже стюардессу, нашу общую знакомую. Как она купила новый «Ауди» кабриолет, а денег за квартиру заплатить нету. И теперь ходит, мучается, и машину жалко, и жить негде. Какая непрактичность!

– Кому он нужен, кабриолет? – ни к кому не обращаясь, говорит стюардесса.

Типичная русская дилемма из разряда вечных вопросов: «Нет денег, никто не виноват и ничего не хочется делать»

Джек говорит, у кабриолета усиленный кузов, который повышает расход бензина, – рассказывает мне стюардесса Скворцова.

Твоя эта подруга-кабриолет мне всегда не нравилась, – отвечаю я.

Как ты можешь так говорить о моей лучшей подруге? Тебе все они не нравятся. Может, тебе и я не нравлюсь?

Видите, как умная женщина поворачивает разговор. Высший пилотаж.

– Нет, ты другое дело. Просто, подруга твоя вроде подростка. Хочет всего сразу. Не знает последовательности действий, что после чего надо делать. Но у тебя и возможности другие. Ты же стюардесса, как принцесса, как весь гражданский флот... И муж всегда на подхвате.

– Ах, ты бы знал, как нам хлеб достаётся.

Вздыхает, смотрит на покрытые маникюром ногти. Наверное, Резник на моём месте тоже бы вздохнул и посмотрел в пол. Но у меня нет сочувствия к лётчикам и стюардессам. Я знаю, что потом и кровью хлеб достаётся *menu peuple*(5), низшей касте, а не им. Мне мой хлеб тоже легче вырвать у судьбы из цепких лап, нежели какому-нибудь механику или грузчику, «маленькому синему человечку» (6).

– Вот, посмотри, – говорю я, – хотя бы на разницу в столовых. Вы, летающая публика, почему-то не спешите в «Грязную ложку», а идёте в этот ваш «Голубой салон». А грузчик? У него и карточки нету, чтобы даже зайти в «Салон». Вы же считаете себя высшей кастой.

– Ха, а сам тоже сидишь с нами, весь в «Голубом сале» или нет?

Это правда, лет уже пять я в «Ложке» не был. Не хочу туда даже заглядывать. В «Голубом салоне», столовой для лётного персонала, кассирша не просто тебе улыбается и порцию кладёт в три раза больше нормальной. Там, если денег нет, накормят в кредит. «Заплатите после, молодой человек. – У меня и после нету, конец месяца. Вас завтра устроит? – Устроит и послезавтра, приятного аппетита».

Где вы такое ещё видели? Коммунизм в отдельно взятой столовой.

– Исключительно в «Салон» хожу, потому что, привыкнув раз к хорошему отношению, не переношу хамства общественного питания «Грязной ложки».

Но и Леночка не лыком шита.

А ты знаешь, как мы на борту питаемся?

Догадываюсь. Доедаете за пассажирами. Порции несчастным людям не докладываете. А они не требуют долива пива после отстоя пены.

Тебе смешно. А если дальний маршрут, восемь часов или больше? Пилоты себе всегда берут еду только из первого класса. Первым делом, ещё до взлёта, у них меню в руках. Только всё самое лучшее, чтобы на подносе. И чашки из фарфора. Он там в своей кабине. Вроде, падишах. Если козёл какой-то попадётся, так туда-сюда загоняет. То ему принеси, это дай. Кофе с сахаром, чай на блюдецке, конфеточки-салфеточки, газетку свежую, пожалуйста, только с кроссвордом... А нам, в зависимости, кто, где стоит, и кому что достанется, остатки. Номера в гостинице у пилотов в два раза больше наших. И ведь, главное дело, мы работаем, а он взлетел и сидит там, как пришитый, штаны протирает.

Вам полагаются кости с барского стола, – я киваю головой. – Но вы же тоже заказываете себе в полёт еду, кто захочет?

Ты знаешь, сколько стоит одна наша порция? Шесть – восемь евро в среднем.

Мы молчим. Всё равно мне их не жалко. Плебейская кухня. Я себе представляю, как они там в воздухе эти порции делят. Особенно те, которые из алюминиевых коробочек

трескают, а старший бортпроводник рядом бизнес-ланч уплетает. Для них же это имеет принципиальное значение. Если тарелка не того размера – потеря статуса в глазах окружающих.

Весело у вас, должно быть.

Да уж, не соскучишься.

Как там твой муж?

Ничего. Сидит ночами. И на работе чертежи, и дома чертежи. Деваться от них некуда.

Придёт с работы и в подвал, на станке чего-то там точит.

Вот это новость! Неужели наши механики ночью дома с чертежами самолётов сидят?

Он так работой завален, ему дня не хватает?

Какие самолёты? Скажешь тоже! Он себе грузовик собирает по чертежам. «Форд» двадцатых годов. И на работе только им и занят. Всех гоняет на склад ему детали искать. Самолёты молодые ребята чинят, он же у них там старший.

А-а, как я сразу не понял.

Таким образом, разделение на классы универсально, оно всегда и везде с нами, в воздухе и на земле, в столовой и в мастерской. Маркс сделал бы из нашей беседы далеко идущий вывод.

Зеленые глаза Леночки горят злым огнем, ягуар может сожрать подвернувшегося под лапу кролика. У меня есть интерпретация этого нездорового блеска глаз.

– Ты переживаешь, что ему «Форд» больше тебя нужен?

Глаза сужаются. Кошка. Сейчас исцарапает мне лицо. Даже турки на соседнем сиденье перестают смеяться.

Если муж убегает от жены в подвал, есть одно верное средство его оттуда достать.

Какое?

Кажется, глаза потихоньку встают на своё место. Сегодня такой опасный день у меня.

– Детей у вас пока не завелось?

Я не доктор, но сеанс психологической помощи для одиноких сердец могу провести. На меня смотрят всё с возрастающим интересом с соседних сидений грузчики. Здорово стюардессу развлекает.

– Если нет, то сейчас самое время их заводить.

Знаешь, что я в тебе ценю? – улыбается радостно Леночка.

Что я прямой и честный, как Чапаев?

Это тоже. Что с тобой я обо всём могу говорить. Даже всякие секреты тебе рассказываю. Ты и так про меня всё уже знаешь. Мы долго с Джеком над вопросом детей трудились, и, кажется, у него получилось. То есть, у нас. Только это пока секрет. Поздравляю. Будет у вас для малыша не коляска, а маленький «Форд» двадцатых годов.

Дурак ты. Ладно, мне выходить, увидимся ещё.

Я зарабатываю поцелуй в щёку. Скворцова уже на перроне, а за ней катится её дорогой алюминиевый чемоданчик «Римова». И, кажется, он всегда был в её руке. «Восточный экспресс» устраивает ей бурные проводы. Сперва весь вагон напрягается: цокают языками, качают головами. Потом подмигивают мне. «Где ты ее подцепил, счастливчик?»

Беременность

С Леночкой мы встречаемся не по расписанию, а внезапно. Почти всегда с погодой в это время какая-то неразбериха. Оно и понятно: когда на земле ураганы и снегопад или, не дай Бог, что-то выходит из строя, когда задержки и отмены рейсов, у лётных экипажей нет работы. В столовой-кафетерии «Голубой салон» всегда ясная и безоблачная погода.

– Вам побольше макарон или поменьше? Сыр пармезан лежит во-он в той тарелке.

Возьмите, сколько посчитаете нужным.

Спасибо.

Пожалуйста. И, если что-то не так, обращайтесь.

Здесь галантные лётчики уступают места стюардессам и друг дружке. В обычной жизни и общественном транспорте они такой возможности лишены. Поскольку общественным транспортом не пользуются. Я сажусь туда, откуда мне издали машут рукой.

– Здравствуй, воздушный шарик. Ты уже занимаешь чуть больше места на земле.

Взлетать стало трудно?

– А ты всё там же, в нашем «Голубом сале». Шёл бы к себе в «Ложку».

Это у нас обычный обмен колкостями. Вокруг радостные, ухоженные лица стюардов, их длинные пальцы украшают кольца. На их неземных лицах нет морщин и следов забот.

Стюарды принадлежат к группе нетрадиционной сексуальной ориентации.

Садись, покушай свою картошку с голубцами.

А я не помешаю голубцам?

Голубцы уже покушали. Сейчас они свалят, – говорит она мне по-русски и подмигивает. «Голубцами» на языке Леночки зовутся стюарды-нетрадиционалы. Я-то знаю, что после язвительных немецких подруг ей приятно посидеть не в компании престарелых капитанов-дальбойщиков и стюардесс «Евровингс» (7) в провинциальных красных шарфиках, а поболтать по-русски с «родным человечком».

– У меня к тебе вопрос, Леночка, как к профессионалу. Я смотрел вчера по телеку передачу. Про одну кассиршу, которую выгнали с работы. Имеет ли право начальник выгонять своего работника, если та проработала тридцать лет на своём месте и была уличена в краже одного евро и восьмидесяти центов?

Нет.

Но ведь доверие начальства навсегда подорвано. Так в передаче сказали.

Со стен к нашему разговору прислушиваются плакатные лётчики и стюардессы шестидесятых годов.

Дураки они. И на кассе никогда не работали. Касса всегда не сходится с суммой проданного в конце дня. Ты крутись, как хочешь, обсчитывай, а себе чуть-чуть оставь больше. А то прогоришь. Так любой кассир делает. На кассе резерв должен быть. Я так думаю, десятка – двадцатка.

Вот что значит профессиональный подход. Какая она всё-таки умница. Хотя хитрая стерва, разумеется. Гораздо хитрее плакатных стюардесс, у которых всегда всё сходится до цента. Поэтому их, собственно, и приговорили к публичной казни, повешению на стенку, на всеобщее обозрение.

Как протекает беременность?

Всё хорошо. Уже больше не летаю. Пришла кое-какие вещи забрать.

Знаешь уже, кто будет?

Не знаю. А кто лучше?

По мне, так мальчик. А лучше – не знать. Так спокойнее.

Леночка смотрит на меня внимательно. Видимо хочет, чтобы я дал ей пару советов по жизни и вообще поддержал. Я поддерживаю. Даю жизненные советы. О воспитании и развитии речи. От двух до пяти.

– Хорошо тебе тут сидеть, когда кругом на небе и на земле такой бардак, – завидую я ей. – К тому же твои дела во сто раз важнее всяких туманов. Главное – это спокойствие, причём заметь, в любом деле. А уж в твоём, и подавно.

А что, у нас туман? – удивляется она. – Вроде бы на улице ясно.

У нас одна полоса закрыта в связи с боковым ветром, а туман не у нас. В Мюнхене.

Нашли, где построить аэропорт. На болоте.

Как на болоте? – удивляется Леночка.

А вот так. Очень просто. Мюнхенский аэропорт стоит на Эрдингском болоте, это болото осушали – осушали, торф вывозили-вывозили, только его не осушишь никогда.

Мне самому приятно, что я хотя бы об одном интересном факте могу рассказать стюардессе из её профессии. По большому счёту, я дилетант, где-то что-то читал, слышал, своим умом дошёл. Но какой из меня специалист? Смех один. Вот, Джек, другое дело.

Потом, всем известно, что кроме капитанов стюардессы никого всерьёз не

воспринимают. Это их начальство и высший авторитет во всех вопросах. Зелёные глазки смотрят на меня с интересом. Челка съехала на слегка округлившееся лицо. – И что?

И вот что. Там у них на болоте сложные гидрологические условия. Стоят насосы, всё время качают воду. Иначе зальёт всё. У них в Мюнхене есть даже штатные водолазы. Чтобы чистить помпы время от времени.

Водолазы в аэропорту? – она смеётся чисто и звонко.

Окрестные «голубцы» ломают брови, плакатные тетеньки на стенах и за столиками молчат. Не над ними ли смеются?

Я рад, что повеселил тебя, мне пора.

Погоди, – она берёт меня за руку, – я хотела тебе кое-что сказать. У меня завтра анализ, ну-у, исследование. Я боюсь.

Вдруг в глазах Леночки появляются слёзы.

Какое исследование, ультразвук?

Нет. Они сказали, надо обязательно сделать анализ околоплодных вод. После анализа выясняется, ребенок нормальный или нет.

Я не любитель давать советы беременным женщинам, к тому же я не врач. Если она решила, что я разбираюсь в гидрологических условиях Мюнхенского аэродрома и, следовательно, специалист по околоплодной жидкости, то это заблуждение. Но меня уже не остановить. Этот идиотизм с околоплодными водами нам в свое время стоил тоже кучу нервов.

Послушай меня внимательно, Лена. Не ходи туда. Это гадкое исследование. Оно никого ещё не сделало счастливее, от него одни неприятности. Забудь, что тебе говорят врачи, слушай меня.

Джек говорит, что надо идти...

Плевать на Джека. Скажи, ходила. Всё нормально. Зачем тебе исследование?

Оно показывает, здоров ли ребенок.

Я стараюсь говорить спокойно, как только умею. Действовать аргументами и одновременно напирать на совесть.

Смотри, это исследование не стопроцентное, с моей точки зрения, опасное. И в других странах его вовсе не делают. Только по желанию. Тебе проколют живот иглой и могут повредить плод. Это дрянь, на которую нельзя соглашаться. Они просто деньги получают ни за что. А результат показывает только, есть ли синдром Дауна. Больше ничего. Если результат плохой – аборт. Ты что, пойдешь на аборт?

Конечно. А что делать? Не урода же рожать! Зачем мне ребёнок – Даун?

Вот она, проблема современных женщин. Всё должно быть стопроцентно хорошо. Если плохой муж – развод, плохой ребёнок – аборт. Как это всё наивно, а, главное, глупо.

Пойми же ты, есть сто тысяч других болезней, от которых умирают и болеют дети. Не надо мучить его, – я показываю на живот.

Она морщится, мои высказывания ей не нравятся. Какой-то фатализм от них исходит.

У меня совершенно нет времени. Я впопыхах прощаюсь, мы вместе выходим на улицу, идём вдвоём. За спиной нам машут руками «голубцы». Они, разумеется, в своё время с успехом прошли тесты на нормальность.

Если родится здоровый мальчик, назову в честь тебя. Я ещё хотела про коляску спросить... Вам коляска нужна? Ваши дети выросли уже.

Конечно, не нужна коляска, забирай. Леночка, мне некогда. Давай созвонимся. Есть у тебя ручка?

– Нет, – она смотрит на меня растерянно. Потом радостно бьёт себя по лбу. – Комэйл!
(8)

Точно! Я тебе напишу записку, чтобы ты позвонила, брошу в твой ящик.

Я убегаю. Лена жмёт мне руку и машет вслед.

Брось номер телефона мне в ящик, – кричит она. – Если, конечно, коляска не нужна!

Хорошо, – отвечаю я издали, и показываю большой палец для наглядности.

Бегу на работу, а в голове одна мысль: «Ведь не послушает меня. Ладно, всё у неё будет хорошо». Главное теперь, не забыть оставить номер телефона через «компани

мэйл».

«Компани мэйл» – прекрасное изобретение, внутренняя служебная почта компании. Кажется, эту почту завели именно для тех, кто с неба сваливается на землю, как снег на голову. Кто не имеет семьи и изменяет супругу, но обставляет все свои похождения по схеме «шито-крыто». Я знаю одного гиганта половой жизни, которому дома устраивают допрос с пристрастием и который неизменно выходит из любого положения с незапятнанной репутацией. Презумпция невиновности.

Всё потому, что он пользуется исключительно конфиденциальной «компани мэйл». Бесплатно, никаких СМС и электронных писем. Они оставляют следы. Короткая записка и звонок по телефону. Всё спрятано в почту компании, адреса и явки, засохшая алая роза и номер в гостинице на обрывке листочка. Никто никогда не докажет его вину. Имейте это в виду, подозрительные жены и ревнивые мужья, чьи супруги выбрали лётную работу.

Нелётная погода

Обмен телефонами через «комэйл» прошел успешно. Мы даже созвонились один раз. – Слушай, как ты думаешь. Что он за человек, мой Джек? – спрашивает она меня. – Мне важно знать твое мнение.

– Хороший человек... Надежный.

– Нет. Не то. Мне кажется, кроме работы и своего хобби его ничего не интересует.

– Лена, – говорю я, – ты, хотя и ласточка, но ласточка довольно взрослая и опытная.

Джек тоже не школьник, он бывал во всяких передрыгах. Много чего видел и испробовал. Он цельный, как кусок железа. Может быть, слегка холодный на ощупь...

Но лучше Джека вряд ли бывают мужья.

В трубке молчание. Она что-то там опять просчитывает в своей хорошенькой голове, какие-то свои варианты. Можно быть уверенным, я в этих подсчетах тоже участвую.

Как запасной аэродром, под своим номером... Трудно сказать, под каким. Наверное, что-нибудь вроде запасного аэродрома номер триста двадцать два.

Через два дня календарь показывал обычную чёрную дату на календаре, 3 февраля. А между тем такие дни у нас остаются надолго в памяти. Это когда весь день, словно сговорившись, погода, техники, диспетчеры и наземный обслуживающий персонал делают всё невпопад. Мешают друг другу, люди кричат и ругаются, с неба поливает снежная мука. Самолёты вязнут в пене антиобледенителя, лётчики обрывают телефоны, электрика выходит из строя, а мы орём в ответ в трубки телефонов до хрипоты. По летному полю снуют белые двухголовые «слоны». «Слон» – вполне официальное название автомобиля с оператором и водителем. В нужный момент кабина водителя раздвигается, огромная мачта выдвигается, оператор включает пушку. Тогда из хобота «слона» по крыльям гуляет разноцветная жидкость против обледенения. Когда подойдет долгожданный «слон», сказать трудно. По радио идет сплошная перебранка. Весь график полетов летит к чертовой бабушке.

Наш шеф сидит в огромном операционном зале со множеством компьютеров и уныло глядит на свой монитор. Наш шеф, огромный и толстый пятидесятилетний человек в дорогом костюме «Хуго Босс», не смыслит ничего в нашей работе. Его перебросили сюда из отдела, ведавшего снабжением фирмы запчастями. Он свой человек для того человека, который поставлен над ним. Естественно, никто никогда его ни о чём не спрашивает. Всем известно, что с утра до вечера шеф пишет кому-то письма, звонит жене и детям по телефону, а остаток рабочего дня играет с компьютером в простенькие игры, не требующие большого напряжения ума. Его предшественник за такую же примерно деятельность был атакован сотрудниками отдела, желавшими улучшить условия их работы. Результатом оказалась тотальная реорганизация с увольнениями и урезаниями зарплаты. Именно тогда я и получил своё место в отделе. В хаосе тех дней я подал заявление о приёме на работу и был моментально зачислен в штат как новичок, ничего не смыслящий в специфике отдела и, следовательно,

неопасный.

– Слушай, замени меня на полчаса у приёмника, – просит меня сосед. – Я хоть на свежий воздух выйду.

Я только что вошел. На мне мокрая куртка, с меня течет липкая вонючая жидкость, как с самолета. На летном поле я пытался внести элементы порядка и организации в хаос «тяжелого операционного управления». Такой существует специальный термин. Мы подменяем друг друга, когда невмоготу. Иначе не продержишься. Стягиваю куртку, сажусь.

Эфир забит голосами, но у нас своя частота. Это частота станции Франкфурт. Так называемая «компани фриквенси». (9) Мы диспетчеры наземных служб.

В спокойный день радиопереговоры иногда носят шуточный характер. Упражнение в остроумии. Во время чемпионатов по футболу летающая публика хочет знать последние результаты матчей. Во время аврала иначе. Пробриться к нам можно по одному. Для остальных – занято.

– Франкфурт, Франкфурт. Это «Фокстрот Чарли» (10), как слышите меня?

Голос волнуется. Второй пилот?

«Фокстрот Чарли», Франкфурт на связи. Говорите, «Фокс Чарли».

У нас «Эмёрдженси», нам нужна машина скорой помощи, мы сядем у вас через полчаса.

Вообще-то «Эмёрдженси» за полчаса до посадки – не совсем по нашей части. Когда повреждено шасси или птица разбивает лобовое стекло, пилот на связи по радио непосредственно с диспетчерами аэропорта.

«Эмёрдженси» – это аварийная ситуация в воздухе. С угрозой для жизни людей или без и с разными уровнями опасности. Тогда аэропорт закрывается для всех рейсов, из ангаров выползают пожарные мастодонты и рассредоточиваются вдоль посадочной полосы. Но раз он сюда пробился, что-то ему от нас нужно. Отвечать следует спокойно, без нервов.

Что у вас на борту, «Фокс Чарли»?

У нас сердечный приступ. Пожилой мужчина, делаем массаж сердца.

Ах, понятно, «Фокс Чарли». У вас не «Эмёрдженси», а «Медикл». Где сидит пассажир?

Он не сидит, а лежит на полу! Вы там в своём уме?

Я спрашиваю, куда подавать машину, к задней двери или к передней?

Сейчас узнаю, где он лежит. Ждите.

«Медикл кэйс» или «медицинский случай» отличается тем, что самолёт садится в нормальном режиме, диспетчеры его ведут без очереди на посадку, но пожарные расчёты остаются в ангарах. Единственное, что сейчас нужно «Фокстрот Чарли», как можно скорее сесть, сойти со взлетной полосы на рулежную дорожку и добежать до ближайшей парковочной позиции. Эта самолетная пробежка называется смешным словом «такси». И чтобы после «такси» пассажира уже ждала скорая помощь. Иногда, специальный лифт, если совсем трудно тащить больного.

Я жду нового запроса «Фокстрот Чарли». Если я чего-то не понимаю, я не стесняюсь переспрашивать пилота. Все мои скромные знания мной почерпнуты из этих самых радиопереговоров и рассказов сотрудников отдела, оставшихся в живых после реорганизации.

Мой мобильный телефон в кармане рубашке верещит. Как не к месту.

– Да, я слушаю.

Голос на другом конце задыхается в слезах.

Они сказали, надо делать аборт.

– Кто это говорит?

Это я, Лена. Лена Скворцова.

Леночка, кто тебе сказал? Ты ходила на исследование?

Да! Да-да!

Когда?

Вчера. Он оказался урод. Если не сделать срочно аборт, я умру... Он погубит меня.

Опасность для жизни матери.

Погоди, дай подумать...

Всхлипывания в телефонной трубке. Да и о чем тут разговаривать? Мои аргументы – это причитания бабушки-гадалки перед железным вердиктом томографа. Радио у меня на столе шипит. Куда подевался этот друг, которого я тут подменяю?

– Франкфурт, Франкфурт. Это «Фокстрот Чарли», слышите меня?

– «Фокс Чарли», стенд бай. (11)

Лена, кто тебе сказал, что он тебя погубит?

Врачи, кто же еще.

Лена не надо делать срочный аборт. Срочный аборт, что это? В конце концов, есть и другие врачи!

Франкфурт, «Фокстрот Чарли» на связи.

Стенд бай, «Фокс Чарли»! Лена, сходи в другую больницу...

– Подмените меня срочно! – ору я в зал нашего диспетчерского пункта. – Где этот проклятый сменщик!?

Голова шефа с состраданием и усталым сочувствием в глазах смотрит в мою сторону.

Он глядит как человек, который продулся в пух и прах. С другой стороны, а какой из меня работник? Совершенно посторонними делами занимаюсь на рабочем месте. Что называется, посади свинью за стол...

Beelzebub has a devil put aside for me, for me, for me или

Вельзевул припрятал дьявола для меня

Она его убила. Спрашивается, какое мне до всего этого дело? Я этому ребенку не отец. Хотя его и хотели назвать в мою честь, ну, так это, может, Лена сгоряча лягнула. Какое право я имею уговаривать малознакомого человека рожать больного ребёнка? Ей же потом мучиться с ним, не мне. С другой стороны, кто давал право врачам или матери совершать убийство инвалида? Вернее, надо формулировать аккуратнее. Врачи – тоже люди. Могут и напортачить, могут ошибиться. С большой вероятностью убили инвалида. Ко второму месяцу у ребенка уже есть руки, ноги, бьётся сердце. Он испытывает боль. Я предполагаю, что большинство женщин, делавших аборт, на этом месте закрывают мой рассказ и переходят к своим повседневным делам... Вот гад, что он пишет! Сам бы на нашем месте оказался... Дело сделают и в кусты, а нам крутись. И в убийстве обвинят напоследок.

Короче говоря, они совершили убийство. Из ритуальных соображений. Почему говорят, что плод оказался нежизнеспособен на второй день после исследования? А до того было все хорошо. Потому что слова про «нежизнеспособный плод» – это и есть на медицинском языке индульгенция. Все равно бы он не выжил.

Когда Лена пришла в себя, то позвонила. Рассказала в подробностях о своих переживаниях. Джек привёз её в больницу, там уже собрался целый консилиум.

Предложили два варианта: операция или искусственные роды. Искусственные роды лучше, тогда материнское тело уродуется не до последней степени, позже можно снова попробовать родить ребёнка.

Она рожала сорок часов. Джек никуда не отходил, не спал. Почернел и постарел там на десять лет.

Достали ребёнка, он ещё был живой, и оставили умирать. Дали ему имя.

– В честь меня? – спрашиваю Лену, а у самого чернеет в глазах.

– Нет. В честь меня. Хелен, девочка.

Потом были похороны. В Бад Гомбурге. Там на кладбище есть специальная площадка для таких малышей.

Я вздыхаю. Но и это ещё не всё.

Через какое-то время после выписки ей позвонили из мебельного магазина. Джек был на работе.

– Здравствуйте, это вы заказывали детскую кроватку? Когда её привезти?

Вместо того чтобы аннулировать заказ, Лена взяла с полки каталог, заставила себя его открыть и ответила спокойно:

– Я хочу переоформить заказ. Вместо детской кроватки привезите, пожалуйста, обеденный стол.

Выбирала недолго. Заказала его, большой и нескладный, как гроб.

– Есть у вас такой? Цвет чёрный...

Она пролежала на кровати полдня, спазмы давили горло, тело трясла дрожь. Вечером поднялась температура, началось кровотечение, пришлось вызывать скорую и ехать опять в больницу.

Больше с Леной Скворцовой мы не созваниваемся. Она пока на больничном, у неё болит спина от уколов и обезболивающих лекарств. Я ничем ей помочь не могу.

Черная полоса жизни у человека.

На летном поле встретил стюардессу, ту самую, с кабриолетом «Ауди». Кабриолет сделал трагическое лицо.

– Ничего, Ленка выкарабкается, Ленка сильная...

В голосе едва проступает торжество.

Мне кажется, что над работягой Джеком сгущаются тучи. Чтобы психологически выкарабкаться из дерьма, Лене Скворцовой надо чем-то жертвовать. Такая у этой женщины всегда была логика и тактика. Одинокий зверь. Не ласточка, а стервятник. Ведь вокруг полно людей, которые на отвороте рукава носят соблазнительные широкие капитанские полоски.

Жизнь продолжается, и ветры в нашем аэропорту дуют с прежней силой.

Примечания автора

Названия «Восточный экспресс», «Голубой салон» и «Грязная ложка» – не выдумка. Так они именуются и по сей день.

(1) «A poor boy from a poor family». англ. Бедный мальчик из бедной семьи, фраза из «Богемской рапсодии» группы Queen. Сама рапсодия – одна из самых загадочных композиций группы. Рапсодия полна намёков на человека, совершившего убийство и боящегося наказания. Критики видят в рапсодии связь с «Фаустом» Гёте и повестью «Посторонний» (другое название «Чужой») А. Камю.

(2) We will not let you go (let me go) will not let you go. англ. Не дадим ему уйти (отпустите меня) Не дадим ему уйти

(3) BDDH компьютерная команда вывода на экран списка экипажа рейса

(4) pied – noir фр. «чёрные ноги», пренебрежительное название выходцев из Алжира во Франции, в переносном смысле «чёрная кость»

(5) menu peuple фр. «люди низшей категории», тоже, что pied – noir

(6) маленький синий человечек – рабочая одежда грузчика, его комбинезон, имеет синий цвет

(7) «Евровингс» дочерняя компания Люфтганзы

(8) Комэйл! От английского «company mail» – почта компании, система корреспонденции, доступная только работникам фирмы

(9) «компани фриквенси» англ. «company frequency» радиочастота, на которой пилот может связаться с наземным представителем своей авиакомпании или «станцией»

(10) «Фокстрот Чарли» или «Фокс Чарли» – в переговорах со станцией пилоты используют в качестве позывного последние две буквы регистрационного номера своего самолёта в английской аббревиатуре. «Фокстрот» – буква «F», «Чарли» – буква «С». Для переговоров с авиадиспетчерами используются другие позывные

(11)стенд бай. Англ. stand by – в радиопереговорах просьба перейти в «режим ожидания»

Приложение

БОГЕМСКАЯ РАПСОДИЯ

Перевод из книги "Queen. Песни",

Это настоящая жизнь,
Или это лишь фантазия,
Погребенная под оползнем,
Ведь от реальности нет спасения.
Открой свои глаза,
Посмотри на небеса и подумай.
Я просто бедный парень, я не нуждаюсь в сочувствии,
Потому, что меня можно дешево заполнить – легко потерять;
Мое положение то лучшее, то хуже;
Все же, ветер дует, но это не имеет особого значения для меня.

Мама, я только что убил человека:
Приставил ружье к его голове,
Спустил курок – сейчас он мертв.
Мама, жизнь только начиналась,
Но теперь я погиб, она пропала.
Мама, ох,
Я не хотел вызывать слезы.
Если я вновь не вернусь в это же время завтра,
Живи, живи, будто ничто не имеет значения.

Слишком поздно, мое время пришло,
Дрожь пробегает по спине,
Тело все время болит,
Прощайте все, я должен идти,
Должен оставить вас всех и смело взглянуть в лицо истины.
Мама, о, (В любом случае, ветер дует.)
Я не хочу умирать,
Я порой желал бы вообще не появляться на белый свет.

Я вижу маленький силуэт человека,
Скоморох, скоморох, станцуешь ли фанданго,
Гром и молния очень, очень напугали меня.
Galileo, Galileo,
Galileo, Galileo,
Galileo – Figaro – Magnifico -

– Я просто бедный парень, и никто меня не любит.
– Он просто бедный парень из бедной семьи,
Избавьте его от уродства.

– Дешево досталось – легко потерялось, вы мне позволите уйти?
– Именем Аллаха! Нет, мы не позволим тебе уйти. – Позвольте ему уйти.
– Именем Аллаха! – Мы не позволим тебе уйти. – Позвольте уму уйти.
– Именем Аллаха! Мы не позволим тебе уйти. – Позвольте ему уйти.
– Не позволим тебе уйти – пустите меня! (x2)
– Нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет.
– О, мама миа, мама миа, мама миа, позволь мне уйти,
Вельзевул припрятал дьявола для меня, для меня, для меня.

Так ты думаешь, что можешь швырять в меня камни к плевать мне в лицо;
Так ты думаешь, что можешь любить меня, обречь на смерть.
О, крошка, ты не можешь со мной так поступать, крошка.
Просто нужно бежать, просто нужно бежать отсюда.

Ничто не имеет значения,
Все это видят,
Ничто не имеет значения, ничто не имеет значения для меня.

Всегда, ветер дует...

Франкфурт 2009

III SNOVA MOSKVA

Лето в деревне

Страны и народы разделяют не горы бетона, а алюминиевая будка, похожая на телефонную, и унылое лицо пограничника за стеклом. Я прохожу сквозь железную калитку, которая слегка (иначе нельзя), небожно даёт мне пинка под зад. Так я приезжаю в Россию. Со мной жена и дети. Мы едем к родным корням. Мы с женой считаем, что наши дети должны знать и понимать Родину. Чтобы, быть может, потом её полюбить.

Я говорю себе, что приезжаю сюда не ради пограничника и таможенника. Я стараюсь как можно скорее удрать подальше в деревню, в глушь, туда, где в помине нет цивилизации. Нравы там не испорчены.

Мне могут сказать, что таких деревень на карте не осталось. И как раз в деревне всё полностью испорчено.

Нет. Такие деревни есть, правда они спрятаны от глаз, ведь и мы прячем подальше от таможни всё самое ценное.

В глуши, куда мы едем, собрался народ из разных уголков России, чтобы жить другой жизнью. Вы уже догадались, что деревня не совсем обычная. Тут живут люди, как жили их предки в старину. Телевизоров, радио и газет нет. Есть, правда, мобильные телефоны и интернет. Дети ходят в сельскую школу, где им преподают по Ушинскому. Трапезы совместные и очень вкусные в русском стиле. А я как раз любитель экзотических блюд. Назовём деревню условно «Дубрава».

Есть небольшое «но». Нас женой в Дубраве за русских не считают. Мы «немцы». К иностранцам в Дубраве отношение особое. Как к редким тропическим цветам. Пусть мы и не настоящие иностранцы. Но это неважно. Нас любят особенной любовью. Наша воспитательная задача — совместно с нашими детьми поработать и помочь местным жителям, чтобы привить своему потомству трудовые навыки. Этими навыками сам я не могу похвастать, потому как, я лично, умею немного. Такая слабая приспособленность

может кончиться плохо: вас пошлют на самое неинтересное рабочее место, мыть нужники или грузить в самосвал мусор. Поэтому я всегда готовлюсь к поездке и беру с собой особую одежду: теннисные рубашки Хуго Босс.

Мой расчёт следующий: когда местные увидят изысканную футболку, им не захочется портить столь ценную спецовку, и её владельца пошлют в более приличное место.

Пока что мне мои уловки полностью удавались.

Как-то утром после плотного завтрака меня с детьми послали копать яму. Я надел дорогую коричневую трудовую майку, которую уже упомянул. Труд в Дубраве организован не самым лучшим образом. Если вас отправляют выполнить задание, то необязательно скажут, как это сделать и, главное, для чего. Зато и спрос с вас невелик. Скажем так: сделал – молодец, нет – попробуй в другой раз. Орудия труда вам надо добывать самим.

Все народы имеют сильные и слабые стороны. Русский народ славится как целеустремлённый, готовый броситься на помощь по первому зову и упрямый. Так я учу своих детей, читая им А. Фадеева, Б. Полевого и А. Н. Толстого.

Пробежавшие мимо меня с легкомысленным видом жители Дубравы ничем не могли мне помочь, отмахиваясь от вопросов, как от мух, являя всем своим существом полную противоположность героям «Повести о настоящем человеке». Жара и поведение окружающих делало меня все более похожим на бразильца Жоржи.

После часовых поисков лопат, мои дети убежали на речку купаться. Я же с настойчивостью, которую приобрел, читая отечественных авторов, продолжил поиски. Заполучив в конце концов некий инструмент, насаженный на длинную палку, я не совсем понимал, где копать и на какую глубину. Назначение ямы мне не совсем было понятно.

Решив для себя, что яма будет выгребная, я выбрал место в тени большого дерева, там солнце печёт не так сильно. Я нарисовал на земле квадрат и с воодушевлением приступил к рытью, страшно довольный первым успехом. Мне пришла в голову мысль, что будь мой характер американским, я непременно украсил бы свою работу по разыскиванию инструмента каким-нибудь высокопарным титулом. Например, «Операция Всесокрушающий Напор».

Когда операция достигла апогея, я обнаружил, что лопата упёрлась в толстые корни дуба.

С одной стороны было жаль бросать работу, но и лопату, с таким трудом добытую, мне было жаль. Я задумался. Подобная встреча, человека и дуба, имеет, если вдуматься, глубокий метафизический смысл. С одной стороны — мятущаяся, непостоянная двуногая тварь, норовящая копнуть поглубже и взять побольше. С другой — вечный хранитель Дубравы, дающий тень уже, быть может, пятьсот лет.

Из задумчивости меня вывел человек огромного роста с окладистой седой бородой, настоящий русский богатырь. Под стать дубу.

– Перекур? – поинтересовался богатырь.

– Перекур, – ответил я.

Мы познакомились. Богатыря звали Михалыч. Ознакомившись с трудностями, вставшими на моём пути, он принял соломоново решение. Пока дуб не завалился и никто меня не видел, закопать поскорее яму. Так мы и поступили.

– Ты из какого города? – спросил Михалыч, сгребая землю огромными башмаками.

– Родом?

– Да не родом, а живёшь где?

– Во Франкфурте.

Мой новый знакомый поведал мне свою историю. Его семья, оказывается, давно уже перебралась в ФРГ. А он остался здесь.

– Я из поволжских немцев. Но не могу там. Не моё это.

Едва ушёл русско-немецкий богатырь, как подошла старушка-молочница, чья дочь жила теперь в Баварии. Старушка поделилась со мной проблемами межнационального общения. Внук не понимает ни слова по-русски. Постепенно мне становилось

очевидно, что моя Родина кардинально поменялась за те 20 лет, которые я провёл вдали от неё. Переезд в другую страну не является больше чем-то особенным, если даже из Дубравы столько народу живёт на две страны.

Однако вернёмся к выгребной яме. Моя работа столкнулась с трудностями. Никто не мог вспомнить, какую яму меня посылали рыть, когда и почему. «Всесокрушающий Напор» бесславно завершился, а бразилец Жоржи получил новое ответственное назначение: вместе с сыном влезть на душ и покрасить чёрной краской бак для нагрева воды.

Я полагаю, при выполнении высотных работ следует:

а) не отрывать тела на долгое время от пола. Это проверенный на практике способ обезопасить себя от переломов.

б) если всё же лезть приходится совсем высоко, тем более с детьми, не обойтись без техники безопасности. Технике безопасности применительно к детям я хочу посвятить несколько слов. Я полагаю самыми важными в этой технике – элементы запугивания и наглядности.

– Помнишь дядю, который ещё вчера строил колодец возле трапезной? – спрашиваю я сына.

– Помню, – невинно отвечает сын.

– Он сегодня утром провалился в него и сломал себе обе ноги.

Сын ошарашен и подавлен. Вот, подходящий пример запугивания.

– Не повторяй его ошибок, держись за бак крепче.

В качестве элемента наглядной агитации можно использовать разбитые вдребезги предметы или же картины Марка Шагалла. Шагалу на целом ряде полотен удалось ярко, понятно для детей обыграть тему падений с различной высоты.

Итак, мы с энтузиазмом взялись за новую задачу. Подобно цирковым акробатам, рискуя свалиться каждую секунду на землю, балансировали на высоте, словно птицы, с баночками чёрной краски в клювах.

– Папа, – спросил меня сын, пытаюсь дотянуться кистью до белого пятнышка под облаками, – Почему нельзя было покрасить этот бак на земле? Ещё до установки на крыше?

Дети ставят родителей в неудобное положение, задают нелепые и даже глупые вопросы. Тут важно проявить педагогический такт сообразно обстановке.

– Не будь занудой, – ответил я. – Нас и без того все держат за чокнутых иностранцев.

Разумеется, и у иностранцев бывают друзья в России. С нами дружат не из соображений выгоды или чтобы выпендриться, а просто так. Хочется верить. Мой новый друг Сергей, проживает в богатом доме, вызывающем зависть окружающих. Сергей, пригласивший меня на блины, поинтересовался:

– Скажи, зачем ты к нам едешь?

В доме Сергея пахло знакомой с детства сгущёнкой и прогнившими досками. Разлитое в бокалы вино блестело в тусклом свете лампочки.

– Понимаешь, – поднял я бокал, – устал от гладких дорог, чистых улиц, цветов в горшках и улыбок малознакомых продавщиц.

Сергея ответ не удовлетворил. Приходилось сознаваться.

– Я уехал в 92-м, когда в России было совсем плохо. Получается, я Родину предал. Хочу загладить вину... Частично. Понятно?

– М-м-м. Понятно.

Мы помолчали. Я сделал осторожный глоток, как Моцарт, глядя в непроницаемые глаза Сальери. Напиток начал действовать, всё поплыло перед глазами... Сальери, мой новый друг, был в ударе. Вот примерное содержание дальнейшей беседы.

Сальери: – Предательство — двуликий Янус. И иногда всем от предательства бывает только лучше.

Моцарт: – Вино мне кружит голову, Серёга. То бишь, Сальери. Да и тебе, похоже,

тоже.

Сальери: – Отраву местную давно не потребляю. Ты пей, но без меня. Да, так вот, неплохо было, когда б часть жителей Дубравы, её предав, уехала подальше. Другая ж часть, хоть нас с тобою взять, наоборот, осталась...

Моцарт: – Ты, верно, местный диссидент?

Сальери: – Диссидент?! Ха-ха! Пожалуй, что и так. Я местный Сахаров!

Моцарт: – Нет ничего на свете хуже ссоры. Ты хоть и Сахаров, а напоён насквозь не сахаром, но желчью.

Сальери сидит, сощуря правый глаз:

Сальери: – Нельзя никак иначе, *Моцарт*. Людская зависть, как огородные шесты, торчит здесь отовсюду...

Моцарт: – Я полагал, что зависть и Дубрава есть вещи несовместные?

Сальери громко: Довольно!!!

Сальери тише: Вина с тебя довольно. Ты лучше налегай на блинчики.

Моцарт: – Их жар как раз я заливал игристым твоим напитком. *In vino veritas...*

Сальери: – *In vino veritas?* Сейчас едва ль поверит кто из нас. „*In vino veritas*”, но не из магазина!

Моцарт: – Я думал, раз стоит бутылка, надо пить.

Сальери в сторону: – Видать, премудрость химии напрасно учителя в тебя вдолбить хотели! Сперва понюхай, а потом уж пробуй.

Сальери громко: – Ты, *Моцарт*, сам себя сегодня отравил. Всё лучше, чем погибнуть от обжорства.

Моцарт: – Блины хотя бы не отравлены?

Сальери: – Не обижай мои блины. Они подобны местным дамам, пускай невзрачны с виду, весь вымажешься в них, сгущёнку зря растратишь, сам себе противен...

Моцарт: – Пойду домой, устал, уж поздно, завтра на работу. Прощай, *Сальери*.

Сальери: – Иди же, друг, будь осторожен, и не провались в колодец. Строительство колодцев, *Моцарт*, у нас напоминает раскопки Трои. Местный Шлиман, Зевеса искушая, не спешит. Того гляди, пойдёшь до ветру и не воротишься. Ауф видерзеен и приятных сновидений.

Моцарт уходит, держась за живот.

Сальери один: – Ушёл. Охота ж им переть за тыщу верст, чтоб чистить местные клозеты? Одно из двух: иль вина их ещё ужасней наших, или блины мои божественны. Воистину, там хорошо, где нас с тобою нету.

Наутро я с болью в голове сделал ещё одно открытие: в этой глухой деревушке, где все, казалось, были равны, возникли свои богатство и бедность, деревенские изгои и любимцы фортуны. Только всё это существует здесь в ином материальном измерении. Если блинчики и сгущёнка заменяют ананасы в шампанском, то собственный дом с огородом тянет на калифорнийскую виллу с бассейном. Надо только уметь это видеть.

Меня попросили поучаствовать в одной важной лекции. Ко мне подошёл директор местной школы:

– Близится 22-е июня, – сказал он. – У нас к этой дате всегда мероприятие. Рассказ детям о Великой Победе. Вы из Германии, с другой стороны, так сказать. Мне, кажется, именно у вас и получится.

– Постараюсь, – не стал я ломаться.

– Школа выделит вам помощника, Бориса Сергеевича. Наш скотник. Вообще-то он на редкость эрудированный человек. Дети его обожают. Только я вас вот о чём попрошу...

С ним надо ухо остро... Его бывает, заносит... в безнравственность. Постарайтесь вдвоём рассказать детям интересно, нравоучительно и, пожалуйста, не увлекайтесь.

Меня подвели к Борису Сергеевичу. Он был высокого роста, с умным пронизательным взглядом и спокойным завораживающим голосом, от которого впадают в задумчивость коровы и женщины. Словом, опасная личность.

– Директор попросил нас с вами выступить, – сказал я ему. – Позволяют ли вам

коровы? Вы же человек занятой.

Предупрежденный директором о низких моральных качествах скотника, я приготовился услышать отказ и гнусно-беспринципное оправдание. Но ошибся.

– Рассказать детям правду о войне – наша с вами святая обязанность и долг. Коровы подождут. Вы из Германии? – спросил меня без обиняков Борис Сергеевич.

– Да.

– Это моя любимая страна, – расплылся он в улыбке. – К сожалению, там не бывал, но люблю её, сам не знаю... Мне кажется, любой русский, втайне лелеет к Германии те же чувства.

Из разговора с моим напарником я почерпнул много нового. Борис Сергеевич знал о стране Шиллера и Гёте не просто много. Он знал практически всё. И даже иногда разговаривал с коровами на немецком. С сильным акцентом, который большинство стада не улавливало.

Мы разделили наши обязанности. Я должен буду рассказать о дне 22-го июня с советской стороны. Борис Сергеевич – о подготовке немцами нападения.

В назначенный день мы собрались в классе. Нам внимало человек восемь плюс директор.

Довольно скоро я истощил запас своих не самых приятных для детей сведений. СССР к войне оказался совершенно не готов. Войска стояли на неподготовленных позициях, комсостав репрессирован, даже простеньких винтовок выдавали по одной на пять человек. Вот к доске вышел Борис Сергеевич. Класс притих.

– История двадцатого века, ребята, – начал скотник тоном университетского профессора, – это история войн и революций, трагедия всей Европы. Лбами столкнулись две великих идеи. И одна из них, германская, проиграла. Великую страну лишили государственности, насадили американщину. Вот об этой историко-культурной трагедии и стоит нам призадуматься...

– Борис Сергеевич, не отвлекайтесь от нападения фашистских орд на нашу Родину, – беспокойно заёрзал на стуле директор и принялся делать мне знаки за спиной говорившего. – Опирайтесь не на мифы, а на свидетельства очевидцев.

Борис Сергеевич оставался невозмутим. Он, казалось, ещё более воодушевился и заговорил стихами:

– Ключ мудрости – не на страницах книг.

Кто к тайнам жизни рвётся мыслью каждой,

В своей душе находит их родник.

Тёплый баритон затих, Борис Сергеевич стоял и улыбался неподдельной счастливой улыбкой человека не от мира сего. Класс замер, ожидая, что дальше будет.

– Ну, и какой очевидец это написал? – открыл, было, рот директор.

– Ведь вы, Георгий, тоже любите «Фауста»? – повернул ко мне озорной взгляд мой содокладчик.

Мне не оставалось ничего другого, как согласиться.

– Нет, нет, так не пойдёт. Ребята, – прервал лекцию директор, спасая ситуацию, – наши воины погибли, закрывая собственными телами нечто огромное и неуловимое. Свою страну. Вечная им память.

Загребели отодвигаемые стулья. Мы постояли немного.

– Не спорю, я о другом, – показала у доски голова безнравственного скотника. – Немецкая нация привнесла в мировую культуру и историю куда больше, чем мы. Мы лишь ученики, отставшие технически к тому же. А оступиться может и целый народ. Вот где трагедия, друзья.

Последовавший разгром мне не хочется описывать. Скажу только, что чувствовал себя защитником Брестской крепости под градом убийственных аргументов местного германофила. Мы с директором оказались не в лучшем положении, чем части Красной Армии в июне 41-го. На нас обрушилась холодная машина логики, отрабатывавшая свои удары на коровах. Урок памяти был сорван.

– Я поставлю вопрос на сходе общины, – пригрозил потный директор, проклиная себя за либерализм. Его расчеты с моей помощью дать бой Борису Сергеевичу не

оправдались.

– Сход общины исторические вопросы не рассматривает, если не ошибаюсь, – торжествовал скотник...

С ним вместе торжествовали дети, они держали большого профессора-самоучку за своего. 22-е июня – теперь день и моего фиаско.

Я думал, что теперь уж точно мои общественные выступления в Дубраве закончатся, не начавшись. К моему удивлению директор вскоре снова меня разыскал. Он был, в сущности, милый человек.

– Для оставшихся в деревне на лето ребятишек мы хотели разыграть спектакль по мотивам сказания о Петре и Февронии Муромских. Тема супружеской верности – очень нужная сейчас в России тема. Вы станете играть князя Петра, ваша супруга – Февронью. Думаю, именно у вас должно получиться. Там один сложный эпизод: на вас идёт дракон и пышет жаром, вы его зарубаете мечом. Понарошку, конечно, а он вас в отместку обрызгивает ядовитой кровью, от которой нет спасенья.

– А кто ещё участвует в постановке? – спросил я.

– У нас актёры непрофессиональные. Дети из старших классов. Дракона сыграет Борис Сергеевич. В наказание за сорванный урок памяти. Ядовитую кровь он уже приготовил.

– Разве он не всю её израсходовал?

– Нет, у нас с прошлого года баночка оставалась, – не понял иронии организатор спектакля. Или сделал вид.

Я серьёзно готовился к постановке, ожидая от дракона провокации. Заучивал роль, ходил в красной русской рубахе князя Петра от колодца до туалета и обратно, словно Толстой по Ясной Поляне. В том смысле, что лето, жарко. Я – в косоворотке, отчасти посвященный в тайну деревенской жизни.

Потом была репетиция.

– Чую русский дух, тут Русью пахнет, – гудел дракон, одетый в нелепое картонное приспособление, напоминавшее переклееный макет танка.

– Зачем мучишь, злодей, жену брата моего? – спрашивал в свою очередь я, делая выпады деревянным мечом.

– Больше экспрессии, князь Пётр, – волновался директор. – В лице Бориса Сергеевича перед зрителями предстаёт искуситель. Давайте заменим в вашей реплике «злодей» на «идолище поганое».

На сей раз представление прошло без сучка и задоринки. Дракон точно выстрелил и облил меня вонючей краской. За это я отрубил ему картонную голову, взяв запоздалый реванш за 22-е июня. Февронья живо исцелила мои раны. Взамен она просила взять её в жёны. Я долго сопротивлялся, будто мы не актёры в театре, а на самом деле я передумал. Жена занервничала. Всё же потом я пересилил себя и женился.

Дети долго хлопали, не отпускали, директор сиял. После спектакля, когда все разошлись, я умылся и подошёл к Борису Сергеевичу. Он заговорил первым:

– Плохие новости. Стряслась беда!

– Опять кто-то упал в колодец?

– Не иронизируйте. Всё гораздо хуже. Вы же знаете наш пруд, на который я гоняю каждое утро коров на водопой?

– Да.

– Так вот, пруд купил частный инвестор и собирается сделать из него платную купальню. Поставили вагончик и охранника с винтовкой. Где, спрашивается, я стану поить скотину?

– Пока же охранник молчит?

– Он орёт и стреляет в воздух, – возразил Борис Сергеевич. – Но что он может против моего стада? Пока у нас прекращение огня. Думаю, это ненадолго.

Мне захотелось утешить моего напарника, и я сказал:

– Нам с женой будет приятно пригласить вас в гости, во Франкфурт. Вот уладите дела с охранником и приезжайте, поживёте у нас недельку-другую, отдохнёте...

С Борисом Сергеевичем произошло что-то странное. Он задрожал, побледнел, закрыл

лицо руками и бросился вон из комнаты. Через пару минут он снова появился.

– Извините, – бормотал он. – Так неожиданно. Неужели вы не шутите?

– Нет, не шучу.

– Германия – моя детская сказка. Увидите, немцы еще объединят вокруг себя Европу. Я раскрыл рот, вспомнив немецкий Бундестаг, этот гигантский коровник, но кто меня уполномочил разрушать сказку? Рот снова был закрыт.

Борис Сергеевич в явном волнении произнёс:

– Знаете, даже если я не приеду, я всё равно до конца жизни вам благодарен...

У меня подкатил ком к горлу. Но я подавил слабость. Родина обостряет чувства, пребывание за границей их проявления сдерживает и облагораживает.

Вскоре настал день отъезда. Нас вышла проводить вся Дубрава. Мы гости, как ни крути. Нам подарили чайный сервиз, купленный жителями складчину.

Я шёл к стойке регистрации, а в моей голове проплывала такая картина: Борис Сергеевич идёт в театральной красной русской рубахе вдоль пруда, дискутируя сам с собою о ходе мировых исторических процессов. Вот из вагончика раздаётся выстрел, и фигура в красной рубахе, расставив, будто самолет, руки в стороны, медленно оседает в песок. На холщовой спине растёт пятно, растекается красная краска.

Я помотал головой, отгоняя видение. «То, что дорого, всегда страшно терять, будь то человек или страна, – сказал я себе. – Он, разумеется, приедет, только бы работа на коровнике позволяла».

Frankfurt, 28.07.2011

НЛО

Бывший журналист «Науки и жизни» Венедикт Петрович Востряков отчасти принадлежал к науке, а, отчасти, к творческой интеллигенции. По крайней мере, садовый участок вовремя получил рядом с другими творческими деятелями, ещё до выхода на пенсию в дачном товариществе «Наука». Теперь давно уже не работает. Деревянный дом имеется по Щелковскому шоссе, весь в зелени, большой сад. Жена Мария Николаевна, жива, слава Богу.

Венедикт Петрович верил в науку и не терпел предрассудков. Он привык объяснять своей жене устройство этого мира с позиции законов физики и логики.

Когда зимой, садясь в машину, жена жаловалась на холод и туман в салоне, он говорил:

– Конденсация паров воды в холоде идёт быстрее, потому ни черта и не видно.

Жена верила такому объяснению, мёрзла и ждала, когда прогреется мотор и заработает вентиляция. Ещё Венедикт Петрович следил за правильным расходом газа на даче. Тем более что газовые баллоны не дешевы.

Не обязательно ставить на максимум, температура кипения чайника не поднимется выше ста градусов, – учил он супругу и привёртывал конфорку.

Жена незаметно поворачивала ручку опять. В законы физики она верила, но и опыт кипячения дачного чайника она имела свой.

А тут такое... Проезжая вечером в своей девятке на дачу, тёплым августовским вечером Венедикт Петрович увидел НЛО. Да не один, а целых девять штук. Было это так.

Он ехал поздно вечером, около одиннадцати часов со своей московской квартиры.

Выезжать на дачу раньше девяти он с недавних пор перестал: иначе попадешь в пробку. Шоссе в столь поздний час и на таком удалении от города было пустынное. Как хорошо, что машины не умеют толкаться локтями, подумал он. Вдруг Венедикт Петрович заметил, что из-за леса вылетели несколько оранжевых светящихся шаров. Шары летели строем в ряд, было их четыре, летели довольно низко. Вначале

Востряков не обратил на них внимания. Думал, вертолёт с сигнальными огнями. Потом за этими шарами показалось ещё пять. Тут он уже немного опешил, сбавил скорость и открыл окно. Обычного шума вращающихся лопастей не было. Востряков притормозил у обочины и стал наблюдать. Шары пролетели над дорогой более или менее ровным строем и исчезли за лесом.

Пенсионер в сильном волнении приехал на дачу и рассказал обо всём увиденном супруге.

Что бы это могло быть?

Аэростаты? – предположила Мария Николаевна. Волнение мужа ей не передалось. – Или учебные планеры. Вроде У-2.

Ночью? Они что, эскадрильями теперь принялись летать?

Венедикт Петрович потерял покой, утром решил поговорить с соседями, не видели ли они чего.

На следующий день им были опрошены соседи с ближайших участков. Никто ничего не знал. Особенно напирать на свои впечатления Вострякову тоже не хотелось: ещё сочтут сумасшедшим. Хотя, если и сочтут, это не самое ужасное, бывают и похуже вещи в жизни. Соседи ничего подозрительного в небе товарищества не заметили. Венедикт Петрович сходил в сторожку к охраннику Полукаеву. Полукаев сидел за большим письменным столом в футболке с чёрной надписью US NAVY во всю грудь и читал. Над столом у Полукаева висел портрет Жириновского.

– Ты ночью ничего необычного не заметил? – спросил вошедший охранника.

– Да, вроде, нет. Собака пару раз гавкнула. А так, тихо. Вот книжка интересная, «Шерше ля нефть» Про то, как нас вокруг пальца водят. Вы знали, что доллар ничем не обеспечен? Что все эти курсы валют – сплошная мистификация и обман народа? Востряков посмотрел на обложку книги. Имя автора «Стариков» ничего не говорило.

– Вот, же сука, а! – ни к кому не обращаясь, вскрикнул охранник и ударил кулаком по книге.

Востряков хотел спросить охранника ещё об НЛО, но тот уже рассказывал сам:

– Вот, Кудрин, министр, да? А какой с него финансист? С него такой же финансист, как вон с той ёлки тополь. Все они такие, свои семьи в Америку попристраивали, а нам тут подыхай. Кому поминки по России, а им праздник!

– Жириновский сам еврей наполовину, кажется, – заметил Востряков, указывая на портрет над столом пальцем.

– Я ж и говорю, сука, – подтвердил охранник.

Венедикт Петрович вышел из сторожки.

Разговор ему совсем не понравился. Дело в том, что старший сын его проживал в США, но эту информацию в их семье не афишировали. Или охранник как-то узнал? Следовало устроить допрос с пристрастием Марии Николаевне.

Востряков решил позвонить сыну в Америку.

Сын Венедикта Петровича Сергей работал уже девять лет в Лос-Анджелесе программистом. Своим сыном, а, в особенности внуком, Востряков гордился.

Пятнадцатилетний внук Вострякова Саша, правильнее, Алекс, был стопроцентным американцем. По-русски внук не разговаривал, хотя и понимал немного.

– Алё, Серёжа, – крикнул Востряков в трубку, придя в дом. – Алё! Это папа.

На другом конце долго шуршало, потом басок внука ответил что-то вроде: «Факинг шит...» И снова молчание и шорох.

– Саша, Саша, – звал дед.

Через полминуты трубку взял Сергей:

Что там стряслось, папа? – усталым голосом произнёс сын.

Востряков рассказал.

Ты уверен, что тебе не померещилось?

Абсолютно. Я их вижу, как будто они у меня перед глазами сейчас. Как будто, это не ночь была, а день.

Папа, а у нас, между прочим, два часа ночи, – голос в трубке зевнул.

Да? А у нас три часа дня. Так, ты уверен?

В чём? Что у нас ночь?

Нет. Что померещилось.

Откуда я знаю. Съезди на место, перепроверь.

Востряков решил рассказать сыну свою основную версию. Долгая работа в научно-популярном журнале толкала его мысль по одному отработанному годами пути поиска объяснений. Следовало найти самое рациональное и простое.

Серёжа, я думаю, может, наши ракету запустили с Байконура, а первая ступень вошла в атмосферу, в плотные слои, и от трения появилось свечение...

Байконур далеко. Это взорвалось у местных что-нибудь. Отвалилось у военных и взорвалось. У них так всегда: пуск – отвалилось – взорвалось. У вас там давно уже не может ничего летать.

Почему это, у нас не может летать? – хотел обидеться Востряков. – У вас что ли, в Штатах, только и может?

Потому что ваши ракеты не ракеты, а презервативы штопаные. Всё, отбой боевой тревоги. Спокойной ночи!

Сын Венедикта Петровича Сергей, как следовало из разговора, не верил в технологическую мощь России. Востряков-старший это знал, но хотел заметить, что вот такие «штопаные презервативы», начиная с 1961-го года, с успехом выводят на орбиту космические аппараты. Однако не успел. В трубке раздалась отрывистые гудки. С недавних пор Венедикт Петрович стал вдруг ощущать свою старость, вернее какую-то допотопность. Ощущение ушедшего навсегда времени подкреплялось неумением и нежеланием пользоваться его атрибутами. Если с ноутбуком он ещё как-то разобрался, то слова «смартфон» и «блютуз» грозили остаться навсегда непонятыми.

Вечером Востряков с женой были приглашены в гости к соседям по даче, к художнику Арбузову. Арбузов с женой жил в небольшом домике-мастерской. Арбузов походил на писателя Копелева, высокий с огромной бородой и носом – грушей. Он был мастер на все руки и очень полезный сосед. Класть ли плитку, делать ли отмостку, поднимать или укреплять фундамент, лучшего специалиста, чем Арбузов, сыскать было нельзя. Правда, имелось одно «НО». Дочь Арбузовых являлась совладелицей фирмы по производству удобрений. Художник активно помогал дочери реализовывать товар и буквально навязывал соседям мешки с гуматом калия. На участке Востряковых уже всё было обработано гуматом, но художник требовал новых жертв во имя научного растениеводства.

Жена Арбузова испекла яблочный пирог. Востряковы знали, что рано или поздно разговор выйдет на гумат и втайне надеялись, что этого не произойдёт. Пили чай с пирогом и вареньем. Востряков рассказывал о недавнем происшествии в дороге.

– Я в инопланетян верю, – с энтузиазмом заявила жена Арбузова. – Миллионы галактик вокруг. Точно-точно, они прилетают к нам, смотрят сейчас на нас, гуманоиды. Гуманоидов не приметил. Как ты думаешь, что это было? – спросил Востряков Арбузова. – Ступень ракеты?

Арбузов выглянул в окно, прислушался. За дверью стрекотали сверчки, в огромном чёрном небе мигали звёзды. Сиамская кошка Арбузовых рвала диван. Повисло напряженное молчание. Художник погладил бороду.

– Кстати, завтра грузовик придёт с удобрениями. Дочь звонила. Я тебе два мешка оставлю с гуматом, плюс птичий навоз, – произнёс Арбузов.

У Вострякова всё упало, словно внутри от сердца, условно считая сердце ракетой, отвалилась ступень.

– Не расстраивайся, – поддержала соседей жена Арбузова, – если НЛО прилетают, значит это кому-нибудь нужно. Как, собственно, и удобрения. Давайте выпьем хорошего вина.

Потом Арбузова повернулась к мужу.

– А ты не сиди сиднем. Сходи, поставь хорошую музыку гостям, создавай настроение. Арбузов поставил инструментальную пьесу «More emotion» в исполнении «Rose Room Orchestra». Женщины тихо переговаривались. Чокнулись за инопланетян и тех, кто в далёких странах. Выпили. Остатки пирога лежали на большом красивом блюде.

– Саша вырос, наверное? – спросила Арбузова. – Как он там, ваш внучек? Пятнадцать лет. Самый тяжелый возраст. Всё ничего, учится, – ответила Мария Николаевна.

Наша в пятнадцать лет первый раз домой ночевать не явилась, – поддержала соседка, – всё перемелется. Сейчас, вон как поднялась.

Жена Арбузова кивнула в темноту, где лежал невидимый в ночи гумат их дочери. Поговорили о детях, о том, что на одной шестой части суши остались старики, а детям её уже стало не хватать, и они отправились осваивать остальные пять шестых, как их отцы в свое время целину.

Всё же на даче не надо распространяться, что Серёжа с семьёй в Америке, попросили Востряковы. Арбузовы поддакивали: «Что вы, мы ни-ни».

Пирог хорошо разошёлся. Показалось дно тарелки с изображением молоденькой пастушки на фоне деревенского домика.

А это что это за прелесть? – спросила Вострякова хозяев, указывая глазами на освободившееся блюдо, – Где вы раздобыли такую тарелку?

Это антикварная вещь. Гэдээровский фарфор, помните, продавались в старое время? Лет пятьдесят назад, – пояснил Арбузов.

Да, старое время. Как всё изменилось с тех пор, – заметила Мария Николаевна.

Помните, сперва пропала вся мука из магазинов, ещё при Рыжкове, – предалась воспоминаниям хозяйка дома, покручивая в тонких пальцах бокал. – Запасы соли и сахара делали...

Уходя от Арбузовых, Востряков поглядел в небо. Сверху свешивался изогнутый половник Большой Медведицы.

Миллиарды лет им, а антикварной ценности не имеют, – показал он пальцем на полярную звезду.

Откуда ты знаешь, что не имеют? – ответил шутливо сосед-художник. – Пойди к оценщику, и тебе назовут точную сумму. В наше время всему есть цена, а не имеют цену только те вещи, которые ещё не успели оценить.

Наутро пришёл грузовик с удобрениями, и все или почти все обитатели товарищества «Наука» обзавелись мешками биологически чистого продукта. Таскали и разбрасывали лопатами по участкам арбузовские мешки, смешивали сухой птичий помёт с торфом в соотношении 1:2. Арбузов ходил по участкам и следил за правильностью пропорций. Востряков думал, как абсурдна жизнь, если порошки с подобными ароматами пробуждают к жизни божественные цветы.

Вечером Востряков завёл машину и решил проехать ещё раз участок дороги, где заметил таинственные шары. Мария Николаевна спорить не стала, а только покачала головой и пошла ложиться спать.

Дорога казалась пустынной, никаких особенных огней, за исключением фар встречного транспорта, не наблюдалось. Венедикт Петрович постоял у обочины и поехал назад. На обратном пути думал о сыне. Что вот, когда-то тот был маленький, бегал пешком под стол и смешно картавил. А теперь сидит, наверное, в своём бюро. К нему приходят люди и говорят на английском языке о своих компьютерных неурядицах. Сын, как доктор, их выслушивает и даёт советы про компьютерные вирусы. Или едет как раз разбираться с таким больным компьютером. Или пошёл обедать. У них там время на одиннадцать часов сдвинуто. А внук, тот вообще непонятно кто и с кем. Родной город называет не полным именем Лос-Анджелес, а только Эл Эй... А если Венедикт Петрович случайно приедет в Эл Эй, то будет там себя чувствовать, как маленький мальчик, который смешно коверкает американский английский и не понимает простейших вещей.

В конце недели погода испортилась. Полил дождь, и температура упала до двенадцати градусов. Оставаться на даче дальше не имело никакого смысла. Востряковы попрощались с соседями и засобирались в Москву.

Когда проезжали то место, где у Вострякова произошла таинственная встреча с НЛО, движение на шоссе замедлилось. Колонна растянулась, наверное, на километр. Было похоже на аварию впереди. Потом встали. Наконец поравнялись с местом

происшествия. Лоб в лоб на дороге столкнулись легковушка и Камаз. Камаз унесло в сторону от мокрой дороги метров на десять. От легковой машины не осталось ничего. Удар был такой силы, что её полностью расплющило. Нельзя было даже сказать, какой марки автомобиль. Цвет угадывался только по остаткам багажника. Рядом с расплющенной машиной в плащ-палатке стоял регулировщик и вращал жезлом: «Проезжай, давай. Не задерживай».

Востряков проехал вперёд, притормозил, вышел. Жене сказал, что хочет кое-что спросить. Подошёл к милиционеру. Одежда и сиденье, колёса и кузов востряковской машины, несмотря на обилие влаги кругом, пованивали удобрениями. Гаишник, от мокрой фуражки которого уходил вверх едва заметный светящийся столб, покрутил носом. Дачник посмотрел на доброе усатое лицо и спросил:

– Вы меня извините, но я вам должен рассказать об одном деле. К аварии оно, конечно, не относится...

Милиционер не стал прогонять Вострякова. Стоял и слушал, внимательно следя за дорогой, время от времени производил манипуляции полосатой палкой. Казалось, он знает людские тайны и размышляет, где бы устроить следующее дорожное происшествие.

Могут быть китайские фонари, – сделал постовой свой вывод. – В тихую погоду их высоко поднимает. Но вы говорите, они ровным строем летели? Шут его поймёт. Сейчас столько всего летает, ездит, плавает. Поди, знай, что это. Тут вон, с аварией не разберёшься... Видели, как легковушку смяло?

Не выжил никто? – поинтересовался Востряков.

Какое... Лепёшка. Как будто молотком по ней кто саданул. Никто и не знает, сколько там народу ехало.

Востряков снова завёл машину, включил кондиционер. Окна девятки заволокло туманом. А сама машина заблестела всеми цветами радуги. Мария Николаевна принялась оттирать стёкла тряпочкой, чтобы можно было ехать. Система вентиляции в машине Востряковых работала совсем плохо. Но Венедикт Петрович на этот раз ничего не рассказал жене о конденсации паров. Его мысли были заняты другим, ему всё время казалось, что за его машиной и за ним самим постоянно следят. Он нажал на сцепление и плавно поехал, стараясь быть внимательным к дороге и себе. Очертания постового милиционера позади задрожали в воздухе. Фигурка в расправленном огненном плаще взмыла над лесом и унеслась, распугивая ворон, в направлении ближайшего поста ГАИ.

Франкфурт 2008

Миф

*Шмона бояться – на зону не ходить.
Народная мудрость*

– 1 -

Когда древние греки высаживались в новой для них земле, такое появление сопровождалось переносом на вновь открытую территорию греческой культуры. Иногда силой, подчас, и без насилия со стороны пришельцев местные жители ассимилировались новой цивилизацией, а обитатели Олимпа постепенно вытесняли ставших ненужными дикарям старых богов.

И через несколько поколений некому тогда будет делать различия между покоренным народом и завоевателями. На Кипре, например, родилась согласно греческому мифу Афродита. Но сами жители Кипра об этом не догадывались, пока им не рассказали ахейцы. Ахейцы были греческим племенем, захватившим остров, и считали себя в

вопросах веры гораздо более просвещёнными нежели варвары вокруг. Когда жители Кипра поняли, какое счастье свалилось им на голову, они не просто уверовали, они стали гордиться собой, своей ролью в мировой истории. Конечно, они стали поклоняться Афродите. Да и какой здоровый мужик откажется сходить в храм новой веры, если на алтаре там – голая баба, пускай и мраморная, но богиня любви и красоты? А ведь ей надо ещё и жертвы принести. Тут голова не то, что у киприотов, у последних греков-критинян пойдёт кругом.

На Кипре и до сих пор существуют остатки древнего культа, съездите, поглядите на Пафос.

Я приезжаю в Москву, из которой уехал в Германию в чёрные девяностые годы, и мне всякий раз кажется, что я оказываюсь ахейцем, забывшим собственных богов. Россия, в которую я приезжаю, покорена цивилизацией Запада, но моя родина кое в чем стала более западной, чем сам Запад.

Я иду по мокрому от воды тротуару, чемодан на длинной ручке и с колёсиками жужжит и бьётся со стуком о выбоины. В моём чемоданчике, помимо одежды и подарков лежит небольшая коробка с автомобильным зеркалом. Приятель попросил послать по почте из Москвы в Волгоград – боится, что немецкая посылка до Волгограда не дойдёт. Не забыть бы.

Выхожу на улицу Героев Панфиловцев, вот и до боли знакомый, скромный местный памятник легендарным двадцати восьми. Мы сюда школой паломничество с венками совершали.

После дождя асфальт блестит, и это гораздо лучше, чем писать, будто бы я иду вдоль пыльной дороги, забитой вдобавок автобусами.

Во-первых, мокрый асфальт приятнее пыли, во-вторых, мне нравится приезжать и уезжать в дурную погоду, идти и катить свой чемоданчик по лужам. Я прохожу мимо панельного девятиэтажного дома. Там занавески на окнах. За этими окнами жила со своей мамой девочка, в которую я был влюблен в девятом и десятом классе. Она уже давно там не живёт, и сама давно мама, всё же приятно вспоминать, что кто-то ждал твоего прихода и волновался, и что-то такое себе фантазировал, наверное, стоя вон у того окна много лет тому назад. И кружевные занавесочки такие же висели.

Всё очень мило и узнаваемо, за исключением одного. Мы снова лишние на этом празднике жизни.

Москва, особенно в центре, имеет теперь совсем другое лицо. Её лицо стало сытым.

На окраине у лица города несколько другое выражение глаз: озабоченно – суетливое. Глаза слегка раскосые, хищные.

Меня легко вычислить милиционерам. Милицейский наряд безошибочно выделяет мою фигурку в толпе. Что же меня снова выдало, неужели я так сильно загорел?

Патрульная машина катится медленно, скорость её качения не больше, чем у моего чемодана. Приспустили стекло, разглядывают. Вот ведь, вроде ничего не делают, а противно.

Я не шпион какой-нибудь, не преступник. Наконец остановились. Один подходит, козыряет, пытается мне разъяснить, дескать, он представляет Северо-Западный округ. Но скуластое лицо милиционера под козырьком говорит скорее в пользу представителя Таджикистана или Узбекистана. Если бы представился Южным или Юго-Восточным округом, то хотя бы географическое направление совпало. Ан, нет.

– Ваши документы.

Приехали. Не успел с трапа сойти, а тебя проверяют на предмет общественной опасности в родном городе, по которому ты идёшь в дом, который считаешь своим. Да я, если хотите знать, по Героев Панфиловцев двадцать лет назад с портфелем бежал... Им это всё равно безразлично. Достаю, что просят.

Если ты гражданин, значит, удостоверь личность. Паспорт с немецким орлом не вызывает никаких эмоций, они легко читают аусвайс, листают странички без комплексов, будто бы в Москве сейчас полгорода – немцы.

Кстати о немцах, немцы действительно в городе. Вы едете из аэропорта

«Шереметьево» на забитой до отказа маршрутке и проезжаете памятник героическим панфиловцам, защитникам Москвы от немцев же: три огромных противотанковых ежа на обочине. Очень символично, противотанковые ежи сдвинуты с дороги неумолимой жизнью!

Сразу за ежами виднеются корпуса нового торгового центра «Ашан». Там и засели оккупанты. Они уже перешли Рубикон, в смысле, разъезд Дубосеково, объехали преспокойно ежи, и планомерно двигаются к центру столицы.

На Волоколамском шоссе немецкие захватчики открыли свои торговые точки, я лично видел надписи «ОВИ» и «С&А» из окна, проезжая мимо на упомянутом выше средстве транспорта. «С&А» не совсем немецкий концерн, но обосновался в Германии ещё до Первой мировой. Может рассказать об этом милиции?

Надо добавить, что выяснились другие интересные подробности из истории родного города. Не обошлось, к сожалению, без пятен предательства в наших рядах.

Оказалось, один из героев – панфиловцев, Герой Советского Союза Добробабин Иван Евстафьевич, уже после совершения им героического деяния под Москвой, в 1942-м году по собственной инициативе сдался в плен. О, ужас, я не верил своим глазам, когда прочитал, но факты... Дальше – больше. За усердную службу в рядах карателей Ивана Евстафьевича назначили начальником поселковой полиции села Перекоп Харьковской области. Он занимался согласно статье в Интернет-энциклопедии «Википедия» вербовкой и отправкой людей на работу в Германию, попал в плен к своим, бежал из плена, устроился опять в полицию. За свою «работу» получил после войны в 1948-м году 15 лет. На закрытом процессе выяснилось, что Добробабин таскал по захваченной территории повсюду с собой книгу о 28-ми панфиловцах. Наверное, поэтому его не пристрелили на месте, пожалели. Как никак, панфиловец. Не верите? Посмотрите сами Интернет-энциклопедию.

Более достойно вели себя остальные участники мифа о двадцати восьми героях: Иван Демидович Шадрин получил только два года за нахождение в плену.

Кожабергенев Даниил Александрович сознался на допросе, что в том бою не участвовал, а попал в плен. Тогда из наградного списка его имя выкинули и заменили на Кожабергенева Аскара. Хотя однофамилец Кожабергенева, Аскар, попал в панфиловскую дивизию только в 1942-м году, после окончания битвы за Москву, но его зато сразу убило. Поэтому поведать о своих подвигах он никому уже не мог, что и требовалось доказать. Иван Моисеевич Натаров, тоже участник того боя, якобы рассказавший о том, как дрались товарищи, погиб за два дня до начала сражения... Короче говоря, мне есть, о чём проинформировать органы правопорядка, я даже знаю некоторые имена...

Из патрульной девятки вылезает и подходит к нам второй представитель Северо-Запада. То есть, он себя за представителя северо-запада выдает.

– Живёте где?

– Во Франкфурте.

– На Майне или на Одере?

– Да, на Майне.

– Я там был два раза... проездом в Доминиканскую Республику.

Милиция возвращает мне паспорт и козыряет.

– В течение трёх рабочих дней вам необходимо встать на учёт в ОВИРе. Иначе ваш ждёт штраф при пересечении границы.

Это я как раз знаю. При пересечении границы вас всегда ждёт штраф, потому что самовольное пересечение границы дело волнующее, и до недавних пор само по себе каралось законом.

Паспорт они проверили, инструкций мне надавали. Интересно, а как станет разговаривать патрулирующий город наряд, если их самих спросить: «Wo ist hier die nächste Kommandantur?» Я же немец!

Ответят, наверное: «Не валяй дурака. В паспорте твоём ясным немецким языком написано: место рождения – город Москва».

Правильно. Для чего мне тут регистрация, мне, коренному москвичу? Пускай сами

сперва регистрируются.

С другой стороны, грех жаловаться, очень вежливые, не отобрали чемодан, не взяли денег, даже не намекнули на самую возможность отбора таковых.

Подождите, но если местная милиция сама немецкие документы читает, во Франкфурте они проездом... Так, может, они тоже? Ну, вы понимаете, вроде тех ненастоящих панфиловцев. Они направляют меня в ОВИР, а ОВИР и есть их комендатура. Как я раньше не догадался! Чья это вообще милиция, российская или немецкая? Ах, вот оно что! Хорошо, не проболтался, что знаю тайну сражения у разъезда Дубосеково.

Я знаю, как бывает с полицией в других странах, не таких образцово – демократических, как моя родина.

Со мной работал во франкфуртском аэропорту жизнерадостный паренек, звали его Андреас Хольц. Хольц этот – чистокровный немец, но родился и вырос в Бразилии. В отличие от своих немецких коллег Хольц не испытывал комплекса вины за военное прошлое родителей и открыто и радостно сообщал об этом окружающим и мне в том числе.

– Дед – фашист был, большая шишка в Вермахте. Командовал там танковым полком, что ли? Головорез, сам понимаешь. Какие дела творил, не знаю, врать не стану. Что ж ему, трибунала дожидаться? Рванул после войны в Бразилию. Мировой был дед! Один раз Андреас притащил на работу карманные серебряные часы и принялся их показывать.

– Вот – раритет, наследство дедово. С собой старик всегда таскал.

– Смотри, тут чего-то написано, – показал кто-то из нас на крышку часов.

Надпись не читалась, так как была практически полностью стёртой. Проступали только последние буквы «...elet».

– Ходят? – спросил я.

– Причём здесь, ходят-не ходят? – ответил Хольц и спрятал часы. – Говорю же, память от деда осталась. Мне завещал.

В Бразилию Хольца младшего тянуло, словно магнитом. Девять месяцев со скрипом он во Франкфурте выдерживал, потом срывался и уезжал. Так он и жил: летом в Германии, зимой по три месяца в Бразилии.

– У меня лето – круглый год, – рассказывал он.

Раз в году мы шли в столовую отмечать его возвращение. Так было и в позапрошлом году. Хольц светился счастьем и загаром, песок Капа – Кабаны ещё не высыпался окончательно из его чемодана.

– Встретил там свою новую любовь. Грудь вот тут так у неё идёт, ноги, сейчас тебе покажу, – Андреас для наглядности всё демонстрировал на себе...

– Не, ноги не хочу смотреть, – отбиваюсь я.

– Завидуешь?

– Завидую. Жениться не собираешься?

– Если женюсь, куда я её зимой дену? Это у русских зимой спячка. У нас – карнавал! Тебя не тянет в Москву?

– Тянет иногда, – отвечаю.

– В Москве мороз зимой минус двадцать, да?

– Все немцы спрашивают, когда узнают, откуда я приехал в Германию, про мороз. Андреас, ты ж бразилец, а не немец. Спроси чего-нибудь другое.

Нам с Хольцем хорошо вдвоём. Он понимает меня, а я его – с полуслова.

– Ладно, – Хольц жмурит глаза под очками. – Около Кремля медведи ходят?

– Да, разумеется.

– Грабят, небось, среди бела дня? Я по ящику видел передачу, – продолжает Хольц.

– Медведи грабят?

– Не-е-т. Полицаи. Русский полицаи хуже бандитов, по ящику сказали.

– Это, смотря как пойдёшь и куда зайдёшь, на Красной площади тихо, – я стараюсь говорить убедительно, без иронии. – Туристам дальше и не надо ходить.

– Точно. Как ты правильно сказал! Туристам не надо далеко ходить, куда местные идут.

Вроде нас с тобой, таких дураков. Я понял. Значит, в Москве, как в Рио. Я тебе такой случай расскажу. Однажды понесло меня погулять по буфету. В бар зашёл. Думал, с девочкой познакомлюсь, уже вроде наметился. Стою, коктейль свой пью, слышу крики. «Никому не выходить, полиция. Проверка документов». Много их забежало В баре они чего-то искали и проверяли таким образом. Кричат со всех сторон: »Документы!» Тянусь в грудной карман за паспортом, – тут Хольц оторвался от тарелки и принялся не только рассказывать, но и показывать, размахивая вилкой и ножом. – Только вытянул паспорт, удар дубинкой вот сюда вот, и команда: «Руки по швам». Мой бразильский друг бессильно опустил руки и уронил вилку с ножом на стол. Соседи за другими столиками обернулись.

– Представил? Стою. Вот так стою, не двигаюсь. Они опять за своё: «Документы!» Лезу за паспортом, объясняю, что паспорт в рубаше, вот тут. Получаю удар. И так полчаса. «Документы» – «Руки по швам».

– Как же ты выбрался? – спросил я его.

– Случайно, – Хольц снова принялся за еду. – Уложили всех на пол, ну, я извернулся. Достал немецкий аусвайс, поднял над головой, не шевелюсь. Они глянули, вставай, говорят. И выкинули меня из дверей прямо на улицу. Часы, помнишь, я приносил?

– Дедовы?

– Да. Потерял я там часы.

– Как?

– Я и сам не пойму. Угораздило меня часы в мастерскую отнести. Посмотрели. Сказали, что механизм восстановлению не подлежит. Думаю, ладно, так я и думал. Часы в карман куртки засунул. Так они в кармане и лежали. Потом полицейские же по карманам моим шарили, на землю нас клали... Куртку снимали. Пришёл домой, туда-сюда – нету дедовых часов. Я на следующий день – в бар. Всё обшарил. Пропали...

– Да, жаль. А вот если бы ты по-своему, по-бразильски-португальски не отвечал полиции, а крикнул бы им чего-нибудь по-английски, скажем? – настала моя очередь задать вопрос.

– Вот именно! Я к тому и клоню, ничего бы не сделали, – и мой собеседник поднял кверху указательный палец. – Здесь кому такое расскажи, не поверит же никто. Скажут, а права человека где? А жаловался ли ты в консульство?

– Да, Андреас, хотел тебя спросить, жаловался ты в консульство?

– Ты, что, дурак или не веришь?

Хольц надулся. Я ответил на последний вопрос с целью развеселить моего друга, что я дурак.

В прошлом году Хольц не вернулся. Жаль. Либо неудачно женился, либо не в тот бар зашёл. Я тоже иногда могу с бухты-барахты неправильно жениться. Что-то родственное у нас с Хольцем имеется. Мне теперь немного одиноко. Не с кем даже и в столовую пойти, и тянет на родину. Хольц оказался носителем заразы.

Итак, мы чужие на празднике новой жизни. Куда податься провинциалу из ФРГ в Москве? Главное в общении с властями, как вы видели, чтобы ничего не выдавало в вас разведчика: ни будёновка, ни автомат на груди, ни чемодан на колёсиках... Тут-то я и прокололся. Не гуляют прилично одетые люди по Москве пешком с чемоданами на колёсиках. Меня и вычислили представители правопорядка из северо-западного округа. Был бы у меня «Лексус» или «Мерседес», в крайнем случае, никогда бы не подошли. Из одних эстетических соображений не подошли бы: не смотрится милицейская девятка рядом с «Лексусом».

Если же вы пешеход, то, проникнув на чужую территорию, сначала стоит затаиться, действовать тут лучше мелкими вылазками, имея при себе паспорт, он же аусвайс, а в качестве последнего средства – двадцать долларов. Чемодан оставить дома, оторвать колёсики, найти кожаную кепку...

Вот и заветный поворот. Прохожу мимо бара «Бирлога». Бар открылся недавно и располагается в подвале типового двенадцатиэтажного дома.

«Бирлогой» бар назвали в честь немецкого слова «Bier», полслова написано готическим шрифтом, вторая половина кириллицей. Интеграция. Немецкое пиво плюс

русские обитатели подвала.

Дохожу до родного подъезда, замираю перед заветной дверью. Да, я дома! Сердце стучит. Ещё бы не стучало: ключа нет, кода я не знаю, кодовый замок раскурочен и не работает, спросить, как войти, не у кого.

Как бы поступил вражеский разведчик? Растерялся бы наверняка. Я не теряюсь. Мой совет, подождать, пока из подъезда кто-нибудь не выйдет. Не под дверью же спать! Потом шмыгнёте в дверь. На то он и кодовый замок, чтоб его регулярно ломали.

Так и действую. Не успел обняться-поцеловаться с отцом и матерью, сразу пристаю со своим вопросом: «Wo ist hier die nächste Kommandantur»? Или по-русски, где ОВИР?

– Так и так, – говорят родители, – порядки уже не те. Вышло вам, немцам, послабление. Нету у нас больше для вашего брата комендатур, теперь вместо комендатуры почта.

– Как, – спрашиваю, – там что, вместо почтальона комендант сидит?

– Нет, почтальон.

– Ага, почтальон. Значит и почтальон... он тоже с нами?

Пришёл на почту. Выглядит всё очень по-домашнему. За амбразурой окошка укрылась толстая женщина и метко бьёт штемпелем по каким-то бумагам, словно давит насекомых. Просовываю в амбразуру красный паспорт с изображением скромного федеративного орла. Почтальонша немецкому паспорту не удивляется. Я уже сориентировался, если почтальон тоже не удивляется, значит, и она наш человек, что-то вроде законспирированного панфиловца.

– По приглашению? – вздыхает почтальонша.

– Турист, – отвечаю, – приехал Москву поглядеть.

– Вы у меня сегодня, трёхсотый турист. Чего тут нашли глядеть? И едут, и едут, Москва не резиновая. Живёте-то у кого?

– У родителей.

– Ага. Все вы у родителей. Адрес принесли или сочинять вместе будем?

Я раскололся, сдал адреса и явки. Пусть. Зато мне достались два замечательных бланка, и из окошка просят их заполнить. В бланках разными каверзными вопросами выспрашивают, кто вы и откуда, зачем приехали и когда, наконец, уедете. Надо писать номер и серию паспорта. (А у немцев нет никаких серий.)

Бланки замечательны ещё и тем, что они огромные, и заполнять их надо с обеих сторон, разницы между бланками нет никакой. Я даже на свет глядел, ни единой буквочки отличия. Это похоже на тест. Подозреваемый не выдержит психологического давления и сам себя выдаст, в одном из бланков напишет несуществующий домашний телефон, а в другом... Тут его и повяжут.

– Скажите, вот в моём паспорте серии нет? Что мне написать?

– Напиши три нуля, – советует почтальонша.

– Напиши им три раза слово из трёх букв, – советует очередь.

Я ставлю прочерк, потому что я стреляный воробей. В конце требуется подпись. Это я понимаю. Подписываться в Москве надо много раз, ведь подпись и подделать можно. С каждой новой подписью вероятность подделки предыдущей уменьшается... Но от меня требуется подпись того лица, у которого я проживаю. То есть, подпись моей мамы. Эх, незадача. Мама рядом нет, и паспорта её я не взял. Надо звать её на помощь.

– Я подожду здесь, – объясняю свою заминку почтальонше, – забыл маму с собой захватить. Я ей уже на мобильный позвонил. Она подойдёт.

– Вы что, с Луны свалились, молодой человек? – строго говорит почтальонша.

– Нет. Из Франкфурта.

– За неё распишитесь, и дело с концом.

Я объясняю, что нельзя подделывать документ, на то он и документ, а если все начнут подделывать?

– Если все начнут подделывать, то нам работать легче с населением. Сидишь, за всяких расписываешься, а ну, пишите, давайте. Вы на часы поглядите. Люди вас ждут!

– Я и в очереди не стою давно! Какие люди? Смотрите, кроме меня нет никого на

почте.

– А я, не человек?

«Это проверка, – мелькает в голове, – бьёт на жалость. Ничего, нас не запугаешь, вот мама придёт, она вам покажет».

Афродита местного отделения связи приближает рот к окошку-амбразуре:

– У меня рабочий день кончается, сколько вы собрались ждать? А если вообще никто не придёт, мне вас запереть тут на ключ??

Это, разумеется, методы психологического воздействия: крики, «запереть на ключ».

Почтальонша не меньше как в звании майора. Всё с целью вырвать у меня поддельную подпись.

«Спокойно, – говорю я себе, – не поддаваться на провокации. Мы, хотя и дома, но одновременно как бы на временно оккупированной территории, главное проявлять выдержку».

Движимый своего рода толстовством, не противлюсь словесному насилию над личностью. Если почтальонша – Афродита, стану в согласии с мифологией ручным хищником. Наконец появляется мама. Она расписывается, где надо. Почтовый майор копирует наши паспорта, штемпелюет многократно свежеснятые копии отточенными ударами, весы для взвешивания разного рода отправок дрожат. Нас с мамой посылают за угол.

– Выйдете и налево! И сразу за угол! Да поживей!

Конечно, у отвыкшего от подобных обращений человека может возникнуть лёгкое недомогание. Не каждый день вас приглашают за угол. Как известно из истории самой России, да и в иных недемократических странах, за углом всегда пристреливали. Я успел отвыкнуть. Переборов в себе плохие предчувствия, бреду за угол.

Мама даже не подозревает, что нас там ждёт! Она что-то мне рассказывает совсем легковесное, не отвечающее драматизму момента. Кажется, про выпускной вечер в её школе. Поскольку мама у меня – учительница. Вся моя жизнь – сплошная ходьба налево, за таинственный угол.

За углом нас ничего и никто не ждёт. Я перевожу дух. Мы возвращаемся к почте.

Пробуем пройти справа. Опять такой же результат. Никого и ничего. Идём по второму кругу и находим. За углом есть потайная дверь. Там прячутся другие наши почтальоны, которые проверяют приезжих иностранцев на отсутствие злого умысла по отношению к российскому государству.

За потайной дверью в полуподвале, в комнате с решётками на окнах из угла в угол ходят два человека и кидают что-то тяжёлое, а ещё там командует тётенька в очках и в чине не меньше полковника.

– Клади штабелем! – кричит почтальонша-полковник людям в робах синего цвета с надписью «Почта России» во всю спину. – Делаем проход свободный! Механика – проще некуда!

Мы аккуратно заходим в комнату с решётками на окнах, как в медицинский кабинет, на цыпочках, показываем копии квитанций, выданные майором.

– Вы откуда? – сверлит меня полковник взглядом.

– Мы сверху, – говорю я.

– Сверху?

– Из-за угла мы, с почты нас к вам направили, – объясняет мама. – Сын в гости приехал на недельку из Германии, жить у меня хочет. Надо регистрацию сделать.

Полковник роется где-то у себя в столе.

– Вот вам конверты. Механика простая. Садимся так: мама – ты тут, а сын – ты тут.

Объясняю один раз и повторять не буду. Ручку берём. Возьмите, вон болтается на верёвке, привязанная, – полковник показывает пальцем на стол. – Письма пишем на имя начальника центрального ОВИРа. Письма заказные. Указываем содержимое.

Пишем в двух экземплярах. В те конверты – три заштемпелеванные копии, цена двести пятьдесят за конверт. Оплата у меня. И не теряем эти квитки. Носим их при себе до убытия.

Тут почтальонша-полковник обернулась и закричала на «Почту России»: «Нет, ты

погляди только на него. Тебе ж сказали, проход свободный! Я эту конюшню разгребать стану?»

– Скажите, нельзя ли послать вот эту небольшую бандероль в Волгоград? – я отрываю полковника от дел и показываю захваченную с собой коробочку.

– Содержимое?

– Автомобильное зеркало.

Коробка проходит испытание на деформацию в разных плоскостях.

– Не советую, – отдаёт мне со вздохом посылку работница почты.

– Меня друг попросил, понимаете.

– Иди сюда, – полковник кивает глазами из-под очков на «Почту России». – Механика простая. Видишь, как они работают. Твоё зеркало мы разобьём ещё в Москве, в нашем же отделении.

– Спасибо, вы очень предупредительны.

Мы сделали, как нам и объяснили и довольно быстро, с третьей попытки, сдали конверты.

Новая процедура регистрации на почте мне понравилась. Было что-то живое и небюрократическое во всём этом действе, словно бы вам говорили: «Вот посмотрите, как мы живём! Так у нас работает почта».

Визовые и регистрационные обряды для иностранцев в России ничего не меняют в существе дела. Столица живёт по-западному, имея, правда, абсолютно восточного по образу мысли правителя. Властям нравится думать, что ситуация под контролем, дескать, не всё вам, котам, масленица. Такая уж тут сложилась древняя традиция – в бочку с мёдом подкладывать чуточку дёгтя, каждый продовольственный заказ к юрьеву дню снабжать отвратительным суповым набором.

Мы пошли домой, в кармане лежал мой паспорт и выданные на почте квитанции. Я успокоился, потому что во всех делах должен быть порядок, или, как говорили друг другу некоторые панфиловцы в минуты отдыха между боями: «Ordnung muss sein*». Мама рассказывала, что на выпускной вечер в частной школе, где она преподаёт русский язык, родители учеников собирали по несколько тысяч евро за каждого выпускника.

– Счастье, – говорила мама, – что ты вовремя окончил учёбу здесь.

Это точно. Если бы закончил не вовремя, как бы мы сейчас расплатились за выпускной вечер? Про учёбу я и не говорю. Если бы окончил не здесь, откуда бы узнал про панфиловцев?

«А зачем всё это знать? Подвиг оказался вымыслом?» – спросят некоторые. Ну и что? Вся наша история построена на превратно изложенных или выдуманных фактах. Чья-то заботливая рука располагает эти факты в более или менее правильной последовательности. Вот, у Аскара Кожабергенова неувязочка вышла с хронологией... Вам не всё ли равно? Только моя Россия лежит у меня в сердце, как рассказанная мне кем-то в детстве легенда. Там, наверное, тоже тьма вымысла. Я сочиняю эту легенду сам. Каждый божий день.

Следующий свой день я провёл с отцом. Отец с загадочным видом провёз меня две остановки на метро посмотреть «одно интересное место».

Интересным местом оказался новый торговый комплекс «Щука». Находится комплекс возле метро «Щукинская», отсюда и название. Многоэтажное светло – коричневое здание выпирает из земли и заслоняет собой всё вокруг.

Я подумал, что на подсознательном уровне такое название может оказывать отталкивающее воздействие: щука – хищная рыба, а от хищников лучше держаться подальше. Хотя извращённая психика современного человека сама толкает и тянет его сделать шаг в пасть врагу...

Когда мы туда вошли и поднялись на эскалаторе, я подумал, что эскалатор выехал где-то в Германии. Оформление магазинов, товары – сплошной западный стандарт.

Рестораны, правда, оказались с местным колоритом: «Колбасофф», «Крошка-Картошка» и «Ёлки Палки». Отец очень желал удивить меня, весь его вид говорил: «Мы умеем не хуже вашего, ведь, правда?»

Как мне было объяснить ему, что Москва сейчас умеет не хуже, а лучше нас. Потому что давно обогнала Европу по всем коммерческим статьям.

Потом из одного милого отделения связи я отправил зеркало в Волгоград, уехал со спокойным сердцем на дачу и пробыл там остаток отпуска, копаясь в семейном огороде и купаясь в речке.

Как-то раз, по дороге на пляж низко надо мной пронеслись две чайки. Я приношу извинения за столь избитую, набившую оскомину деталь, но именно чайки здесь очень к месту. По окраинам Москвы этих птиц теперь можно встретить часто. Итак, чайки летели на ближайшую помойку по своим делам... Чайки поднимут наш взор над землёй, вынесут нас на низенькую околоземную орбиту. Большого и не требуется. Дальше мы включим маршевые двигатели воображения, и мысленно устремимся в прошлое.

– 2 –

Я поглядел на небо, представил себе бурное море и вспомнил про панфиловцев. Я решил, что было всё по-другому.

Чайки летели...

Когда у политрука Клочкова кончились патроны, потому что выдавали их поштучно, а противотанковых ружей не имелось вовсе, когда из тысячи человек, осталось их не больше сотни, когда трусы и негодяи оставили позицию, а сами побежали из расположения части, когда политрук выбросил пистолет за ненадобностью и крикнул Добробабину в лицо: «Предатель, стреляй в спину!», а Добробабин только ухмыльнулся в ответ и назвал его сволочью, вот тогда понял Клочков, что ждёт его смерть и у красных, за разложение боевой единицы РККА, и у немцев, потому что коммунист, и сдадут его свои же.

Он вылез из окопа навстречу холодному ветру, перемешанному со снежной крошкой и, шатаясь, побрёл вперёд по снегу без всякой цели. В голове гудело от усталости и голода. Он подумал, что нелепо прожил свою короткую жизнь, что никого не вдохновили его слова и выстрелы, ведь и надежда таяла на глазах. Смерть его тоже показалась глупой, не так он себе её представлял.

Потом раздался хлопок, он упал, не успев додумать чего-то важного, и белый саван смерти накрыл его навсегда...

А немецкие танкисты ругали в это самое время начальство, которое послало их в наступление сперва по болоту, теперь по снежной пустыне. Грузовики с сухим обмундированием и топливом застряли, чёрт его знает где... Два танка рычали моторами, гусеницы вяло разбрасывали в стороны комья снега и грязи.

Добробабин танков не видел, а только слышал сквозь ветер отдалённые посторонние звуки. Он по-деловому собрался, поковырялся в кармане, нашёл там алюминиевую ложку, завернутую в платок. Затем подошёл к лежащему на земле в окопе человеку и вынул у того из кармана кусок хлеба. В другом кармане лежала фотография молодой девушки с длинной косой и солдатское удостоверение на имя Шадрин Иван Демидовича. Добробабин задубевшими от мороза, чёрными крестьянскими пальцами завернул в платок хлеб, собрал у убитых солдатские книжки, убрал их за пазуху, фотографию выбросил.

Дрались они неплохо, но что ж можно сделать? Оно ведь как? Плетью обуха не перешибёшь. Разве ж можно бутылкой танк поджечь? У фрицев на их участке фронта аж целых четыре танка!

Шадрин получил пулю от Клочкова, когда заявил, что обморозил ноги и ему надо в госпиталь. Теперь он лежал, уткнувшись головой в пустой патронный ящик.

«Если бешеной собаке дать волю, всех бы до смерти загрыз, – думал Иван Евстафьевич. – Собаке собачья смерть. Сам сказал, в спину стреляй. Думает, я его без

приказа убить не сумею».

Двоих за дезертирство приговорил в их роте к расстрелу ненавистный Клочков. Неубранные тела лежали в окопе, из которого минуту назад вылезал и сам политрук. Вдруг до уха Добробабина донёлся слабый стон. Стонал Шадрин. Значит, ещё живой, Иван Демидович.

Добробабин расстегнул шинель, послушал у тѣзки сердце. Оно едва слышно стучало. Подтянул к краю бруствера обмякшее, едва живое тело, выбрался наверх и вытянул за собой Шадрина. Один Иван тащил к перелеску другого Ивана, предчувствуя, что не дойти им вдвоём...

Если бы Ивана Евстафьевича спросили, какое сейчас время суток, он не ответил бы. Смешалось и перепуталось всё в воспалённом сознании: холод и суета отступления, отсутствие еды и питья, и ожидание неминуемой смерти. Но в роковой момент сказалась живучесть, «непотопляемость», крестьянская косточка. Поэтому Клочков лежит сейчас лицом вниз, а он, боец Красной Армии Добробабин, уходит в тыл из сущего ада. «Давай, Ваня, помаленьку, авось и заметят нас свои... Что ж ты тяжѣлый-то такой?»

Впереди, в каких-то пятистах метрах от окопа танкисты Вермахта тем временем открыли люки своих танков. Танки были чехословацкого производства, но простые и надёжные. Своих, немецких, не хватало.

«Глуши моторы», – раздалась отрывистая команда на немецком языке.

– Колонна грузовиков с топливом и питанием застряла где-то, – принялся объяснять старший.

Немецкий офицер стоял перед солдатами, выглядел он совсем молодым. Черты лица имел тонкие, слишком красивый «ненастоящий» для войны, которую вела в России его армия.

– Разобьёмся на две группы и попытаемся найти грузовики. Радиосвязь мы потеряли полчаса назад. Значит, армейский «Опель» километрах в пяти отсюда. Идти будем только вдоль того, что называют здесь дорогами. Да поосторожней, у русских имеются на вооружении кавалерийские части. В такую метель нарваться на них – верная смерть.

Он отдавал себе отчёт в том, что, заглушив моторы, из-за проклятого мороза они скорее всего не смогут запустить их вновь. Но и дальше двигаться не представлялось возможным. Из-за метели они, похоже, заблудились. Линии фронта не было вообще. Офицер сложил карту и убрал её в нагрудный карман. Открыл крышку карманных часов, поглядел на циферблат. Четыре часа, скоро наступят вечерние сумерки.

– Как поздно!

Серебряная крышка захлопнулась. Надпись на крышке часов гласила: «Au combattant blanc de son oiselet»**.

Офицер задумался на долю секунды. Его грызли сомнения, но, чтобы подбодрить солдат, он весело добавил:

– Фюрер ставит перед нами невероятные задачи. Однако же неразрешимых задач не бывает. Поглядите на карту, – он снова развернул бумагу, – Мы уже у самой Москвы. Потом небольшой отряд двинулся в путь. Молодой офицер с бледным лицом и тонкими чертами лица вспоминал Париж июня 1940-го года, лёгкую войну с французами и его бурный, сладкий, как вино, настоящий предвоенный роман со смуглой дикаркой Сесиль. Она была мулатка из Южной Америки, плохо говорила по-французски, а он не знал её наречия. Она танцевала в кабаре, ему оставалось лишь смотреть и восхищаться. Такое чудо природы встречается один раз в жизни. Суждено ли им будет увидеться вновь, или она пропала для него навсегда? Он никогда не забудет мускусный запах её пота и бисеринки пота на верхней губе, он поклялся себе искать Сесиль, если вырвется отсюда. Как бы то ни было, серебряное воспоминание о ней он теперь носил в левом верхнем кармане куртки.

Ветер нещадно бил в лицо и ослеплял идущих. Ему вдруг показалось, будто бы Сесиль летит к нему в образе бабочки – махаона. Он принялся рассматривать побелевшие от

мороза пальцы, по которым, медленно перебирая лапками, ползёт махаон. Бабочка вздрагивала крылышками, поднимала их кверху. Но самое удивительное состояло в другом. При помощи этих двух бархатных кусочков бабочка умела летать! Командир группы танкистов понял, что начинает сходить с ума. Если этот бред не прекратить, конец наступит всем. Он запретил себе открывать часы и заставил мозг направить мысли в иную сторону, буквально вгоняя себе в голову, что Любовь и Красота есть абстрактные понятия. Как абстрактные понятия они существуют на войне внутри нас и помогают тем самым выживать и бороться в ледяной пустыне, коей является Россия. От успокоился, и бабочка исчезла.

---

*Ordnung muss sein – (нем.) «Должен быть порядок», вернее, используя правильный немецкий порядок слов, «Порядок должен быть».

**Au combattant blanc de son oiselet – (фр.) белому воину от его птички

Франкфурт 2008

В стиле Лаймы Вайкуле.

Часть первая

(Описываемые место и время событий: Москва середина 90-х)

– 1 –

Мама в шутку говорила Косте, что он похож на актера Игоря Костолевского. Красивый и спокойный. В Екатеринбурге в их кругу баптистов от правильных девчонок отбоя бы не было. А он равнодушно на них взирал, даже мама стала волноваться. Поехал учиться в Москву. Отец только рукой махнул. Чего, мол, его держать?

В общежитии Технологического института у Цыганкова имелась своя комната. Не целая комната, а только одна кровать в «трёшке», в комнате на трёх человек. Соседей звали Сергей Кондратенко и Резо Георгадзе.

Кондратенко был родом из башкирского села рядом с Уфой. На лице Кондратенко одновременно читалось восточное коварство и русская простота. Разрез его глаз будто специально был сконструирован для потайного изучения человека.

Резо из Кутаиси представлял собой типичный вид окультуренного кавказца. Торговец. Умный взгляд, нос с горбинкой, редущая шевелюра. Мягкий с друзьями, непримиримый к врагам.

В комнате по числу жильцов стояли три койки, три тумбочки, стол со стульями. Единственный исцарапанный и разбитый шкаф без дверцы, лампа под газетным абажуром.

– Опять двадцать пять, – сокрушался Резо. – Менты достали. В Америку бы. Как идиот теряю время.

Такие разговоры повторялись часто. Америка была для Резо землёй обетованной. Георгадзе покупал белые нижние майки в универмагах столицы и отвозил товар одному армянину. Армянин срезал ненужные бирки и вставлял свои, нужные, изготовленные на дому. Напоследок армянин украшал продукцию небольшой чёрной припиской Hollywood. Это слово или похожее он видел где-то. На рынке модернизированные майки шли по тройной цене.

– У американцев же полиция, армия. Если в Америке нелегально оставаться, вышлют назад или посадят, – подал голос Костик.

– Костя, – терпеливо начал разъяснительную работу Резо. – Въезжаешь по гостевой и не выезжаешь. Находишь себе бабу, делаешь ей ребёнка. Рожденный на территории США считается автоматически американцем. Ты отец ребёнка... Вернее, я. И никакая

армия с полицией меня уже не выгонит. Понял?

– Кончай болтать, чего не знаешь, – среагировал Кондратенко.

– У меня там родственники, – спокойно отозвался Резо. – Брат там остался.

Цыганков почесал голову. Кондратенко щурил один глаз, готовясь к атаке.

– Желаешь из грязи — в князи. А я говорю, говно, твоя Америка. Наркотики, негры.

Один ядерный удар по ней, – рубанул рукой воздух Кондратенко, – и всем хана.

В своё время он служил в частях ПВО и имел познания в военных вопросах.

– Каким «всем»? Наркотики и негры и на нашем рынке есть, – пожал плечами торговец майками.

– Я б... их... на куски, – не сдавался военный специалист, но говорил он уже вяло, без угрозы. Внезапно его настроение поменялось.

– Сегодня кто у нас подметает и моет пол? – спросил он, будто вспомнил о чём-то важном.

Резо хмыкнул и кивнул на Костика:

– Рядовой Константин.

Костя безропотно взялся за швабру. Его характер был мягкий и застенчивый. Будто бы и не мужской.

Утром Резо уходил на работу. Когда он успевал учиться и сдавать экзамены, оставалось загадкой. Быть может, он их и не сдавал уже. На рынке у него имелся свой лоток. За лотком один продавец, которого Георгадзе постоянно грозился уволить, но по неведомым причинам не увольнял.

Кондратенко на работу и в институт почти не ходил, жил на родительские деньги.

Ближе к сессии начинал читать учебники. Зато потом он часто появлялся в своём учебном заведении. Пересдавал экзамены. Его мозг обладал странной способностью запоминать огромные куски из прочитанных книг, он мог воспроизвести по памяти целые страницы. Для переэкзаменовки – очень ценное качество. Правда, после память его отключалась на несколько месяцев, а светившиеся огоньки знаний гасли.

Единственное что задерживалось, стихи. Он без видимых усилий мог процитировать тома поэтов серебряного века.

– 2 –

Катя с первого же взгляда поразила Костю прямо в сердце своей лёгкостью и разговором. Познакомились они тоже не в совсем обычном месте. Костя зашёл в зоопарк просто потому, что никогда раньше в зоопарках не бывал. А на «Баррикадной» он тоже оказался случайно. Шёл пешком, ожидая возможности сесть в первое попавшееся по дороге метро. Метро всё не попадалось. Зато на пути попался зоопарк. Костя пошёл туда, повинуясь детскому влечению.

Она стояла на берегу пруда в белоснежной футболке и серых штанах и бросала хлеб разным водоплавающим созданиям.

Сперва Костя решил, что занятие это, хотя и интересное, но довольно бессмысленное. Ведь в зоопарке птиц кормят. Другое дело – люди, например иногородние студенты. Их не кормят. Ещё Костя обратил внимание, что у неё было специально с целью скармливания водоплавающим куплен батон белого хлеба. Костя увидел куски хлеба на траве, у него с двенадцати часов крошки во рту не было, съеденный завтрак на самом деле являлся вчерашним ужином. И он подошёл. По траве перебежали обнаглевшие утки. Был тёплый весенний день, часы показывали пять.

– Не бойся, подойди сюда, – и она протянула кусок хлеба селезню, но посмотрела чуть в сторону, то ли на птицу, то ли на Костю.

Костя упёрся взглядом в это чудо женской природы, в зеленые, чуть раскосые поставленные глаза на фоне домашней птицы и зачарованно приблизился. У него всё трепыхалось внутри. К тому же свело желудок.

– Не бойся, не бойся, мой маленький.

Белая рука сказочной феи отломала и дала кусочек батона утке, другой – Косте. Вместо того чтобы бросить хлеб в пруд, растерянный Костя медленно принялся его жевать. Обнаглевший селезень, видя что кормёжка заканчивается, отодвинул утку и сожрал предназначавшиеся не ему подарки. Костя произнёс, заикаясь:

– К-какой наглый.

– Тебя как зовут? – раздалось в ответ.

Быстрый переход на «ты» в таких делах — половина дела. Знающие люди это понимают.

– Костя.

– Меня Катя. Ну, вот и познакомились. Сигареты у тебя не найдётся?

Костя никогда не курил, и никто из друзей и родственников. Такой грех. Ему показалось, что он ослышался. Катя не стала настаивать.

– Ну, нет и не надо.

Скоро они провалились в глубокое метро с серыми лампами и стихами Пушкина по стенам. Долго шли по бульвару, разговаривали. Костя рассказывал Кате про то, как Резо торгует палёными майками.

Катя смеялась, и её глаза превращались в озорные щёлочки. Косте это очень нравилось. Ему хотелось, чтобы она почаще улыбалась, и с этой целью он в своих рассказах кое-что присочинил. Например, Резо описал жирным и наглым, что не соответствовало действительности. Приврал он исключительно в целях вызвать расположение феи. То есть, почти бескорыстно.

Костя приехал к себе в общежитие института, когда на дворе бесповоротно стемнело. В комнате царил обычный беспорядок, коробки с готовой к продаже «палёной» продукцией, лежали, сваленные в углу. К столу прилипла тарелка с серыми макаронами. По комнате в синих спортивных штанах прохаживался Кондратенко, будто собираясь на пробежку. Общежитский народ – люди далёкие от спорта. Тем не менее костюмы носились днём, утром и вечером. Со стороны могло показаться, будто бы обитатели общаги находились в постоянной спортивной готовности.

Теперь Костя только и думал о Кате. Вспоминал, как она двигалась, как поворачивала голову, какие у неё складки на шее. И от этих шейных складок у него теплело на душе. Катя с Костей ходили ещё несколько раз кормить уток. Помимо уток необычная костина подруга приручила в зоопарке ещё одного зверя. Им оказался странного вида козлёнок с витыми рогами. Козлёнок ждал прихода своей повелительницы и принимался прыгать, когда волшебница приближалась. Каждый раз перед встречей у студента Цыганкова происходил взрыв внутри. К тому же в его голове, такой умной и светлой, образовалось чёрная дыра по части идей, связанных с проведением досуга. Москву он почти не знал, а шатающихся по Москве приезжих не любили не только милиционеры. Два раза ходили в ресторан быстрого питания. Там Катя брала себе салат и Костя тоже. А во второй раз блины с вареньем. Она их медленно ела, как будто это было так важно, с какой скоростью ты уплетаешь пищу. Ещё Катя имела обыкновение пользоваться во время еды ножом. Не то чтобы в общаге никогда ножом не пользовались, просто держать нож в одной руке, а вилку в другой было не принято. Когда ели, сжимали в одном кулаке хлебную корку, а в другом – вилку или ложку, помогая себе свободными пальцами. Ножом отрезали только то, что не отрывалось руками.

Костя хотел лишь одного: каждый день приезжать к катиному дому и стоять там день и ночь напролёт, ожидая свою возлюбленную. Она появлялась, и они шли в город. Иногда волшебница говорила вещи, от которых у Цыганкова мороз пробегал по коже. Например, что дети — обуза для свободного человека. С этим никак нельзя было согласиться. Костя отчаянно спорил. Ведь материнство — дар Божий. Или говорила, что у Лаймы Вайкуле прекрасный вкус и стиль. Костя не понимал про стилистов, Вайкуле казалась ему самовлюблённой и пустой, песня про вернисаж бессмысленной.

Так пролетело лето. Начался новый учебный год. Как-то раз они подошли к будке для приготовления шаурмы, продавец остолбенело уставился на Катю и страшно долго делал свою работу. Видимо, и у него в голове зашумело. В конце концов, свою трубочку с мясом он выронил на пол.

– О-от, шайтан, выскользнул. Скользкий какой. О-от, шайтан.

Он двумя пальцами взял шаурму с пола, как берут змею. Но не выбросил её, а отложил в сторону, чтобы чуть позже предложить следующему покупателю. Потом стал готовить заново, отрезал новый кусок и протянул Кате завернутый в фольгу мясной деликатес. Сели на лавочку. Когда Катя доела свой кусок то, увидела в шаурме бумажку с телефоном и показала её Косте. Костя напрягся.

– Смешной дядька, – сказала Катя и выбросила телефон. – Я с твоего позволения покурю, а то луком пахнет.

Костя сморщился. Они сидели довольно долго, отвернувшись друг от друга, в молчании.

– Ну, ладно, расскажи, думал сегодня обо мне? – повернула Катя своё лицо, выпустила последнюю струю вверх, бросила окурочек в сторону.

От близости зелёных глаз у него закружилась голова и закололо в груди.

– Думал, – ответил он. В его словах не было ничего кроме чистой правды.

Хотелось верить, у них с Катей всё будет по-другому, в смысле, чище и возвышеннее, чем в номерах общаги. Но что скажет отец, Цыганков-старший, по поводу костиного выбора? Вряд ли одобрит.

Вокруг ходили неосторожные прохожие, один из них бросил в урну стаканчик от мороженого, но не попал. Катя кривила губы.

– Куда бы нам теперь пойти? – спросила Катя, цепляясь взглядами за мешавших ей людей.

– Что? – ответил влюблённый по уши Костя.

Катя сидела совсем близко и злилась на застенчивого кавалера, которому мешали не прохожие, а собственные руки, вымазанные в майонезе. Теперь они смотрели друг на друга не отрываясь. Вдруг Костя приблизился к Кате, или это Катя неосторожно так пододвинулась. Но в одно мгновение он коснулся Кати губами. Ощутил лёгкий привкус её тела, запах табака и шаурмы.

Катя резко отстранилась и засмеялась.

– Неопытный. Первый раз? Кто же целуется, наевшись лука?

Костя покраснел и ничего не отвечал. Это было какое-то наваждение. Потом им надоело сидеть, они поехали на «Пушкинскую» и пошли по бульвару, как тогда, в первый раз. Прошли ещё, наверное, километр.

– Поехали ко мне, – предложила Катя

В квартире на первом этаже пахло тем же запахом, что и от Кати. Когда они вошли, в доме кто-то был.

– Мама, – сказала Катя и обречённо вздохнула.

Из кухни показалась женщина очень похожая на свою дочь, но с морщинами и располневшая. Она не стала здороваться с Костей, а только помахала ему половником. На табурете, спиной сидел высокий человек в кожаной куртке, какие носят пилоты. Он даже не обернулся.

– Не обращай внимания, отчим приехал, пошли, – объяснила Катя.

Костя робко прошёл в комнату. Сели на диван. Катя стала показывать ему свои работы, картины. Иногородний студент никогда раньше ничего подобного не видел. Вернее видел, в журнальных репродукциях. На выставках и в музеях именно такие, скорее всего, и висели. Он взял одну, приличных размеров и стал вертеть её и так, и эдак. На поле из жёлтого сена стоял человек с граблями на плечах. Лицо было лишь очерчено, из глаз текли слёзы. На других картинах тоже были люди с серпами и граблями. Голова Костика совсем отказывалась работать. Это ты сама так? – удивлялся он. – Что это? Как ты это делаешь? – только и мог пролепетать в восторге Катин гость.

– Я с шести лет была в художке, – ответила Катя легко и беззаботно, словно быть с

шести лет в «художке» – дело ясное и совершенно рядовое.

– Где-где?

– В художке, в художественной школе. Мы так её называем.

– Кто это, «мы»?

Катя засмеялась.

– Ну, художники. Мой папа. Он тоже художник, только с нами давно не живёт.

– Катя, если мы поженимся, я... не знаю. Я... очень тебя стану любить, – признался Костя и покраснел. Глаза и длинные ресницы его часто хлопали. – Но ты должна обещать мне изменить свою жизнь...

Катя не дала договорить, засмеялась, сама прижала Костю к себе и на сей раз умело поцеловала его в губы.

– Вот как надо.

На обратном пути Цыганков всё думал, про незримых своих соперников: поклонников, художников. В руках он бережно нёс подаренного ему крестьянина с граблями. Когда пришёл в общежитие, первое, что ударило в нос, запах невымытой посуды.

– Из тебя моча течёт, – пробубнил Кондратенко в сторону.

Костя уперся взглядом в жирное пятно на штанах, достал из кармана фольгу и снял пиджак. Он рассказал соседу, как гулял с Катей, про будку с шаурмой и про отчима, про маму, папу и «художку». Показал картину.

Кондратенко покачал головой, открыл форточку. Потом собрал все силы и смачно плюнул вниз.

– 3 -

Самое ужасное, думал Костя, что вместе жить никак невозможно. Ни жилья, ни денег. По всей вероятности, придётся делить квартиру Катиной мамы. И жить в Катиной комнате. А тут ещё эта армия. В Москве, может показаться на первый взгляд, легко укрыться приезжему. Но это только кажется.

И тут она напросилась гости и пришла, как королева. Огляделась, села на краешек стула осторожно и разглядывала подаренное полотно. Крестьянин висел над кроватью. Минуты две они были одни, словно тайно сговорившиеся преступники, ожидающие неминуемого появления свидетелей их гибели.

Вот раздался кашель и, шаркая стариковскими тапочками по грязному линолеуму, в «трёшке» возник Кондратенко, подпоясанный солдатским ремнём. Он покачивался из стороны в сторону, как рыбный траулер. Пахло от него соответствующе: смесью кильки в томате и дешёвого спирта. Он как раз попал в аврал. Сессия была на носу. В одной руке Кондратенко дымилась самокрутка, в другой он нёс перед собой чашку с остатками кофе. На лице читалось желание занять рубль.

– Ё моё, – начал было сосед Цыганкова, но осёкся и разом перестроился.

Чашка с остатками кофе описала в воздухе круг.

– Сергей Борисович Кондратенко, – поклонился вошедший. – Добро пожаловать в наш апартамент. Вы Шарон Стоун?

Катя тоже поднялась с места и представилась, распространяя чудные волны вокруг.

Мухи с газетного абажура оживились.

– У нас тут немного не убрано, – принялся Кондратенко знакомить гостью с внутренним убранством помещения, – Этот шкаф сделан без единого гвоздя, лучше не рисковать. Вы можете положить плащ прямо на коробки. Работа нашего третьего отсутствующего товарища приносит богатые плоды.

– Его зовут Резо. Мне Костя рассказывал, – кивнула Катя.

Кондратенко всё больше нравилась роль экскурсовода.

– По секрету. Наш Резо – потомственный грузинский князь. Вот эти хреновины, которые ему вчера доставили, и есть основа его благополучия, – он кивнул на коробки, и лицо его просветлело от приятных воспоминаний. – Час таскали. Потом у нас состоялась дружеская вечеринка.

Катя подошла к несчастному шкафу с одной дверцей. Кроме дверцы шкафу не доставало и ножи. Чтобы шкаф окончательно не упал, ему подставили стопку книг. «Малевич. Супрематизм», – прочла Катя золотую надпись на пыльной искорёженной обложке и украдкой дёрнула губой.

Потом подошла к зеркалу и оглядела себя. В мутном отражении Кондратенко склонился к Косте и принялся что-то сипеть, стараясь не быть услышанным Катей.

– Чего сидишь, как у тёщи на блинах? Сгоняй по комнатам принеси пожрать, – прошипел голос в ухе Цыганкова.

– Угу, – подтвердил юный Костолевский. – Кать, я сейчас. Принесу нам ужин.

Костя выскочил, вдали бабахнуло, скрипели половицы, мухи описали над абажуром круг.

– Вам не нравится супрематизм, Сергей? – обернулась Катя, показывая пальцем на книгу-подпорку.

Кондратенко и ухом не повёл. Щёлкнул костяшками пальцев.

– У каждой вещи своя функция. У меня к вам встречный вопрос. Почему на вашей картине крестьянин шагает по полю с садовыми граблями?

– Деревня, – пожалала плечами гостя. – С чем ещё ходить колхознику?

– С поллитрой, – без тени улыбки ответил Кондратенко и холодно уставился на Катю, будто присматривался, чем её ударить.

– Не остроумно.

– Миноискатель, думаю, ему бы тоже подошёл...

– Я сейчас уйду, если вы не прекратите!

– Не уйдёте. А с граблями деревенские сейчас не шляются. Трактора!

Цыганков вскоре вернулся, неся в руках салат и вино. Катя раскрыв от удивления глаза, смотрела на башкирского студента. Настроение её успело упасть и вновь взлететь. Кондратенко разглагольствовал:

– У нас очень активная вечерняя и ночная жизнь. Как говорит Цветаева: «Кто спит по ночам? Никто не спит!» Прямо про нашу общагу.

Вернулся с работы усталый Резо, пристроился у стола. Был по обыкновению молчалив. Костя побежал на кухню, достал и отмыл нож. Дал его гостю.

– Вы, правда, из князей? – спросила Катя Георгадзе.

Резо приподнял бровь, но не проронил ни звука, отчего сделался ещё загадочней.

– Мне Сергей рассказывал, – пояснила гостя. – Читал наизусть большие куски из Цветаевой. Сказал, вы все стихи сочиняете, устраиваете поэтические вечера.

– Мы немного декабристы, – иронично пояснил Кондратенко.

– Не ожидала встретить тут поэтов. Вы всё молчите, Резо?

Резо разглядывал холодное мясо на вилке, не удержался и понюхал его:

– Я сочиняю длинные поэмы.

Постучали в дверь. Дверь открылась и тотчас закрылась. Но через секунду её приоткрыли снова. Видимо, Катя заинтересовала ещё кого-то.

– Тут у вас чё? – медленно выговаривая слова произнёс из проёма обладатель кавказского акцента.

– Суп харчо, – нашёлся Резо.

– Экспромт, – обрадовалась Катя.

Костя подхватил милую улыбку:

– Есть бедные грузины у нас. Не все живут богато, как мы.

Резо поднялся и отрывисто крикнул что-то по-своему, дверь, наконец, захлопнулась. Георгадзе сел.

– В общаге нет бедных грузин, Костя, запомни, – мягко, но твёрдо промолвил работник рынка.

– А кто сейчас заходил? – улыбался Костя.

– Переодетый грузин, – жуя мясо, с трудом выдавил из себя Резо.

Все дружно засмеялись. Кондратенко широко улыбался, показывались жёлтые сточенные зубы и почерневшие старческие дёсны. Наконец Катя засобиралась уходить.

– Спасибо. Мне пора. Правда, весело у вас. В медицинском у нас одни девчонки. А я ещё и на фармацевтике.

– Приводите подруг, – радушно кивнул Георгадзе. – Вы в которой стороне живёте? Если далеко, то я на машине, могу подбросить.

– Далёко, – не зная, радоваться или нет, прочирикала Катя.

– Нам это не трудно. Вот вам стих. Туда – назад — как секунда пролетят, – подвёл итог владелец торговой точки.

Георгадзе достал пачку Мальборо. Катя взяла одну сигарету. Костя перестал смеяться и пошёл вместе с Резо провожать. Кондратенко же отправился на поиски менее дорогого отечественного курева.

Свет в коридоре задрожал и погас, потом вспыхнул снова. Кто-то громко и нецензурно принялся ругать материнскую плату. Молодая муха сдавала старой экзамен пилотирования по включённым электрочайнику и лампочке. За обоями на дальних подступах к кроватям шеренги клопов принимали присягу, поклявшись не посрамить традиций. Тихий голос напевал под гитару: «Возьми банджо, сыграй мне на прощанье...» Ночь тихо пробиралась по коридорам общаги.

– 4 -

Катя неожиданно исчезла. Оказалось, Резо снял ей комнату, и Катя теперь жила с ним там. В общаге Георгадзе больше не показывался. Своё решение объяснила в телефонном разговоре.

– Надоело жить взаймы, Костя. Квартира взаймы у родителей, деньги — у добрых родственников, машина — у частного, если подбросит. Надеюсь, ты понимаешь.

– Есть ведь и любовь.

– Любви тараканы не способствуют, – отрезала Катя. – И стирке пелёнок тоже. Костя об этом знал, но зачем-то сопротивлялся логике услышанного.

– При чём тут тараканы?

– Ну, клопы.

– Да, разумеется. Я понимаю.

Вскоре Георгадзе сообщил, что их общая подруга ждёт от Резо ребёнка. Костя кое-как пережил кораблекрушение.

Примерно через полгода после тех посиделок Костины родители оформили документы на иммиграцию в США и сообщили о дате отъезда своему сыну как о деле решённом. Он воспринял известие о переезде с облегчением. Судьбе было угодно вышвырнуть его с корабля по ту сторону Атлантики.

Part two. Часть вторая

(Описываемые место и время событий: Нью-Йорк, спустя 20 лет)

– 1 -

Цыганковы жили на углу 58-й улицы, в квартире над огромным ювелирным магазином Розена. Костя женился на спокойной и уравновешенной Лене и попал в яблочко. Не он, а она — опора семьи. Зарабатывает в три раза больше него. Плюс идеальная хозяйка и мать.

У Розена Костя работал уже больше пятнадцати лет и был по сути правой рукой шефа. Родители Кости жили в другом штате, в глухой деревне и не часто общались с сыном, никогда не интересовавшимся баптистами. А теперь и вовсе ушедшим к православным. Отрезанный ломоть, они всегда подозревали в Косте склонность к измене.

Лев Розен, как и полагалось человеку, сколотившему состояние с нуля, отличался редкой скупостью. Платил смешные деньги. Приходилось дополнительно

подрабатывать. Цыганков имел свою клиентуру, тоже через Розена. Это были нувориши из России, которым требовался гид-переводчик и секретарь на время пребывания в Америке.

С недавних пор Костя увлёкся сочинительством. Для души писал путевые очерки, которые один раз напечатал «Вечерний Нью-Йорк» и гораздо чаще брал филиладельфийский «Навигатор» в раздел «Гуд-бай, Америка». Начинались очерки примерно так: «По делам фирмы я провёл неделю в захолустном Кливленде», или «Звонок поднял меня в три ночи. На встречу с чикагскими партнёрами мы вылетели из «Джей Ф. Кей» в семь». Далее шёл переведённый из англоязычного путеводителя рассказ о достопримечательностях города. Последняя фраза была эффектной. Например, так: «It was time to say, bye-bye L.A.», или «Широкие чёрные спины охранников на переднем сиденье скрывали горизонт. It was time to say, game is over». По большому счёту придраться не к чему. Вся информация, включая норму годовых осадков, была чистой правдой.

Костя старался не вспоминать тот злосчастный год, когда Катя окончательно исчезла из его жизни. Он ведь и сам исчез из Москвы. Две фигурки, Костина и Катина, бредущие по Садовому и сидящие на лавочке, словно яркий недолговечный мираж, давно растаяли в воздухе.

Костя никогда не пытался разыскать бывшую подругу. Гугл на любую заданную комбинацию выдавал совсем не тех людей.

Но в один прекрасный день случилось. Цыганков уже хотел выключить компьютер, как взгляд его упёрся в коротенькую заметку о художнице-ювелире, продававшей свои поделки на интернет-аукционах. Дешёвка, мелькнуло в голове. Ради смеха Костя задал в поисковик имя и ничего не говорящую фамилию художницы и чуть не подпрыгнул. Она! Ничуть не изменилась.

Фейсбук Катю не знал. Тогда Костя зарегистрировался под вымышленным именем на «Одноклассниках» и нашёл, что искал. Вся поисковая операция заняла не больше получаса.

Ну, вот и встретились. Катины одинокие фотографии на фоне европейских городов. Безупречно одета. Стиль Лаймы Вайкуле, догадался Костя. Даже лучше. В разделе «Моя семья» у неё только одна фотография с высокой девочкой-подростком на выщербленном школьном паркете. Девочка отдалённо похожа на маму, в нарядном длинном платье и с бело-сине-красной лентой через плечо. Выпускной бал.

Работает менеджером на большой фармаконцерн. (Кто в наши годы не менеджер?) Продажа и реализация лекарств для химического аборта. Хобби и увлечения — огранка камней. Каждое слово и каждая фотография звали и отталкивали одновременно. Старое знакомое чувство.

Костя захлопнул ноутбук и спустился вниз, в квартиру. Жена разговаривала по телефону, дети спали. Он привычно бросил взгляд в детскую, поглядел, как, разметав одеяла, сопят два маленьких Костолевских.

Катя не шла из головы.

– 2 –

Еврей Лев Розен не был ни правоверным иудеем, ни баптистом. Он был делец. Сам по себе, с острым умом и с носом малость длиннее и острее среднестатистического. Может поэтому в Союзе он успел кроме прочего побывать режиссёром в театре юного зрителя.

Костя решил показать найденную страничку шефу. Бывший режиссёр Лев Розен, а ныне шестидесятипятилетний миллионер, выслушал, скрипнул креслом, поправил пиджак «Барнейс», купленный на верхних этажах известного магазина с 60-й улицы, глянул в лэптоп, ехидно сощурился и постучал костяшками по столу.

– Как вы считаете, я знаю толк только в ювелирных делах? Или в сердечных тоже?

– Лев Григорьевич. Вы знаток театра, психолог, я и пришёл посоветоваться.
– Вот именно. Вы не Дон Жуан, у вас жена и дети. Поэтому вы плохо знаете актрис и их психологию, а я собаку на них съел. Глядите сюда. На ваш компьютер глядите. Самое главное у бабы – в глазах. Видите, какой у неё взгляд?
«Ещё бы не видеть», – подумал Костя.
– Живёт одна, упрямая, нервная. Недовольна собой и жизнью, любит эпатаж, – учил театральным пророк.
– Как вы догадались?
Шеф улыбнулся.
– Профессиональный опыт, мой дорогой... Пьёт... всякую дрянь.
– Ещё и пьёт?
– Я имею ввиду эти лекарства, как их... антидепрессанты... Она же фармацевт. Конечно, глотает таблетки. Сделала операцию и отсосала себе жир с задницы... прошу прощения, с ягодич...
– Вы и это видите? А дочь? – упавшим голосом спросил Цыганков.
– Дочь с виду инженерю, с матерью, скорее всего, не живёт. Обратите внимание на интерьер квартиры на последних снимках. Холостяцкая хата. У таких семьи нет и не будет. Зато масса поклонников. В России она оставалась только из-за дочери, учившейся в школе. Теперь она свободна, время уходит, и ей понадобился богатый любовник-спонсор!
– Как вы определили, что он ей нужен?
– Ах, голубчик, кому же он не нужен? – рукава «Барнейса» произвели махательное движение. – Треплёв и Маша... Сюжет «Чайки». Полюбуйтесь-ка на её шею. Вот эту гирлянду с камнями она же не сама себе на станочке выточила.
– У любовника взяла? – уткнулся помощник ювелира в экран.
– Чей-то подарок. Пока она не найдёт себе спонсоринг, даже не дёргайтесь. И зачем вам, примерно американцу, труп любовницы под кроватью?
– Труп?
– Художественный образ. Только у неё появится бойфренд и засыплет её деньгами, выйдете, как тень отца Гамлета.

«Что за искушение, – думал Цыганков. – пора бежать на исповедь». Ему мерещились крестьяне с граблями, комья ваты и убиенные химабортом младенцы. Видимо, встреченные нами в продолжении жизни люди не исчезают бесследно, они существуют в параллельных мирах со всем своим жизненным скарбом. Бродят там своими путями. Сближаются с нашим миром и отдаляются от него.

Ещё пару дней прошли как в тумане. Костя решил писать письмо. Принялся за черновик. Он уже заготовил первые фразы: «Дорогая Катя, представьте себе ночное побережье из окна лайнера. Чернота и вдруг — полоса огня...» Зачеркнул. Написал по-другому: «Катя, я хотел Вам сказать, что встречал не так много людей, которые нас...» Подумал и исправил на «которые мне...» Дальше письмо не пошло. Он хотел сказать, что в его мире равновесия и ясности ему не хватало неожиданной и непредсказуемой Кати. Но не знал, как это выразить. Чувствовал, что близок к совершению невероятной глупости. И ничего не мог с собой поделать. Закрывал глаза и видел её лицо, её глаза, крестьянина, грабли и младенцев. Планета по имени Катя удалялась во Вселенной, сердце наполнило новое чувство. Возвышенное и печальное, нежное и всепрощающее.

Он щёлкнул пультом и включил телевизор. Убрал звук, чтобы никого не будить. На огромном экране вихрастый дирижёр командовал оркестром, будто перечёркивал неслышимые огрехи музыкантов. Разом всё замерло. Скрипачи беззвучно стучали смычками. Дирижёр повернул огненное лицо в зал и поклонился зрителям.

Франкфурт 2011

IV Ручная кладь

Тетрадь

Версия одного преступления

...в моих руках осталась еще толстая тетрадь, где он рассказывает всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на суд света; но теперь я не смею взять на себя эту ответственность по многим важным причинам.

М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»

По разбитой дороге вслед повозке, запряжённой гнедой лошадкой, топал молодой человек. Повозкой правил горец в надвинутой до самых бровей меховой шапке, такие шапки встретишь и по сей день в тех краях.

Лет молодому путешественнику было около двадцати восьми, росту он был выше среднего и обладал, что называется, приятной наружностью. То есть такой, каковая нравится молодым барышням и их мамашам, и не нравится старым военным, находящим нынешних молодых людей слишком хлипко склеенными для плохих российских дорог и превратностей неустроенной кочевой солдатской жизни. Время было и вправду неустроенное, без современного комфорта: на дворе стоял 18... год. Время энергичных молодых людей высокого роста, имеющих открытые лица и быстроту в движениях и взгляде, ещё не наступило.

То было время старое, зимними месяцами тянувшееся долго и скрипуче, как плохо смазанная телега, а если изредка и устремлявшееся вперёд, то не быстрее рессорной коляски, передвигавшейся по матушке-России несколько тяжеловато.

Высокий рост в те времена являлся не преимуществом, а, скорее недостатком. В высшем обществе Москвы или Петербурга с этим можно было мириться. А только на Кавказе, куда занесло нашего героя, совсем беда.

Поскольку за придорожными камнями прятались ещё тут и там неусмирённые черкесы и кабардинцы, или адыги, как они сами себя с незапамятных времён называют.

Тогдашние горцы готовы были в любой момент поймать в мушку прицела высоко торчавшую мишень и нажать на спусковой крюк ружья.

Из-за кустов на вершине скалы в прорезь прицела отлично просматривалась фигурка в сюртуке петербургского покроя с серебряными пуговицами. Эполеты длинная мишень догадалась убрать. Но что поделаешь с ростом? Вот фигурка в прорези прицела чуть двинулась вбок, встала вплотную к сидящему в повозке. «И за эдакого дылду Их благородие решили отвалить полтораста рублёв? – удивились за камнем. – Да, всё едино, долго ему тут не проходить».

Возница, выбрав себе неудачного попутчика, сильно рисковал и знал об этом. Цену за свои услуги он назначил тройную и поступил совершенно правильно. Поскольку, беря высокую плату за свою работу, не жадностью и не душевным нерасположением руководствовался. А исключительно степенью собственного риска.

Лошадёнка горца выбивалась, казалось, из последних сил и иногда вовсе останавливалась. Возница

пел свою песню на языке горцев и изредка стегал лошадь, когда она спотыкалась.

Возница и молодой человек сильно бы удивились, если б узнали, что через какую –нибудь сотню лет дороги в Европе начнут покрывать ровным и удобным для проезда материалом. И достигнут в этом своём предприятии таких невиданных успехов, что дороги из скучных и непроездных в распутицу превратятся в артерии и нервные окончания целых государств. Лошадей начнут потихоньку забывать, а расстояния будут преодолеваться гораздо быстрее, нежели во времена нашего повествования. Дойдут эти новомодные веяния и до Кавказа.

Однако ни возница, ни молодой высокий человек этого знать тогда не могли. Тем более бы удивило их то, что дорога, которой шёл молодой человек, приводя в негодность свои сапоги, в отличие от европейских, ещё сотню лет будет оставаться

таковою, разбитой и неухоженной. А потом, в следующую сотню лет, придёт в полную негодность. Правый сапог на носке высокого совсем порвался, сильно начал натирать ногу и мучить хозяина. Тот стал прихрамывать и решил, пока каблук совсем не отвалился, сесть в повозку, невзирая на всё своё сострадание к выдохшейся кобыле.

– Скажи, любезный, успеем мы до темноты? – поднял лицо высокий к вознице и устроился рядом поближе, надеясь расслышать ответ из-под шапки. С первого вопроса понять, что ему ответит проводник, он не надеялся и собирался задать ещё пару наводящих вопросов.

Возница кивнул и быстро показал рукой с зажатым в ней хлыстом в сторону небольшой отвесной скалы впереди, нависавшей над головами всех проезжавших по этой дороге. Из рта возницы раздалось: «Полверсты хозяин...»

Сразу после этого возница вздрогнул и начал хрипя заваливаться набок. Лишь когда поводья выпали из рук, а тело полностью распласталось на дне брички, рядом с двумя дорожными чемоданами, эхо донесло звук ухнувшего вдали выстрела.

Длинный по-кошачьи изогнулся, выхватил ружьё, лежавшее позади возницы, согнулся в три погибели и, стараясь казаться незаметным, подбежал и схватил за уздцы лошадь. Последние слова проводящего черкеса означали, что примерно полверсты придётся идти, опасаясь малейшего шороха и звука. Все преимущества были на стороне нападавших. Однако высокий прошагал эти полверсты по правилам военного искусства и два раза пальнул в сторону кустов, когда слышал там шорох.

Уже в лучах заходящего солнца, на исходе дня повозка с лежащим навзничь черкесом и бредущим рядом, хромящим уже на обе ноги молодым человеком въехала в аул. Вошедших приветствовали двое сидящих на земле горцев в длинных халатах и с седыми бородами.

Старцы не сдвинулись с места, не подошли, чтобы расспросить или помочь. Они глядели на повозку с нескрываемым равнодушием и презрением. Раненой собаке в деревнях обычно уделяют больше заботы, хотя кто знает, каким вниманием было бы удостоено раненое животное, попади оно сюда.

Высокому пришлось ещё долго искать, звать на помощь. Наконец появился казачок, из покосившейся сакли откуда-то сбоку на нетвёрдых ногах.

– Доктора, доктора надо, – пытался объяснить высокий. Казачок взял кобылу под уздцы и зашагал к каменному дому за высоким забором.

– Здесь они. Их благородие, – произнёс казачок заплетающимся языком, – вчерась приехали. Они дохтур и есть.

Когда высокий в сопровождении казачка наконец подошёл к дому местного эскулапа, солнце совсем почти спряталось. Казак принялся барабанить в дверь кулаком, дождался, пока на крыльцо высунулась физиономия с усиками и отпрянул в сторону.

– Где он? – раздалось из двери.

– К Вашему благородию самолично просюся, – закричал казак.

По всей видимости, человек за дверями и был тот, кого казачок звал «дохтуром». Когда высокий столкнулся нос к носу с доктором, «дохтур» опешил и попытался закрыть дверь. Потом вдруг переменялся в лице и заулыбался.

– Чем могу?

– Здравствуйте, меня зовут Горецким. Александр Фёдорович. Тут со мной случилась такая оказия... Нападение! У меня на повозке раненый. Не изволите выйти и помочь!

– Да, да. Конечно, – промолвил доктор и в домашних туфлях засеменил к повозке.

Доктор оказался хромым и тщедушным человечком. Осмотр им пострадавшего не занял и минуты. Доктор развёл руки в стороны и закрыл глаза кавказцу. Всё было кончено.

– Пуля попала в висок и прошла сквозь мозг. *Vona mors...* Моя фамилия Вебер, – улыбнулся доктор и протянул руку.

«Мефистофель, так и есть», – мелькнуло в голове Горецкого

– Вы Вебер? – удивился Горецкий. – Не знали вы такого Григория Александровича Печерина? Я ищу документы, связанные с его пребыванием в этих краях.

– Печерина? Приходилось слышать, – ответил доктор и посмотрел в сторону,

показывая всем видом, что имя Печерина ровным счётом ничего для него не значит. – А почему вы спрашиваете?

– Это офицер, уехавший в Персию совсем недавно. Там он погиб при странных обстоятельствах. Он оставил записки, которые попали ко мне. Я подумал, уж не тот ли вы доктор Вебер, о котором пишет этот Печерин. Он довольно точно вас описывает. Я изменил имя того умершего в Персии офицера на Печорина, а ваше на Вернера и опубликовал дневник. В Петербурге было много разговоров об этом. Надеюсь, вы мне простите эту вольность.

– Ах, вот как! Да-да. Я слышал. Наделали же вы у них там шуму. Пойдёмте в дом. Я распорядюсь насчёт убитого, и не забудьте внести вещи, останетесь у меня на ночь. «Мефистофель» ненадолго исчез, но вскоре появился вновь. Час спустя Горецкий сидел за самоваром при свете свечи в доме нового гостеприимного знакомого, а Вебер ковылял по комнатке, отчаянно жестикулируя.

Эти тетради вы обязаны были отдать или отослать...

В Третье отделение?

Куда следует. Что с толстой тетрадью Печерина? – вдруг остановился доктор и холодно посмотрел в упор на Горецкого, а затем перевёл взгляд на жёлтые дорожные чемоданы.

Тетрадь спрятана в надёжном месте, и я собираюсь в ближайшее время отдать её издателю...

Затронуты интересы августейшей фамилии. Вы это знаете лучше меня. Печерин погиб, теперь ваша жизнь висит на волоске. Отдайте тетрадь по-хорошему...

Кому?

Нам, – проговорил доктор так, что и тени сомнения не оставалось, на кого он работает. Чёрта-с, два, получите тетрадь, подумал Горецкий, не для того я ввязался в это дело, чтобы теперь по-глупому вам её отдать. Это не просто тетрабочка. Бомба.

Имею честь откланяться, милостивый государь, – произнёс Горецкий и встал со своего места. – Я не боюсь ваших угроз. Спасибо за чай.

Хорошо, – вдруг сменил тон Вебер, и снова превратился в дружелюбного хозяина, – идите и устраивайтесь на ночлег сами. Я вас не держу и советов больше давать не стану.

Затем он подошёл к двери, полуоткрыл её и крикнул в темноту: «Фёдор, проводи гостя!» В комнатёнку вошёл давешний казак с шашкой наголо. Казалось, он полностью протрезвел. Горецкий взялся было за поклажу, когда Вебер незаметно сделал казаку знак рукой. Шашка, описав полукруг в воздухе, опустилась на голову несчастного обладателя жёлтых чемоданов.

На следующее утро возле повозки, на которой лежали два покрытые белым полотном трупа, стояли казак и доктор.

– Уверял, что сам справится, – тихо произнёс Вебер и дотронулся пальцем до тела горца. Неудачник. Дослужится до чина капитана. Из драгун. Всегда носил свою форму, даже когда потом перешёл на работу к нам, в Третье, в первую экспедицию. И с Печериным вышла промашка, и с этим... Не судьба...

– А у этого-то, совсем сапоги изорвались, – показал казак на торчащие ноги Горецкого.

– Absit omen. Пусть не послужит это дурной приметой, – ответил Вебер и похлопал казака по спине. – Как там писал Печорин? «Мы знаем один о другом все, что хотим знать, и знать больше не хотим». Талантлив был, чёрт. Нет, врешь, брат. Мы, тайная полиция, очень даже хотим. Пойду, погляжу чемоданы... А ты езжай. С Богом.

И «Мефистофель», заковылял к сакле...

Франкфурт 2008